2[illegible]
С-32

М. А. СЕРГЕЕВ

СОВЕТСКИЕ ОСТРОВА ТИХОГО ОКЕАНА

ОГИЗ · СОЦЭКГИЗ
1938

Акт № 2

Индекс	М.2		Шифр хранения
Авторский знак	4-С.32-С		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

Тип. Воениздата. Зак. 1453—150000

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверено-56 г.

ПРОВЕРЕНО-58

Проверено-65

338(47)
С-32

М. А. СЕРГЕЕВ

V·3
С-32

СОВЕТСКИЕ ОСТРОВА ТИХОГО ОКЕАНА

3862. инв. 7315
59666

Государственное социально-экономическое издательство
Ленинградское отделение
1938

4

91 (47)
С—32 Доб. 338(47)

Настоящая книга содержит обширный материал о географическом положении, природе, населении, истории и хозяйстве наиболее важных в хозяйственном и политическом отношении советских островов Тихого океана — Командорских, Карагинских и Шантарских. Наряду с этим в ней даны и главнейшие плановые предпосылки для дальнейшего хозяйственного развития этих островов.

Книга рассчитана на широкий круг советских читателей, преподавателей, учащихся и аспирантов, а также практических работников советского Севера и Дальне-Восточного края.

ОТ АВТОРА

«Нет такой земли, которая в умелых руках при советской власти не могла бы быть повернута на благо человечества».

С. М. Киров

Необъятному в своих водных и сухопутных границах Советскому Союзу принадлежат многочисленные острова, разбросанные на громадном пространстве Ледовитого и Тихого океанов. Социалистическое освоение этих, пустовавших до Великой революции, земель создало совершенно новые формы хозяйствования и увенчалось грандиозными достижениями. Между тем широкий советский читатель почти совершенно не знаком с этими интересными и в подавляющем большинстве своем очень богатыми уголками своей родины. Имеющаяся, незначительная количественно, литература содержит главным образом сведения физико-географического характера. Отсутствует почти совершенно литература о населении этих островов, об их прошлом и настоящем, о социалистическом строительстве и хозяйстве этих отдаленных окраин, быстро наверстывающих свою вековую отсталость.

Особенно мало известны читателю, да и мало изучены специалистами острова советского Дальнего Востока, лежащие в Чукотском, Беринговом, Охотском и Японском морях — от полярных островов Врангеля и Айон на севере и востоке до островов Рикорда и Аскольд с их субтропической природой — на юге. Многие из этих островов, даже относящиеся к крайнему северу СССР, являются исключительными памятниками природы, своеобразными естественными заповедниками и одновременно крупными и рентабельными советскими хозяйствами, давно уже вовлеченными в общую экономику Союза.

Кроме того, острова эти интересны тем, что социалистическое освоение их началось несколько ранее, чем других островов Союза. Уже поэтому на пороге третьего пятиле-

тия не бесполезно подвести итоги многолетнему опыту островного хозяйства.

Размеры настоящей работы позволяют показать читателю только некоторую часть тихоокеанских островов Дальнего Востока. Избраны поэтому наиболее крупные по своим размерам, наиболее интересные по своему прошлому и одновременно имеющие наибольшее хозяйственное значение группы островов (Командорские, Карагинские, Шантарские).

Автор поставил своей задачей дать комплексное описание природы, населения, хозяйства и культуры островов и исследовать их исторические судьбы — полное разорение в прошлом и возрождение в советскую эпоху. Такая работа должна, по мнению автора, чрезвычайно ясно показать, как разрешались на конкретных и чрезвычайно трудных участках ответственнейшие задачи социалистического строительства во втором пятилетии — рациональное размещение производительных сил на территории Союза и преодоление вековой отсталости бывших колоний царской России. Исследование природных условий и ресурсов островов Тихого океана, а равно 15-летний опыт островного хозяйства определяют наиболее целесообразный путь освоения этих островов и в будущем.

Ведущим направлением всего островного хозяйства должно служить пушное звероводство, эта новая, возникшая только после Великой социалистической революции, отрасль народного хозяйства Союза.

Анализ путей и форм хозяйственного развития островов показывает, что на примере советского островного хозяйства Тихого океана создался в нашей стране новый тип экономического района.

И еще один момент исторического характера, не лишенный актуальности и в настоящее время, хотелось осветить автору. Характерной чертой положения избранных темой работы островов в прошлом являлось их «беспризорное» состояние в бывшей Российской империи. Всесторонняя отсталость России находила свое выражение и в полной беспомощности ее при защите своих дальневосточных владений. Лишенные какой-либо защиты и охраны, тихоокеанские острова являлись по существу res nullius (бесхозяйственным имуществом), усиленно расхищаемым иностранными хищниками. Исконным расхитителем нашего народного достояния на островах Дальнего Востока являлись

японские хищники (агенты крупнокапиталистических кругов Японии), совершенно разорившие эти острова в предреволюционный период. И только Великая Социалистическая революция, как освободительница России от ее полуколониального положения[1], окончательно положила конец этому хищничеству и незыблемо утвердила суверенитет советского государства на этих тихоокеанских форпостах социализма.

Август 1937 г.

---

[1] И. Сталин, А. Жданов, С. Киров, Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР, Сборник «К изучению истории», Партиздат, 1937, стр. 23.

ПУШНОЕ ЗВЕРОВОДСТВО И ОСТРОВНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Промысел пушных животных, некогда сильно распространенный во всех странах северного полушария, стал заметно падать уже в первой половине XIX столетия. Хищническое на протяжении веков истребление пушных животных, интенсивная вырубка леса, частые лесные пожары, значительный рост населения в северных районах, продвижение на север сельского хозяйства и пр. — сильно сократили районы обитания и уменьшили запасы этих животных. Такая судьба последних наблюдалась повсеместно и в Старом свете, и в Америке (Аляске, Канаде).

Значительное падение пушного промысла, при неизменно растущем спросе на меха, вызвало в свое время развитие новой отрасли хозяйства — разведения наиболее ценных пушных животных. Родиной последнего явилась Канада (острова принца Эдуарда), пионерами в этой области были американцы Дальтон и Уэльтон, а первым объектом звероводства — серебристо-черная лисица.

Зародившись около полувека тому назад (в конце 80-х годов XIX столетия), пушное звероводство развилось с тех пор в некоторых капиталистических странах в крупную отрасль хозяйства. Особенно большое развитие получило звероводство в Северной Америке (Канаде и Аляске), где оно стало монополией крупнокапиталистических компаний. Количество питомников пушных животных достигало в Канаде несколько лет тому назад 3 тыс.; в них, наряду с другими животными (голубым песцом, речным бобром, скунсом, енотом, куницей, илькой, ондатрой), содержалось около 60 тыс. лисиц. Стоимость всего имущества питомников оценивалась в 18—20 млн. долл. В Аляске пушное звероводство начинает усиленно развиваться с середины 90-х годов. Главным объектом разведения служит голубой песец, завезенный на аляскинские острова еще Российско-Американской компанией в 40-х годах XIX столетия. [1]

[1] См. главу «Командорские острова», стр. 52.

К 1920 г. уже все 35 аляскинских островов эксплоатируются как островные хозяйства и дают ежегодно до 5 тыс. шкур голубого песца и много племенных производителей, приобретаемых звероводческими фермами, находящимися на материке.

Помимо многочисленных питомников в Северной Америке распространены так называемые парковые хозяйства, национальные заповедники и заказники, где происходит успешное размножение различных редких, исчезающих и ценных животных (бизоны, лоси, олени, речные бобры).

Главными достижениями американского пушного звероводства являются рациональное использование природных условий в местах, избранных в качестве питомников, и создание прекрасной и очень устойчивой одомашненной расы серебристо-черной лисицы. Последняя в свое время завоевала все мировые рынки, и американские производители приобретались и европейскими, и японскими, и советскими питомниками.[1] Западноевропейские страны значительно отставали от Америки. До мировой империалистической войны в Европе имели место лишь отдельные попытки развития звероводства, носившие характер спортсменского любительства со стороны отдельных капиталистов.

После окончания мировой войны наблюдается интенсивный рост звероводства почти во всех северноевропейских государствах: в Англии (Шотландия и Ирландия), в Норвегии, занимающей в настоящее время первое место, в Швеции, Финляндии, Дании, Голландии, Германии, Австрии, Чехословакии, Франции, Швейцарии, Эстонии. Объектами звероводства являются в Европе серебристо-черная лисица, голубой песец, норка, куница. В Японии звероводство развивается с 1917 г., главным образом на острове Хоккайдо; объектами его служат серебристо-черные лисицы и голубые песцы, завезенные с Командорских островов.

Еще более отсталой в области пушного звероводства была царская Россия. Весь дореволюционный период характеризовался таким же, как и в других странах, хищническим истощением богатых естественных пушных ресурсов. Сначала взимание ясака и примитивное хищничество скупщиков пушнины, затем деятельность крупнокапитали-

[1] См. главу «Карагинские острова», стр. 172 и главу «Шантарские острова», стр. 249.

стических и иностранных фирм, захвативших в свои руки пушную торговлю, истощили запасы наиболее ценных пушных животных (соболя, куницы, выдры, речного бобра, голубого песца, морского кота — котика, морского бобра и др.). С этого времени началось постепенное падение пушного промысла, отзывавшееся чрезвычайно тяжело на положении северного промыслового населения. Очень больших размеров достигло истощение пушных животных к началу XIX столетия, что происходило в связи с неуклонным ростом цен на меха на мировом рынке. Уже в период Амурской экспедиции 1910 г. был почти совсем выбит знаменитый витимский соболь; та же участь грозила камчатским соболям, командорским котикам и другим наиболее ценным животным.

Особенно быстрое истребление пушных богатств наблюдалось в таких изолированных и неохраняемых районах, как острова, откуда уцелевшие животные не могли никуда мигрировать и где, с другой стороны, убыль их не могла покрываться пришлыми животными. Это имело, в частности, место на тихоокеанских островах, принадлежавших России, — на Шантарских и Карагинских в отношении соболя и чернобурой лисицы и на Командорских в отношении голубого песца.

Несмотря на сильную подорванность запасов пушных животных и на исключительные возможности пушного звероводства в стране, дореволюционная Россия не создала этой отрасли хозяйства. Дело и тут ограничилось отдельными опытами крупных помещиков и охотников (в Лифляндии, Новгородской губ., на Урале, в Восточной Сибири, в Якутии), носившими чисто любительский характер и не имевшими никакого значения для пушного хозяйства страны. Промышленное звероводство было создано и получило большое развитие в нашей стране только после Октябрьской революции.

Продукция пушных животных занимает значительное место в общенародном хозяйстве как источник ценного промышленного сырья и экспорта. Во время восстановительного периода и в течение первой пятилетки пушнина являлась крупнейшим валютным источником, способствовавшим индустриализации и упрочению обороноспособности Союза. В богатой и разнообразной номенклатуре советского экспорта пушнина занимала обычно (в ценностном выражении) одно из трех первых мест, а в некоторые годы

(1927—1928) — первое место, составляя до 15% всего экспорта. Наиболее высококачественную и ценную часть экспорта пушнины (до 90%) давали районы крайнего Севера, являющиеся таким образом основной пушной базой Союза. Быстрое развитие добычи пушнины и значительный экспорт последней вызвали к жизни новую, отсутствовавшую в дореволюционной России, мехообрабатывающую промышленность.

В результате грандиозных достижений первого пятилетия великих работ роль и значение пушнины в хозяйстве страны значительно изменились, но не уменьшились. Успешное разрешение одной из важнейших задач второго пятилетия — неуклонное повышение материально-бытового уровня жизни трудящихся Союза — находит свое выражение в громадном улучшении всех жизненных условий населения страны. Неизменно растет покупательная способность населения, повышаются его запросы и требования, увеличивается количественно и качественно его спрос, растет, между прочим, и потребление пушнины. Значительно изменилась структура советского экспорта, в котором пушнина стала играть уже меньшую роль, а поступление ее на внутренний рынок сильно увеличилось.

Естественно, что с первых же шагов своей деятельности советская власть уделяла много внимания пушному хозяйству страны. В этой области предстояла такая же трудная работа по восстановлению разрушенных капитализмом производительных сил, как и в родственной отрасли хозяйства — рыбном хозяйстве. Если интересы действительно рационального ведения рыбного хозяйства вызывают широкое развитие рыбоводства, то тем более требует развития звероводства исключительно сильно подорванное до революции пушное хозяйство. Поэтому наряду с проведением разных других мер по охране и восстановлению пушных богатств и по социалистической реконструкции пушного промысла получило значительное развитие и звероводство.

Уже в 1923 г. возникает на Байкале первый советский питомник (Иркутского государственного университета), а в последующие годы ряд питомников в системе Госторга (ленинградский, архангельский и др.) и крупный и наиболее культурно организованный питомник на Соловецких островах. Вначале питомники носили опытно-научный и показательный характер, затем они приобрели большое промышленное значение. К началу первого пятилетия в СССР име-

лась уже значительная сеть звероводческих хозяйств: в Мурманском округе (остров Кильдин), в Карельской АССР, в Московской и Центральной черноземной областях, в Северном крае, в Западной и Восточной Сибири, в Якутской АССР и особенно в Дальневосточном крае (на Сахалине и на Камчатке, в Приморской и Приамурской областях и др.). Главными объектами звероводства служат серебристо-черная лисица, соболь и песец, на втором месте стоят лисица-сиводушка, ондатра,[1] енотовидная собака и др. Звероводческие совхозы восприняли и улучшили в своей работе опыт Аляски и Канады, где наиболее значительны технические достижения в звероводстве, и являются действительно культурно организованными хозяйствами.

Остановимся в нескольких словах на общем значении промышленного звероводства в Союзе.

Разведение пушных животных под непосредственным контролем и воздействием человека является, по существу, первой формой одомашнения этих животных, заменой части дикой фауны культурной, воспитанной человеком в условиях планового и наиболее рационального размножения. В области пушного хозяйства страны организация звероводства означает переход от промысловой формы хозяйства — добычи (охоты), зависящей от многочисленных случайностей, «удачи», «добычливости» охотника, — к плановому рациональному хозяйству, целиком зависящему от воли человека.

Необходимость разведения (а не только добычи) наиболее ценных видов пушных животных в нашей стране диктуется не только интересами восстановления и умножения их запасов, но и необходимостью организации вполне устойчивой и надежной сырьевой базы для мехообрабатывающей промышленности. Такая база может быть обеспечена только путем развития, наряду с чисто промысловыми, и крупных промышленных форм пушного хозяйства.

Плановое регулирование и развитие пушного хозяйства, действительная рационализация сырьевой базы (племенной подбор, улучшение качества, освоение наиболее ценных экземпляров), которую мы бы назвали «биологической» рационализацией, — возможны только в условиях звероводческого хозяйства.

---

[1] См. главу «Карагинские острова», стр. 184.

Перспективы развития этой новой отрасли в нашей стране действительно неограниченны. Ни одна страна, кроме Союза, не обладает таким исключительным обилием разнообразных и высококачественных промысловых угодий. Нет нигде и такого исключительного по своим качествам племенного материала — наиболее ценимых на мировом рынке «кряжей» (якутская и камчатская лисица, лучший в мире командорский песец), не говоря уже о тех драгоценных пушных животных, по которым Союз является полным или почти полным в мире монополистом (соболь, командорский котик и морской бобр, он же — калан, или морская выдра, или камчатский бобр).[1]

В экономическом отношении советское звероводство является, не в пример капиталистическим странам, такой же прочной и устойчивой отраслью хозяйства, как и все наше народное хозяйство в целом, не знающее кризисов перепроизводства, сбыта и пр. Звероводство капиталистических стран, характеризовавшееся на первых порах исключительной рентабельностью и неизбежными ажиотажем и спекуляцией,[2] находится в полной зависимости от конъюнктуры мирового рынка. Американское и канадское наиболее устойчивое и культурное звероводство начало испытывать значительную депрессию по мере того, как насыщались племенным материалом соответственные предприятия в Европе. И не так далеко то время, когда капиталистическое звероводство при характерной для капитализма ограниченной емкости мирового пушного рынка, являющейся следствием того, что меха недоступны массовому покупателю, зайдет в тупик.

Совершенно иные перспективы звероводства в Союзе ССР. Исключительные качества советской пушнины и неизменный спрос на нее на внешних рынках, который можно, например, наблюдать на ежегодных международных аукционах в Ленинграде, создают ей обеспеченные возможно-

---

[1] См. главу «Командорские острова», стр. 28.

[2] Специальная литература полна примерами безобразного ажиотажа вокруг цен на племенной материал в первый период развития звероводства. Цены настолько вздувались, что известен, например, случай продажи пары производителей серебристо-черной лисицы за 35 тыс. долл. (70 тыс. зол. руб.). Одна американская ферма, начавшая в 1913 г. звероводство с 20 парами лисиц, продала в 1928 г. пушной продукции собственных животных более, чем на 1 млн. долл. Прибыли аляскинских и канадских предприятий достигали в первое время 25%.

сти экспорта. Еще бóльшую роль будет играть внутренний рынок Союза, с каждым годом увеличивающий свою покупательную способность и спрос даже на самые дорогие «кряжи» пушнины.

Громадную роль в организации пушнозвероводческих хозяйств играют природные условия и в частности климатическая обстановка районов питомников. Лучшую по своим качествам продукцию дают животные, живущие в районах с прохладным или холодным, но не очень суровым, и, что очень важно, достаточно влажным климатом. Наиболее благоприятными в этом отношении районами являются север европейской части СССР, территория Байкала и тихоокеанское побережье к северу от Амурского лимана.

Разведение пушных животных в питомниках происходит либо в искусственно созданной обстановке (животные в неволе — в питомниках в собственном смысле), либо в нормальных природных условиях (животные на воле); иногда в интересах опытной работы сочетаются та и другая формы (комбинированное звероводство).

Вольное звероводство имеет громадные преимущества хозяйственного порядка. Оно не требует значительных капиталовложений при организации и последующей эксплоатации хозяйства, отличается большой простотой всей постановки предприятия и отсутствием риска в успехе. Но непременными условиями ведения вольного звероводства являются предварительная научно-исследовательская работа и действительно рациональная организация хозяйства.

Многочисленные острова Дальневосточного севера Союза (Охотского, Берингова и Чукотского морей) являются исключительными по своим природным условиям **естественными питомниками** наиболее ценных видов пушных животных. Вся естественная обстановка этих островов соответствует оптимальному природному режиму, необходимому для этих животных. Климатические и почвенные условия, обилие животных и растительных ресурсов питания, обширность территории, допускающая большие размеры хозяйства, недоступность для браконьеров, благодаря изолированному островному положению, — весь этот комплекс природных условий создает чрезвычайно благоприятную обстановку для превращения этих островов в образцовые природные питомники пушных животных. Никем не беспокоимые, тщательно охраняемые животные

пребывают здесь в состоянии покоя, размножаются в нормальной естественной обстановке и на многих островах являются готовой (наличной) базой для развития вольного звероводства.

Из всех тихоокеанских островов Союза выделяются по своим пушным богатствам и по масштабам организованного на них звероводческого хозяйства три группы островов — Командорские, Карагинские и Шантарские.

КОМАНДОРСКИЕ ОСТРОВА

Первое место по значению не только в островном, но и во всем пушнозвероводческом хозяйстве Союза принадлежит Командорским островам, являющимся единственным местом обитания ценнейших пушных животных — морского кота (котика) и морского бобра.

Командорский архипелаг, составляющий крайнее западное ответвление Алеутской островной гряды, расположен в юго-западной части Берингова моря, на границе его с северо-западными пределами Тихого океана, между 54°31′ и 55°25′ сев. шир. и 165°4′ и 168° вост. долг. (от Гринича). Он состоит из двух больших островов — Беринга и Медный, и двух малых — Топорков и Сивучий (или Арий камень), с многочисленными возле них отдельными камнями, скалами и кекурами. В административном отношении Командоры составляют Алеутский национальный район Камчатской области.

Командорские острова лежат между полуостровом Камчатка и Алеутской грядой. Расстояние ближайшего к азиатскому материку острова Беринга до Владивостока равно 1595 морск. милям,[1] а до Петропавловска-на-Камчатке — 305 морск. милям; кратчайшее же расстояние от острова Беринга (мыс Северо-западный) до восточного побережья Камчатки (мыс Африка) составляет 90 морск. миль. Расстояние от острова Медный до ближайшего острова Алеутской гряды — Атту — 190 морск. миль. Острова Беринга и Медный разделены проливом, минимальная ширина которого (от южной оконечности острова Беринга до северной оконечности острова Медный) составляет 26,5 морск. миль.

Природные условия и естественные ресурсы

Вытянутый по оси с северо-запада на юго-восток, остров Беринга напоминает своими очертаниями узкий треугольник, обращенный вершиною к югу. Основание треугольника

[1] Морская миля = 1/60 градуса меридиана (т. е. 1 минуте), или 1,852 км.

лежит в наиболее широкой северной части острова, достигающей в ширину около 40 км, между расположенными почти на одной широте крайними оконечностями острова — мысом Северо-восточный (или Вакселя) и мысом Северо-западный. Далее, к югу, территория острова резко суживается, и он тянется длинной и узкой полосой с почти параллельными берегами, среднее расстояние между которыми составляет около 15 км. К югу от мыса Перегребный восточный берег поворачивает углом к западному берегу и, сходясь с ним около 54°42′ сев. шир., образует южную оконечность острова — мыс Манати. Длина острова Беринга по оси с северо-запада на юго-восток составляет около 90 км, средняя ширина — 18 км, при максимальной в северной части острова в 40 км и минимальной в южной (около бухты Бобровая) в 5 км. Общая территория острова — около 1660 кв. км.[1]

Такой же узкий и длинный по своим очертаниям остров Медный также вытянут по оси с северо-запада на юго-восток на протяжении около 53 км. Средняя ширина его — 5 км, максимальная 7,5 км. На расстоянии 4,5 км от южной оконечности (мыс Южный) остров максимально суживается, и ширина этого места, называемого Перешеек, достигает всего 350 м. Вся площадь острова Медный — 186 кв. км.[2]

Острова Топорков и Сивучий расположены около северо-западной оконечности острова Беринга; они лишены пресной воды и необитаемы. В хозяйственной жизни Командор они занимают сравнительно скромное место. Остров Топорков лежит в 2,5 морск. милях от сел. Никольское и представляет собою невысокий, около 9 м высоты, плоский камень с ровной поверхностью, опускающийся к морю несколькими террасами. Окружность острова не более 2 км, площадь его около 0,5 кв. км. Вся его кочковатая, покрытая только дерном, поверхность сплошь изрыта гнездами

---

[1] На острове Беринга определены следующие астрономические пункты: на мысе Входной риф (бухта Никольская) — 55° 11′ 43″,5 сев. шир. и 165° 58′ 27″,6 вост. долг.; у сел. Никольское — 55° 11′,5 сев. шир. и 165° 58′,9 вост. долг.; у метеорологической станции — 55° 12′ сев. шир. и 165° 59′ вост. долг.; на мысе Северо-восточной (Вакселя) — 55° 17′,5 сев. шир. и 166° 18′ вост. долг.; на мысе Юшина — 55° 21′,5 сев. шир. и 165° 57′ вост. долг. и на Северном лежбище — 56° 21′ 12″ сев. шир. и 165° 57′ 23″ вост. долг.

[2] На острове Медный определен астрономический пункт у метеорологической станции — 54°50′ сев. шир. и 167°28′ вост. долг.

(норами) топорков, гнездящихся здесь в исключительном изобилии.[1] По этой площадке трудно ходить, так как ноги все время проваливаются в норы топорков. Остров Сивучий (или Арий камень) лежит в 5,5 морск. милях к северо-западу от острова Топорков. Это — скала, около 1 км в окружности; она служит зимою лежбищем для сивуча, а летом — грандиозным птичьим базаром, посещаемым преимущественно арой.

Юные по своему геологическому возрасту Командоры обязаны своим происхождением вулканическим силам. Это — поднявшийся со дна океана горный хребет, сильно разрушенный впоследствии совместным воздействием моря и ветров. В осадочных породах островов находят редкие животные и растительные остатки. Сильные проявления сейсмической деятельности на островах описаны еще первыми исследователями Камчатки — Крашенинниковым и Стеллером. За период 1742—1888 гг. на Командорах было 9 сильных землетрясений, сопровождавшихся обычно сильным поднятием уровня воды в океане, заливавшей валами побережье. Одно из таких землетрясений в середине XIX столетия совершенно залило сел. Преображенское на острове Медный. И в настоящее время наблюдаются сравнительно частые, но значительно более слабые землетрясения (за 1930—1932 гг. насчитывается 15 толчков), сопровождаемые подземным гулом, поднятием уровня воды в океане и иногда трещинами в земной коре.

Вулканическим происхождением объясняется и устройство поверхности островов. Рельеф острова Беринга различен в его северной и южной частях. Южная часть — исключительно возвышенная, сплошь покрытая отдельными поднятиями и изрезанная узкими и мрачными долинами и ущельями. Максимальной высоты в 670 м достигает возвышенность Стеллера, расположенная в юго-западной части острова, в районе бухты Гладковская и мыса Кратерный. Вся эта часть острова очень трудно проходима, а иногда при сильных ветрах или при обледенении сопок и совсем недоступна. Сообщение между восточным и западным побережьями острова происходит главным образом по до-

[1] По подсчетам проф. Иогансена (№ 67) здесь гнездится около 100 тыс. птиц. (Ссылка на соответственные источники сделана здесь, как и в дальнейшем тексте, путем указания порядкового номера, отсылающего читателя к списку литературы, помещенному в конце книги, стр. 271.)

Орлов камень. Побережье о. Беринга, около сел. Никольское

О. Беринга. Долина р. Половинная. Справа — гора Стеллера

О. Медный. Бухта

линам. Несколько южнее 55° сев. шир. с обоих побережий острова идут навстречу друг другу, в глубь острова, две речные долины, близко подходящие одна к другой и разделенные сравнительно низким водоразделом, дающим начало рекам Половинная и Гладковская. Это пространство между окружающими возвышенностями называется долина Половинная.

По направлению к северной части острова очертания поверхности смягчаются. Разорванные и остроконечные цепи возвышенностей переходят постепенно в широкое плато с отдельными плоскими, напоминающими столовые горы, вершинами и спускаются к морю сравнительно отлогими уступами. Эта часть острова имеет более низменный и ровный характер. Большие пространства заняты здесь мокрой (травянисто-болотной) тундрой, лишь изредка расчленяемой широкими платообразными увалами и столовыми возвышенностями. Около 8 км к северу от сел. Никольское лежат две, очень правильной формы, столовые возвышенности — Большая и Малая, достигающие высоты 180 м. Возвышенности покрыты обычно сухой кочковатой, реже каменистой тундрой. Большое распространение имеют в этой части острова дюнные образования. Значительные дюны, расположенные около сел. Никольское, играют большую роль в хозяйстве населения острова: зимою снег держится на их поверхности очень мало, он постоянно сдувается сильными ветрами и вследствие этого поверхность дюн служит зимними пастбищами для находящегося до сих пор на подножном корму скота.

Поверхность острова Медный резко отличается по своему рельефу от северной части острова Беринга. Здесь полностью отсутствуют плоские очертания, плато и столовые возвышенности, нет значительных низменных пространств, и весь рельеф имеет сильно изрезанный, кряжистый характер. Остров Медный является в сущности круто поднимающимся из моря сравнительно узким и низким хребтом с многочисленными, но короткими отрогами по обе стороны. Хребет весь состоит из островерхих вершин с очень крутыми склонами, сбегающими с высоты около 600 м. Одною из наиболее значительных возвышенностей острова является гора Гаванская, лежащая на берегу бухты Преображение (на восточном побережье) и увенчанная коническою вершиною, достигающею до 580 м высоты. Пересекающие главный хребет поперечные долины; по ко-

3862, инв. 1315
59666

торым протекают многочисленные реки острова, очень коротки. Наиболее значительное понижение, образуемое такими долинами, расположено в северо-западной части острова, где оно состоит из расходящихся от низкого перевала падей Бобровая и Песчаная. Эти глубокие пади, как бы соединяющие одноименные бухты западного (бухта Бобровая) и восточного (бухта Песчаная) побережий, настолько резко отграничивают северо-западную оконечность острова от остальной его части, что на большом расстоянии с моря он кажется двумя островами.

Характер побережий Командорских островов обусловливается в значительной степени устройством их поверхности. Оба крупные острова — Беринга и Медный, — в сущности говоря, совершенно лишены настоящих, удобных для навигации бухт.

В южной и средней частях острова Беринга возвышенности повсеместно обрываются в море высокими отвесными стенами. Прибрежная полоса — каменистая или песчаная лайда — очень узка; несколько расширяется она только у многочисленных, но мелководных и открытых заливов. В тех местах побережья, где от него выдаются в море мысы, лайда прерывается так называемыми «непропусками» — утесами и камнями. Сравнительно широкие террасы расположены на восточном и западном берегах только местами и при том в средней части острова. В южной его части западное побережье значительно выше и круче восточного: возвышенности подходят здесь ближе к берегу; долины — более узки, круты и коротки. Восточное побережье в этой части острова характеризуется более пологими склонами, долины здесь более широки и пологи.

В северной части острова Беринга более плоские возвышенности, напоминающие плато, спускаются к морским берегам уступами; они разделяются озерами и более широкими перевалами.

Восточное побережье острова Беринга начинается в южной его оконечности высоким и скалистым, к морю более отлогим мысом Манати. Далее к северу лежит Непропуск, непроходимый утес, названный Стеллером (по незнанию русского языка) «Необходимым утесом», [1] а за ним бухта Говорушечья. Между следующими к северу мысом Перегребный и мысом Толстой расположена впадина — бух-

[1] См. Steller (№ 199), S. 258.

та Перегребная. Названия «Перегребные», присвоенные мысу и бухте, объясняются тем, что отсюда жители острова в старину переплывали—«перегребали» на байдарах на остров Медный. К северо-западу от мыса Толстой лежит мыс Командор. На протяжении от мыса Толстой до мыса Вакселя, крайней северо-восточной точки острова, берег образует отлогую впадину с мелкими береговыми извилинами, среди которых выходят к морю многочисленные речки и водопады. Наиболее крупными, выступающими в море, мысами являются на этом промежутке — мыс Половинный, расположенный у одноименной бухты, мыс Буян и следующий к северу мыс Старогаванский, отграничивающий с юга одноименную бухту. Расположенным к северу от бухты Старая Гавань узким полуостровом — мысом Вакселя (Северо-восточный) заканчивается восточное побережье острова Беринга.

Северное побережье этого острова, расположенное от мыса Вакселя до мыса Северо-западный, сравнительно однообразно на всем своем протяжении. Из внутренней части острова вдается в этой части берега ровное плоскогорье, спускающееся к морю небольшими обрывами. На этом отрезке берега расположены мыс Саранный (или Тонкий) и северная оконечность острова Беринга — мыс Юшина. Изломом береговой линии около последнего мыса образована бухта Саранная. За низменным мысом Юшина, северною оконечностью острова, лежит Северное котиковое лежбище, а к западу от него — крайняя западная точка всей Командорской группы — мыс Северо-западный, начинающий собою западное побережье острова.

К югу от мыса Северо-западный выступает в море небольшой полуостров — мыс Входной риф, за которым лежит Никольская бухта — главная бухта острова. К югу от бухты Никольская расположена между мысом Федоскина и мысом Ореховский (или Тонкий) небольшая бухта Федоскина, а еще южнее — бухта Полуденное лежбище, лежащая между мысами Полуденный и Казарменный, и следующая небольшая бухта — Гладковская. Лежащий далее мыс Кратерный получил свое название от расположенной близ него кратерообразной вершины горы Стеллера; другое название этого мыса — Перешеечный, так как здесь начинается идущая поперек всего острова (к восточному берегу) долина Половинная, образующая как бы перешеек. К юго-востоку от мыса Кратерный выступает к югу мыс

Островной, а за ним расположены последовательно бухты Серебрянникова, Лисинская и Бобровая и мыс Шепитанский.

На всех побережьях острова Беринга, как это видно из приведенного описания, нет настоящих укрытых бухт. На западном побережье некоторую защиту представляет лишь бухта Никольская, а на восточном, на одной широте с последней, бухта Старая гавань. На северном побережье бухт нет совсем. Сухопутное сообщение по побережьям, особенно в средней и южной частях острова, очень тяжелое. Многочисленные непропуски вынуждают или обходить их по малодоступным возвышенностям, или пересекать остров по долинам и крутым перевалам.

Берега острова Медный еще более скалисты, круты и недоступны. Подходящие к обоим побережьям отроги главного кряжа, формирующего остров, высоки, скалисты и отвесно спускаются в море. Заканчиваются они часто многочисленными непропусками, которыми особенно изобилует более высокое восточное побережье. Узкая прибрежная полоса усеяна в большинстве случаев крупными камнями, продуктами выветривания, и обломками скал. Прибрежных низменностей (лайд) вообще очень мало, и они не достигают значительной ширины. Расчленены берега острова Медный, особенно западный, очень мало.

Крайней северной оконечностью острова является скалистый мыс Северо-западный (или Сулковского). От него тянутся в море многочисленные рифы и отдельно стоящие надводные камни и скалы, завершающиеся Бобровыми столбами — постоянным местом выхода морских бобров (выдр). Мыс Северо-западный и расположенный к юго-востоку от него на восточном побережье мыс Свистулин отграничивают бухту Лагерная. Далее лежат мысы Печка, Промежуточный и Матвеевский, разделяющий на две части большую бухту Матвеевская. За следующим высоким мысом Песчаный лежит впадина с небольшой в западной части бухтой Песчаная (или Песчанка). В южной части этой впадины расположена небольшая полукруглая, в форме ковша, бухта Преображенская, с мысом Саклов. К югу от бухты Преображенская берег сравнительно изобилует извилинами, разделенными скалистыми мысами. Следующая за бухтой Преображенская бухта Жировая отграничена с юга одноименным мысом. Между мысами Жировой и Гладкий лежит бухта Гладковская, а еще южнее, между мы-

сами Гладкий и Корабельный, бухта Корабельная. У следующего к югу мыса Черный берег меняет свое направление на южное и тянется так до бухты Глинка. К югу от самой узкой части острова — Перешейка — расположена возвышенность, образующая крайнюю юго-восточную точку острова — мыс Юго-восточный.

Начинающийся от мыса Северо-западный западный берег острова Медный гораздо менее извилист. Здесь расположены последовательно к югу: бухта Нерпичья, мыс Красный и бухты Речная и Бобровая. Далее между мысами Бегательный и Гавриловский лежит бухта Забобровая, а южнее от нее — бухта Гавриловская, мыс Завасильевский, бухта Васильевская, мыс Водопадский и мыс Палата. Выступающий в море на середине этого расстояния мыс Лебяжий отграничивает к северу бухту Середка, а к югу — Глинковское лежбище. К юго-востоку от мыса Палата лежит еще одна впадина — бухта Секачинская, а затем — заканчивающий западное побережье мыс Южный.

Удобных для стоянок бухт на острове Медный нет.

Вулканическое происхождение Командорских островов, последующие опускание и поднятие берегов и разрушительное действие моря (прибоя) придали чрезвычайно своеобразный характер побережью. На берегах встречаются часто пещеры, арки и одиночные камни и скалы, напоминающие своими очертаниями то развалины замков, то различные фигуры и т. п. Около устья реки Перегребная (близ одноименной бухты восточного побережья острова Беринга) известна причудливая пещера с аркою, описанная еще Стеллером и названная им своим именем; на мысу Казарменный (на западном побережье того же острова) высокий, поднимающийся из воды утес напоминает своими очертаниями громадную землянку и т. д.

Прибрежные воды островов отличаются изобилием рифов, надводных камней, скал и кекуров,[1] тянущихся иногда непрерывно вдоль побережий. Особенно много таких надводных и подводных образований (по местному выражению «потайников») вдоль всех мысов и того, и другого острова.

На острове Медный скопление рифов, камней и скал с кекурами особенно велико в районе мыса Северо-западный (Сулковского). Здесь находятся известные Бобровые столбы, Вороничья лайда, Косой и Трифонов камень, камни

---

[1] Кекуры — отдельные вертикально стоящие в море камни.

Чугунные и Орловы. Многие из них служат лежбищем и местом выхода для водящихся здесь морских животных — морского бобра, сивуча, нерпы, лахтака. На восточном побережье в бухте Матвеевская расположены Сивучьи камни, на западном — в бухте Речная — Речные бобровые камни и Сивучьи камни, а в бухте Бобровая — Малачеевские и Бобровые камни.

Течения в водах Командорских островов изучены мало. Наблюдающиеся постоянно выбросы моря — японские, камчатские и американские древесные породы — свидетельствуют о том, что где-то у берегов архипелага проходит, видимо, ветвь теплого японского течения (Куро-Сиво), что существуют вызванные упорными северо-западными ветрами поверхностные течения моря от берегов полуострова Камчатки и течения вдоль всего северо-восточного берега Азиатского материка.

Приливно-отливные течения происходят два раза в сутки и не достигают особенной высоты у берегов архипелага. Высота прилива не превышает 2 м.

Замерзания моря даже в наиболее защищенных местах не бывает. Море повсеместно вокруг островов чисто от льда, только продолжительные западные и северо-западные ветры приносят от берегов полуострова Камчатка довольно много пловучих льдов.

Глубины у берегов островов достигают значительных величин.

Плавание в командорских водах считается опасным: совокупность ряда условий делает общую навигационную обстановку неблагоприятной. Прежде всего следует отметить неприступный характер возвышенных побережий островов наряду с многочисленными и малоисследованными подводными опасностями у этих берегов и полным отсутствием настоящих, закрытых от ветров, глубоких и удобных для стоянок бухт. Эти условия усугубляются еще постоянными в районе островов бурями и штормами и постоянными туманами, обычными в продолжение трех четвертей всего навигационного периода. Поэтому суда сокращают до минимума свое пребывание в командорских водах и при малейших признаках шторма снимаются с якоря и уходят в открытое море. Все грузовые работы, за отсутствием портов, производятся на рейде.

Внутренними водами богаты оба крупных острова Командорского архипелага. Направление и характер много-

численных рек и речек островов обусловлены строением их поверхности.

В северной низменной части острова Беринга расположен ряд больших и малых озер (Саранное, Ладыгинское, Песчаное, Ивановское и др.), имеющих сток в море и дающих таким образом начало одноименным в большинстве случаев рекам острова. Ряд мелких речек вытекает из многочисленных в этой части острова мокрых тундр. Наиболее значительное из всех озер острова озеро Саранное лежит на высоте 12 м над уровнем моря, площадь его достигает 60 кв. км, а глубина 22 м. Оно является истоком реки Саранная, длиною около 2 км, которая впадает в одноименную бухту северного побережья.

В средней и южной частях острова Беринга озер почти нет. Реки берут свое начало на многочисленных возвышенностях и носят ярко выраженный горный характер.

На западном побережье протекают, последовательно с севера к югу, следующие наиболее значительные реки: Ладыгинская, берущая начало в одноименном озере, Гаванская (или Стеллера), тоже вытекающая из одноименного озера и впадающая в бухту Никольская, и река Водопадская, протекающая около бухты Полуденное лежбище. Следующая к югу река Гладковская, впадающая в одноименную бухту, протекает по долине, составляющей западную часть пади Половинная, пересекающей весь остров.[1] В бухту Лисинская впадает небольшая одноименная речка Лисинская.

На восточное побережье острова Беринга выходят реки Старогаванская и Буян, впадающие в море около одноименных мысов, а также Половинная и Командор. Долина реки Половинная, протекающей севернее реки Командор и впадающей в бухту того же названия, является восточной частью пади Половинная.

На острове Медный озер очень мало, и они не велики по своим размерам. Наиболее значительны озера: Песчаное (Песчановское), отделенное от моря нешироким перешейком, и южнее — Жировое (Жировское) и Гладковское. Все эти три озера образованы одноименными реками в их устьевых пространствах, впадающими в одноименные же бухты восточного побережья острова. В вершину бухты Преображенская впадает небольшая река Гаванская. Это, как и все остальные реки острова Медный — типично гор-

[1] См. выше, стр. 17.

ные, быстрые, мелководные, но бурные реки. Долины их очень незначительны по своим размерам.

Кроме перечисленных рек, оба острова изобилуют мелкими речками, ключами и водопадами. Помимо полного обеспечения островов пресной водой прекрасного качества, внутренние воды изобилуют ценной лососевой рыбой, играющей большую роль в островном хозяйстве.

Климатические условия Командорских островов, хотя и лежащих приблизительно на широте Москвы, должны быть признаны суровыми. Специфическими чертами климата являются: большая влажность, чрезвычайно сильные ветры и незначительное количество тепла.

Типично морской климат Командор отличается исключительным обилием осадков. Лето, при господствующих южных и юго-восточных ветрах, характеризуется особенно большой туманностью. Сильно насыщенные влагой массы воздуха выделяют постоянно густой туман, сплошь обволакивающий острова. Небо постоянно затянуто облаками, и солнце появляется очень редко. Совершенно ясные дни насчитываются на островах единицами в течение года, количество туманных дней достигает около 150, а облачных около 250 в год. Туманы сопровождаются характерным для Командор мелким, как пыль, непрерывно моросящим в течение почти всего лета дождем (бусс). Крупные дожди выпадают очень редко, а грозы — исключительно редкое явление, случающееся на островах далеко не ежегодно. Снегопад очень значителен, но снежный покров распределяется на поверхности очень неравномерно. Дюнные холмы и склоны сопок обнажаются от снега сильными ветрами, а в долинах и падях он скапливается огромными сугробами. Жителям острова приходится несколько раз в течение зимы откапывать свои дома из-под снежных завалов. Сильные зимние пурги затягиваются до апреля и даже до мая. Всего на островах насчитывается в году 220 дней с осадками.

Сильные ветры на островах объясняются их местоположением в той части Тихого океана, где часто зарождаются циклоны. Постоянные, особенно осенью и зимою, достигающие исключительной силы и часто меняющие свое направление ветры оказывают громадное влияние на климат островов. Господствуют ветры северо-западного и северо-восточного направления. С мая и в течение лета часты южные и юго-западные ветры, обычно сопровождающиеся

туманами и дождями и прерываемые ветрами северных направлений. Сравнительно менее ветреным периодом является май — сентябрь. С середины сентября начинаются штормы, все более учащающиеся и достигающие особенной силы в ноябре и декабре. Январь и февраль сравнительно тише, а в марте ветры снова усиливаются. С конца апреля устанавливается более или менее штилевая погода, время от времени прерываемая штормами. В конце лета (сентябрь) снова начинаются северные ветры. Зимние ветры сопровождаются постоянными, часто многодневными бурями и штормами. В это время люди не в состоянии удержаться на ногах и целыми днями не выходят из дома. Штили — редки и непродолжительны. Количество дней с бурями достигает на островах 130—140 в году, в марте и декабре бывает до 20 бурных дней в месяц. Среднегодовая скорость ветра составляет на островах 9,9 м в секунду, в декабре она повышается до 13—14 м; иногда сила ветра достигает 30 м в секунду.

Исключительная влажность климата островов сказывается и в умеренных температурах воздуха. Зима на островах мягкая, а лето — прохладное. Средняя годовая температура составляет для острова Беринга + 2° С и для острова Медный + 2,8°. Средние температуры самого холодного месяца (февраля) соответственно — 4,2° и — 2,6°, а самого теплого (августа) + 10,4° и + 10,5°. Абсолютный минимум — 14,2°, а абсолютный максимум + 20,8°. Зимою температура редко падает ниже — 10—12°, а летом редко поднимается выше + 12—15°. Суточные колебания температуры незначительны по своей амплитуде; годовая среднесуточная амплитуда около 10°.

Времена года наступают на островах с большим запозданием. Весна начинается в мае — июне и вступает в силу раньше на побережье, чем во внутренних районах островов. Реки и озера вскрываются в июне. Снег начинает сходить в конце мая, в тундре лежит еще в июле, а в глубоких горных падях и в августе, иногда же держится здесь все лето. Лето начинается в конце июля и продолжается до начала сентября. Самое лучшее и теплое время — август — начало сентября, когда снега не остается, туман и бусс посещают реже и изредка показывается солнце. Первые снега выпадают на островах в октябре, но постоянный покров устанавливается только в декабре.

Продолжительными наблюдениями существующих на обоих островах метеорологических станций, а равно и многолетним опытом населения подтверждена полная возможность на островах овощеводства.

Растительный мир Командорских островов очень скуден. Сильные ветры, редкость солнечных дней, невысокие температуры наряду с другими условиями препятствуют развитию древесной растительности. При полном отсутствии лесов на островах нет в сущности даже настоящих крупных кустарников, столь развитых в Камчатско-охотском крае. Кустарники на островах обычно ниже крупных травянистых растений, а последние очень высоки.

Кустарники представлены на островах ползучими формами березы (два вида), ивы (шесть видов) и рябины. В большинстве случаев эти карлики еле поднимаются от земли, а чаще совсем скрываются в высоких травах. Наиболее крупные из них по своим размерам растут естественно лишь в защищенных долинах. Самые высокие экземпляры рябины в Преображенской и Песчаной падях острова Медный, где наиболее развита кустарниковая растительность, только в редких случаях достигают полуметра высоты.[1] Гораздо крупнее кустарники на острове Беринга, где заросли тальника достигают иногда в долинах рек Половинная, Перегребная и Командор 2 м высоты.

Значительно богаче на островах травянистая растительность. Наиболее обильные травянистые заросли встречаются в низинах, речных долинах и по берегам озер. К августу месяцу здесь развиваются густые заросли трав, буйные и высокие. Особенно большое развитие получают зонтичные — борщевик (или сладкая трава) и морковник (по местному таганник или почки), а также шеламайник (лабазник, семейства розоцветных), превышающие высотою 2 м и совершенно скрывающие человека. Среди громадных пространств тундр и на обильных дюнных образованиях распространены прекрасные луговые угодья. На открытых заболоченных и возвышенных местах травянистая растительность редка и низка. Выше, по склонам сопок, растительность становится еще беднее и сменяется постепенно ли-

[1] Е. К. Суворов вспоминает, как он привез в своем маленьком путевом чемодане «самое высокое дерево острова Медный, вырванное с корнем». См. Суворов (№ 162), стр. 244. О Е. К. Суворове см. стр. 50.

шайниками и мхами. Многие тундры острова Беринга, особенно в южной его части, богаты зарослями ягельников.

Оба острова очень богаты северными ягодами — голубикой, шикшей (вороницей), морошкой, княженикой, а также рябиной и жимолостью. На тундрах и на отлогих склонах осенью появляется много грибов.

Короткое лето делает непродолжительною жизнь растительности островов и значительно ускоряет ее развитие. Весною, в конце июня, вся тундра уже в цвету. Ярким ковром покрывают ее рододендроны, ирисы, колокольчики, фиалки. Поразительно быстро развивается травянистая растительность; в середине сентября, когда наступает обычно сенокос, нет уже ни цветов, ни высоких сочных трав, и тогда же отмирают зонтичные.

Исключительные богатства морской растительности Командорских островов приводили в изумление многих натуралистов. Лоции, описывающие побережья островов, говорят об этом следующее: «Прибрежные воды богаты водорослями, особенно морскою капустою нескольких видов, которая употребляется здесь в пищу. На местах, благоприятных для роста, водоросли достигают вышины от 10 до 15 саж. и представляют собою густые «подводные леса». Подобных водорослей нет ни в каком море».[1] Заросли морской капусты — ламинарии, аларии, агара — расположены крупными естественными плантациями вдоль всех побережий островов, а на некоторых участках они достигают особенной мощности. Около острова Беринга расположены заросли наиболее ценной, так называемой красной, водоросли, являющейся высококачественным сырьем для выработки агар-агара.

Растительные ресурсы Командор имеют громадное значение в островном хозяйстве. Наземная растительность служит издавна одним из источников питания для населения островов — унанганов (алеутов). Последние употребляют в пищу ягоды, грибы, корни и клубни многих других дикорастущих — сараны (лилейное), борщевика и морковника (зонтичных), дикий щавель и др. Луговые угодья являются местом выпаса домашнего скота, ягодники — одним из летних кормов песца и тундровой куропатки, ягельники острова Беринга служат зимними пастбищами северного оленя.

[1] См. де Ливрон (№ 88), ч. IV, стр. 85 и Давыдов (№ 43), стр. 1289.

Особенно велико значение морской растительности — грандиозных запасов водорослей в командорских водах. Они служат кормовой базой для богатой морской фауны островов, служащей в свою очередь одним из основных источников корма для котиков и морского бобра. Места обитания последнего в водах острова Медный связаны непосредственно с «подводными лесами» аларий. Некоторые водоросли (ламинарии) употребляются в пищу населением и используются в хозяйстве в качестве корма для домашнего скота.

Животный мир Командорских островов, как и их растительный мир, характеризуется исключительным богатством морских, особенно беспозвоночных животных и такой же бедностью наземных видов.

Основным богатством Командор являются драгоценные пушные морские животные — котики и морской бобр.

Котики (морские коты) принадлежат к семейству ушастых тюленей, отличающихся от настоящих тюленей тем, что обладают наружными ушами, свертывающимися в виде трубочек и не пропускающими воды, а также подгибающимися под туловищем задними ногами, позволяющими животным делать большие прыжки.

Котики, обитающие в северных тихоокеанских водах, распадаются на три не смешивающиеся между собою и живущие в обособленных районах обитания стада: американское, русское и японское. Некоторые анатомические и морфологические отличия (строение черепа, форма тела и др.) послужили основанием для выделения самостоятельных видов: американского, русского, самого крупного, и выделенного из него японского.

Котик — животное миграционное. Биологические особенности заставляют его ежегодно в одно и то же время мигрировать по определенным постоянным путям в одни и те же места. Все три указанные выше стада северо-тихоокеанского котика имеют самостоятельные пути миграции. Американские котики приваливают к Прибыловым островам, русские — к Командорам и японские — к Курильской гряде и острову Тюлений.

Один из первых исследователей Камчатки С. Крашенинников описывает внешний вид котика следующими живописными словами: «Коты морские величиною в половину сивуча, окладом тюленю ж подобны, токмо грудастее и к хвосту тоне. Рыло у них доле сивучья. Зубы большие,

глаза выпуклистые почти с коровьи; уши короткие; ласты голые, черные. Шерсть черная с сединой, короткая и ломкая, у щенков с сиза черная».[1]

Возрастными, имеющими большое экономическое значение, подразделениями котиков являются следующие: секачи (взрослые, вполне зрелые производители, не моложе 7—8 лет, с вполне развитым загривком — гривою, собирающие «гаремы»), полусекачи (не вполне развитые, 5—6 лет, лишенные гривы и не собирающие «гаремов»), холостяки (неполовозрелые, 2—4 лет, похожие по внешности на маток), серые (сеголетки — молодняк, приобретающий после линьки серую окраску) и черные (новорожденные до первой линьки, наступающей в $2^1/_2$ — 3 месяца). Старый секач достигает 2 м длины и 190 кг веса. Трехлетний самец-холостяк, служащий обычно промысловым объектом, достигает 1,5 м длины и 50 кг веса. Самки-матки достигают зрелости в 3 года, а полного развития к 5 годам, вес их 32 кг, длина 1,2 м. «Негаремные» самки называются тоже холостяками.

Питаются котики главным образом рыбой и меньше моллюсками.

Командорские котики проводят зиму в южных водах Тихого океана, а остальное время года на Командорских островах, куда они приходят на свои лежбища для размножения, брачной жизни и выкормки потомства. Первыми — с середины мая — начинают появляться на островах секачи; приход их затягивается иногда на полтора месяца. Затем приваливают матки, их захватывают самцы и начинается образование гаремов. Средние размеры гаремов — 20—30 маток на одного секача, иногда число маток доходит до 70 и выше. Как пишет Е. К. Суворов, самцы, формируя свои гаремы, «не знают решительно никаких границ своему желанию приумножения семейства».[2] В этот период, как и позднее, происходят большие драки между секачами. Почти одновременно с матками приваливают будущие производители — полусекачи и неполовозрелый молодняк — холостяки. К концу июля лежбище достигает обычно наибольшей полноты.

На лежбищах котики располагаются отдельными группами: громадные секачи (с гривами) со своими семьями

[1] См. Крашенинников (№ 81), т. I, стр. 275. О Крашенинникове см. стр. 47.

[2] См. Суворов (№ 163), стр. 147.

(матками и новорожденными — черными котиками) и отдельно молодняк — самцы (холостяки и полусекачи) и молодые и негаремные самки. Секач держит в строгом повиновении весь свой гарем и немедленно отражает все попытки других секачей и молодых самцов приблизиться к его маткам. Лежат котики на лежбищах совершенно вплотную.

Вскоре после прибытия матки приносят по одному детенышу и вновь оплодотворяются секачами. Таким образом матки всегда являются, как на своем пути из японских вод на Командоры, так и на обратном, оплодотворенными. Это имеет, как мы увидим ниже, громадное значение для развития командорского поголовья. Брачная пора кончается обычно в середине августа. Сильно ослабевшие и истощенные секачи, не спускающиеся в течение всего этого периода в воду и не питающиеся, начинают усиленно откармливаться и почти совсем не выходят из моря на лежбища.

После того как новорожденные подрастут, научатся плавать и станут способными к самостоятельному переходу, начинается уход стада с лежбища на юг. Первыми обычно в октябре отваливают от Командорских берегов матки с детенышами, а к концу ноября лежбища уже совершенно пустеют.

Качество шкуры котика (меха) зависит от достоинства шерсти и подшерстка — их мягкости, шелковистости и пушистости. Командорский котик по качеству своего меха стоит ниже и прибыловского, и курильского. Высшего качества мех командорского котика достигает в период привала его на острова. Во время гаремной жизни шкура его подвергается многочисленным повреждениям от драк, игр, ползания по скалам и пр., и мех сильно портится. Самый нежный мех у самок, но промысел их, в интересах роста поголовья, недопустим.

Малоплодовитые (матки вынашивают около года и приносят по одному детенышу) и сильно истребленные в прошлом котики принадлежат к исчезающим морским животным. В настоящее время на севере Тихого океана котики сохранились только в отмеченных выше местах: на Прибыловых островах (Георгия и Павла), на Командорах и на острове Тюлений. Лежбища на побережьях Аляски и прилегающих островов, в Калифорнии (гвадалупский котик), на Курильских островах и Камчатке давно

угасли. Котики Южной Америки (Галапагосские острова), мыса Доброй Надежды, Новой Зеландии и Фалклаидских островов или гораздо ниже по своему качеству, или совсем лишены пушного значения.

Морской бобр (морская выдра, или камчатский бобр, калан), принадлежащий к семейству куничных,[1] является постоянным обитателем командорских вод.

Крашенинников дал в XVIII столетии следующее описание этого животного: «Бобры морские не имеют с обыкновенными бобрами никакого сходства, но названы от наших людей сим именем по одной осистой шерсти, для которой кожи их столько ж на пух удобны, как бобровые... Сей зверь кротче всех морских зверей, не делает промышленникам никакого сопротивления, но бегством, ежели может, спасается».[2] Длина тела морского бобра достигает 1,5 м, вес 36 кг, длина шкуры его, не прилегающей плотно к мускулам, достигает 2,2 м. Возрастные названия морского бобра — медведок (сосунок), кошлак (молодняк до 1—1½ лет) и бобр (взрослый). Из органов чувств у морского бобра развито больше всего обоняние, заставляющее его сильно реагировать на все посторонние запахи.

Морской бобр является типичным морским животным, еще более связанным с водною стихией, чем котик. Все устройство его тела и органов приспособлено к жизни в воде. Большую часть времени он проводит в море, обычно в крупных зарослях водорослей (аларий), где часто остается и на ночь. На сушу (береговую лайду или разбросанные в море надводные камни) он выходит чаще зимою, чем летом, и чаще ночью, чем днем. При штормах и буранах он ложится обычно на берег.

Главным зимним кормом морскому бобру служат беспозвоночные (ежи, моллюски, осьминоги); летний, более обильный корм обеспечивается еще рыбой любого размера и крабами.

В противоположность морскому коту, морской бобр — животное не миграционное. Обычным местом обитания служат ему воды у крутых малодоступных берегов, изобилующих подводными и надводными камнями и зарослями

---

[1] Морского бобра, принадлежащего, как указано, к семейству куничных, входящих в отряд хищных, часто смешивают с речным бобром — единственным представителем бобровых, относящихся к отряду грызунов.

[2] См. Крашенинников (№ 81), т. I, стр. 286—287.

водорослей. Избрав такой район, морской бобр не привязывается к определенным точкам, передвигается в его зоне на десятки миль, но не уходит совсем из района. Переменить такое место постоянного обитания могут заставить его только внешние обстоятельства (сильное истребление человеком, падение кормовых ресурсов и т. п.).

Морские бобры не заводят гаремов, и брачный период, судя по всем наблюдениям, не связан у них с определенным сезоном. Оплодотворение происходит на воде, щенение на берегу или на надводных камнях. Самка приносит одного детеныша в год. Продолжительность жизни морского бобра достигает, видимо, 15—20 лет.

Высокие качества волосяного покрова морского бобра — его густота, пышность и мягкость, исключительная нежность, шелковистость и легкий блеск волоса — делают его мех исключительно ценным. В довоенное время цена на него достигала на мировом рынке 2—2,5 тыс. руб., наиболее дорогие шкурки — черные с серебристым отливом — оценивались в 4—4,5 тыс. руб., а в Японии (в период интервенции) — цена на них достигала 4—4,5 тыс. иен.

Столь же мало плодовитый и также сильно истребленный в прошлом, как и котик, к тому же не подверженный миграциям, морской бобр тоже принадлежит к числу исчезающих пушных животных. Ареал его распространения был некогда чрезвычайно обширен. Он жил на всей Курильской гряде, в северных районах Иезо и Нипона, на Сахалине, на западном побережье Северной Америки, на Прибыловых и Алеутских островах, на Камчатке и на Командорах. В настоящее время морские бобры сохранились лишь в некоторых районах юго-западного побережья Аляски (на островах бывшей Российско-Американской компании — Кадьяк, Ситка и др.), на Алеутских островах и на некоторых островах Курильской гряды (видимо, на островах Шумшу, Шикотан, Кунашир и Итуруп). В Советском Союзе морские бобры сохранились в водах Командорского архипелага и мыса Лопатка (крайняя южная оконечность полуострова Камчатка). Наиболее значительное стадо живет на Командорах, главная масса — на острове Медный и незначительное количество — на острове Беринга. По качеству своего меха морские бобры мыса Лопатка выше командорских.

Третьим богатством Командор является голубой песец (полярная лисица). Ареал распространения песца чрезвы-

Заросли зонтичных и шеламайника в долине р. Старогаванская. О. Беринга

Котики (морские коты). Фото В. А. Гласс

Группа котиков-маток. О. Медный.

Голубой песец. О. Медный.

чайно широк, он охватывает всю северную территорию материков Евразии и Америки и прилегающие острова. Обитает песец в пределах тундровой зоны, спускается зимою и в северные районы тайги, но здесь не гнездится.

По всему этому пространству распространены две цветные формы (окраски) песца — белая и голубая. На материке голубой песец попадается очень редко, в виде исключения, и является по существу островной формой, обитающей преимущественно на северных островах, окруженных незамерзающим морем и лишенных сообщения с материком.

Главные места распространения голубого песца — Шпицберген, Исландия, Прибыловы и другие острова северо-тихоокеанских вод Америки, а в СССР — острова Кильдин и Командоры. Некоторые специфические отличия в анатомическом строении командорского песца дали основание выделить его в особый вид.

Своими размерами командорский песец напоминает небольшую собаку. Окраска его меха варьирует от светло-серого, близкого к голубому, до темнокоричневого цвета. Свои высокие пушные качества шкурка песца приобретает в зимние месяцы (декабрь — январь), когда мех становится очень густым и получает голубоватый оттенок. Жизнь командорского песца тесно связана с морем, снабжающим его основным кормом. На лайде, особенно в зимние штормы, он находит обильную и разнообразную пищу — мелких и крупных морских животных, рыбу, водоросли. На котиковых лежбищах песцы утаскивают больных и слабых детенышей и поедают трупы взрослых котов. Летним кормом служат песцу во внутренних районах островов ягоды, тундровая куропатка, речная рыба, полевка (на острове Беринга). Часть табунов живет вблизи селений и питается отбросами или хищничает. Самка приносит до 12—14 щенков, нормальное количество 5—6 щенков.

Благодаря своим высоким качествам, мех командорского песца пользуется на мировом рынке неизменным спросом, причем расценивается выше других песцов; цены на него доходят до 150 руб. и выше. Песцы острова Медный, обладающие лучшими шкурками, с более однородной голубой окраской, ценятся выше беринговских.[1]

Высокая ценность меха командорского песца, его высо-

[1] На острове Беринга был ранее распространен и белый песец, окончательно уничтоженный в 1935 г. Это не исключает возможности появления от голубых родителей потомства белой окраски.

кая плодовитость и неприхотливость, сравнительная простота и дешевизна ухода и отлова делают его очень рентабельным объектом пушнозвероводческого хозяйства.

Наземный мир млекопитающих животных исключительно беден на Командорах. Природным обитателем является, в сущности говоря, один песец. На острове Медный в настоящее время нет других млекопитающих (не домашних животных). На остров Беринга были завезены в свое время северные олени, впоследствии погибшие.[1] Несколько видов грызунов (и насекомых) попали на остров Беринга с морскими судами. Вместе с оленями оказался завезенным и олений овод. В 1870 г. американская шхуна привезла вместе с грузом муки и домашнюю мышь. Полевая и летучая мышь попали на остров с Камчатки.

Несравненно богаче представлены в Командорских водах морские животные. Из млекопитающих здесь обитают и китообразные, и ластоногие. Первые представлены несколькими видами собственно китов и одним видом дельфинов (касаткой). Киты держатся в Командорских водах в значительном количестве до весны, когда они начинают мигрировать на север. Касатки появляются периодически, большей частью весною, иногда крупными косяками. Из ластоногих водятся и настоящие тюлени (несколько видов нерпы и лахтак), и ушастые тюлени (морской кот и сивуч). Нерпа живет в островных водах круглый год и образует на каждом из островов несколько постоянных лежбищ. Сивучи приходят в Командорские воды осенью, зимуют и уходят весною. На лето остается только часть молодняка. На обоих островах расположено несколько лежбищ сивуча, преимущественно в районах южной и северной оконечности островов. Лахтак появляется на островах периодически и в небольшом сравнительно количестве.

Орнитофауна Командорских островов очень богата. Всего установлено 180 видов и подвидов птиц, но большая

[1] Олени были завезены в 1882 г. по инициативе д-ра Дыбовского в количестве 4 производителей и 11 важенок. Животные быстро акклиматизировались на острове и значительно размножились. В 1910—1911 гг. количество их составляло от 500 до 1000 голов. Обитали олени в малодоступной и мало освоенной южной части острова (около мыса Манати), наиболее богатой пастбищами. Погибло поголовье, видимо, в предвоенные годы. Причины гибели в точности неизвестны, во всяком случае одною из главных причин явилось хищническое истребление их японцами, постоянно посещавшими в это время южную часть острова. О Дыбовском см. ниже, стр. 49.

часть из них — залетные или перелетные. Гнездится на островах около 55 видов, в большинстве своем водоплавающих.[1] Оседлыми птицами островов являются урилы, баклан, утка-каменушка, тундровая куропатка, белая сова (на острове Беринга), ворон, гагара, глупыш, крохаль, несколько видов уток, кулик, бекас, алеутская чайка, говорушка, ара, топорок и многие другие. Перелетными птицами являются турпан, гуменник, лебедь-кликун, белоплечий орлан, кречет, ржанка, кроншнеп, дупель, чайка (тихоокеанская клуша), бургомистр и др. Из морских, гнездящихся на островах птиц наиболее многочисленны ара и топорок, затем алеутская чайка, глупыши, говорушки, некоторые утки. Из оседлых птиц в огромном количестве живут на островах урилы, каменушки, тундровые куропатки, встречающиеся зимою большими стадами в 20 и более экземпляров. Из перелетных птиц посещают острова в сравнительно большом количестве: турпан, кулики, тихоокеанская клуша, бургомистр, связь и др.

Летом на береговых утесах и отдельных скалах, «выбеленных» пометом, — грандиозные птичьи базары глупышей, урилов, ары и других гнездящихся колониями птиц. Об исключительных размерах колоний топорка на одноименном острове мы уже упоминали.

Насекомыми острова бедны: очень мало жуков и бабочек, несколько больше шмелей.

Рыбные богатства Командорских островов очень значительны. Из морских рыб водятся треска, камбала, палтус, терпуг, калашка, бычок и др. Особенно велики запасы трески, нерестилища которой находятся в омывающих острова водах.

Наибольшее промысловое значение для населения острова имеют лососевые, как проходные, так и постоянно живущие в реках. Из проходных лососевых нерестятся на островах красная, горбуша и кижуч. Рунный ход красной продолжается в командорских реках с июня до середины августа. Горбуша и кижуч идут позднее, с конца июля, начала августа, и нерест их затягивается почти до зимы. Отдельными экземплярами встречаются на островах и другие проходные лососи — кета и чавыча.

К постоянно живущим в командорских реках лососевым принадлежит голец (или мальма), достигающий здесь исключительно больших размеров.

[1] См. Иогансен (№ 67).

Морские беспозвоночные животные командорских вод отличаются исключительным разнообразием и обилием. Это богатство объясняется наличием здесь грандиозных запасов различных водорослей, дающих убежище и корм мелким животным — различным моллюскам, головоногим, ракообразным, голотуриям и иглокожим. Из отдельных, имеющих особое значение животных следует отметить громадное количество морских ежей, мидий, осьминогов, держащихся здесь все лето, трепангов и крабов, подходящих к берегам ранней весной и осенью и уходящих лишь на зиму.

Ресурсы животного мира являются решающими в экономике островного хозяйства.

Морские животные (нерпа, лахтак, особенно сивуч) служат для населения островов источником ценного питания (мясо, жиры) и сырья для выделки различных предметов обихода. Рыбные запасы островов играют громадную роль в питании населения, особенно весною, и являются одним из объектов государственного хозяйства на островах.[1] Ценное питание дают населению многие птицы островов и регулярно собираемые жителями яйца.

Большую роль играют и морские беспозвоночные. Население издавна употребляет в пищу различные съедобные моллюски, мидии, икру морских ежей, голотурии, осьминоги, рачки, трепанги.

Продукты моря, наравне с речной рыбой, птицей и различною растительностью, обеспечивают всегда унанганов свежей и богатой витаминами пищей. Характерно, что унанганы никогда не болели цынгой, приезжие же работники, пренебрегавшие таким необычным питанием, как мясо морских животных и многих птиц, водоросли и морские беспозвоночные, подвергались в случае перебоев со снабжением цынготным заболеваниям.

Морские рыбы и беспозвоночные играют еще незаменимую роль в качестве кормовой базы морского котика и морского бобра, этих наряду с голубым песцом наиболее ценных богатств островов. Именно их наличие предопределило дореволюционную хищническую эксплоатацию островов, в результате которой эти ресурсы оказались накануне полного исчерпания, а население островов — на грани вымирания.

[1] См. ниже, стр. 123.

И эти же богатства являются основой современного социалистического освоения Командор, в итоге которого произошло действительное воскрешение к новой жизни незначительной численно народности и расцвет островного хозяйства.

Ископаемые богатства Командорских островов очень не велики.

Привлекавшая неоднократно внимание исследователей самородная медь острова Медный была в свое время исследована специалистами и оказалась лишенной промышленного значения.[1] На побережьях островов встречается пемза, на острове Беринга известны небольшие месторождения каменного угля и глин (в том числе красильной). Наибольший, в виду полного отсутствия на островах топливных ресурсов, интерес представляют обильные запасы в тундрах острова Беринга торфа, достигающего мощности 40 см и обладающего «безукоризненными качествами».[2]

Открытие и исследование островов

Открыты Командорские острова были второй камчатской экспедицией Беринга (1733—1742), но еще задолго до их открытия уже в первом десятилетии XVIII столетия высказывались предположения о наличии земли к востоку от побережья Камчатки, примерно на широте мыса Камчатский.

Стеллер и Крашенинников сообщали, что жители Камчатки давно подозревали существование земли на востоке от устья реки Камчатки, где — при остальном чистом горизонте — постоянно наблюдался туман.[3] Уже в своем до-

---

[1] На северо-западной оконечности острова Медный находятся два месторождения самородной меди. От разрушения морским прибоем содержащих медь туфов здесь образовались окатанные самородки меди. Частое нахождение последних и послужило основанием для появившихся еще в XVIII столетии (см. ниже, стр. 47) преувеличенных слухов о медных богатствах острова. Исследовавший эти месторождения в 1903 г. геолог Морозевич признал их не имеющими практического значения (см. Аперт, № 3, стр. 309—310, а также «Полезные ископаемые Дальнего Востока», № 124, стр. 262—263).

[2] См. Суворов (№ 163), стр. 15—16.

[3] См. Steller (№ 199), S. 259; Крашенинников (№ 81), т. I, стр. 131—132.

несении о первой камчатской экспедиции (1725—1730) Беринг указал, что жители Нижне-Камчатска «сказывали, что будто в ясные дни они видят землю через моря».[1]

4 июня 1741 г. вышла из Авачинской губы вторая камчатская экспедиция, снаряженная для открытия северо-западных берегов Америки. В состав ее входило два пакетбота — «Св. Павел», под начальством лейтенанта Чирикова, и «Св. Петр», на котором находились сам командор Витус Беринг, адъюнкт Академии наук натуралист Георг Стеллер, лейтенант Ваксель, подштурман Юшин и др. — всего 77 человек.

20 июня суда потеряли друг друга в густом тумане. Чириков взял курс прямо на восток и 15 июля около 56° сев. шир. увидел землю — американский берег. Потеряв вскоре два бота с людьми, Чириков 10 октября того же года вернулся в Петропавловск на Камчатке, лишившись за все время 21 человека своего экипажа.

Беринг, между тем, отправился на северо-восток. После шестинедельного плавания им была открыта первая земля, названная островом св. Ильи (впоследствии — остров Каяк). При дальнейшем плавании были открыты острова Кадьяк, Укамок и Шумагинские. В сентябре месяце, когда наступили штормы неслыханной силы, был открыт еще ряд островов, но определить их положение было невозможно. От недостатка свежей воды и питания на судне начались повальные заболевания. К началу ноября умерло 12 человек, а 34, в том числе и сам Беринг, лежали в жестокой цынге.

4 ноября на судне увидели, наконец, отдаленную землю. Характер ее очертаний напоминал восточное побережье Камчатки между мысами Шипунский и Кроноцкий. Измученные несчастиями мореплаватели хотели верить, что их принесло к Камчатским берегам. Судно настолько пострадало от сильных штормов, что управление им было почти невозможно. На совещании у койки больного Беринга было решено во что бы то ни стало подойти к берегу. Пользуясь благоприятным ветром, судно встало на якорь близ каменистых береговых рифов. Налетевшими шквалами были сорваны один за другим два якоря, но сильный вал счастливо перенес судно через опоясывавшие берег рифы, и оно оказалось в спокойной лагуне близ берега.

---

[1] См. Донесение... Беринга (№ 49).

Авария постигла судно «Св. Петр» 5 ноября 1741 г. на юго-восточном побережье острова Беринга около мыса, получившего впоследствии название Командор. Стеллер указывает, что единственной безопасной стоянкой на восточном побережье является именно та бухта, куда был брошен штормом «Св. Петр».[1]

Утром 6 ноября Стеллер с несколькими спутниками переправился на берег, и началась почти 10-месячная жизнь российских робинзонов на острове Беринга.

Из дневников Стеллера, подробно описывающих плавание и последующую жизнь на острове,[2] видно, в каком ужасном положении очутились мореплаватели. Первою заботою было устройство жилищ. В землянки (вернее вырытые в земле ямы), покрытые остатками парусов и шкурами убитых песцов, началась доставка с судна больных участников экспедиции. К счастью, в конце ноября судно было выброшено штормом на берег, и таким образом были спасены кое-какие припасы, материалы и инструменты. В декабре месяце уже все жили в землянках. Наступившая вскоре зима оказалась исключительно тяжелой для путешественников. Платье и обувь пришли в полную негодность. Массу времени и сил отнимала охота — единственный источник питания, раздобывание топлива (плавника-леса) и домашние работы. Топливо и тяжелые туши морских животных приходилось носить на себе за десятки километров. Основным питанием служили морские бобры и куропатки. Островитяне были лишены даже печеного хлеба, так как только к концу пребывания на острове удалось устроить печь.

Вспоминая первое время жизни на острове, Стеллер пишет: «Вообще нужда, нагота, мороз, сырость, бессилие, болезни, нетерпение и отчаяние были нашими ежедневными гостями».[3] Цынга в эти первые месяцы продолжала свирепствовать. Во время доставки больных с судна на берег и в первые дни пребывания на острове скончалось 9 человек. Больные лежали в землянках, покрытые парусиной и песком как для тепла, так и для защиты от нападавших на них песцов. Смертность продолжалась до 8 января следующего 1742 г., когда из всего экипажа в 77 человек осталось в живых лишь 46.

---

[1] См. Steller (№ 199), S. 264—265.
[2] См. Steller (№ 197), S. 222—236, (№ 198), S. 1—26.
[3] Steller (№ 198), S. 6.

8 декабря скончался Витус Беринг, который весь последний месяц провел в землянке, полузасыпанный песком, который согревал его. Похоронен он был около пристанища экспедиции между своим адъютантом и двумя матросами.

Вскоре после своей высадки на берег путешественники убедились, что попали не на Камчатку, а на какую-то неизвестную землю. Еще на судне корабельный мастер Хитров утверждал, что показавшаяся земля — не Камчатка;[1] того же мнения были, очевидно, Беринг и Стеллер. Другие моряки, не предполагавшие существования островов в этих широтах на близком расстоянии от Камчатки, долго, даже попав на остров, утверждали, что они находятся в районе мыса Кроноцкого.[2]

Сам Стеллер убедился окончательно в том, что он не на Камчатке, на другой же день после высадки на остров, когда он увидел много морских коров, неизвестных в камчатских водах.[3] Это и другие свои соображения он привел и Берингу, перевезенному на берег.

Начиная с конца декабря и до апреля неоднократно отправлялись группы моряков для исследования земли, на которую их выбросило. 9 апреля, когда все потерпевшие крушение, наконец, убедились, что они на неизвестном острове, было решено соорудить из обломков «Св. Петра» новое судно. Началась многомесячная тяжелая страда. 9 августа новое судно, названное тоже «Св. Петр», было спущено на воду, 14-го вышло в море. Отплывая, моряки назвали остров в честь своего командора.

Обратный путь был тоже тяжел. Страшная теснота судна вынудила выбросить в море часть груза. Построенное на живую нитку судно было очень ненадежно и скоро дало течь, а помпы не действовали. Тем не менее 17 августа мореплаватели увидели Кроноцкий мыс, 26-го вошли в Авачинскую губу и на следующий день высадились в Петропавловске.

Командир «Св. Павла» Чириков весною 1742 г. отправился снова в плавание к американским берегам. При возвращении он видел остров Беринга, на котором еще находился Стеллер со своими спутниками, и назвал его островом св. Юлиана.[4]

---

[1] См. Steller (№ 197), S. 223—224.
[2] См. Steller (№ 198), S. 13.
[3] О морских коровах см. ниже, стр. 43.
[4] См. Берх (№ 15), стр. 123.

Воспоминанием о первых обитателях острова являются названия архипелага и острова, сохранившаяся до сих пор могила Беринга и многочисленные названия различных пунктов на острове Беринга. Название Командора, под которым был широко известен Беринг во всем Камчатско-охотском крае, носят река, мыс и бухта, где произошла 5 ноября 1741 г. катастрофа. Имя Стеллера присвоено самой высокой возвышенности острова, своеобразной арке (пещере) около устья реки Перегребная и одной из рек западного побережья (иначе река Гаванская); мыс Северо-восточный носит одновременно название мыса Вакселя.

Могила Витуса Беринга находится на крутом склоне возвышенности, около устья реки Командор, в полукилометре от моря. Среди густой травы стоит здесь простой деревянный крест с остатками надписи:

«Памяти Беринга
8 декабря
1741»

Невдалеке расположены остатки больших ям, жилья участников зимовки. Командир клипера «Крейсер», курсировавшего в 1886 г. около Командор, сообщал в своем дневнике следующее: «Единственным указателем уцелевшей на восточном берегу острова Беринга могилы командора Беринга служит только простой деревянный крест, не всегда существующий. Жители настолько чтут эту могилу, что, несмотря на почти 150-летнюю давность смерти Беринга, остались почти нетронутыми принадлежавшие команде судна командора металлические двуглавые орлы, бусы и пр.». [1]

По установившейся традиции военные суда, заходившие на остров, всегда поддерживали могилу. В селении Никольское (на острове Беринга) около клуба, бывшей церкви, стоит памятник командору; второй поставлен в Петропавловске на Камчатке.

В бытность экспедиции на острове последний отличался исключительным обилием животных — морского бобра, котика, песца и впоследствии исчезнувшей морской коровы. Стеллер был одним из немногих счастливых ученых, которому пришлось наблюдать этих животных в исключительно благоприятной обстановке, когда они еще не знали человека, не были сторожкими и не боялись людей.

[1] См. Давыдов (№ 43), стр. 1346.

Морских бобров, когда Стеллер попал на остров, можно было встретить повсюду на побережье. Стеллер, наблюдавший этих животных на Камчатке, указывает, что там они выходили очень редко на берег, а на острове, где их никогда не тревожил человек, — постоянно. Мясо морского бобра служило главным питанием островитянам. Одновременно оно явилось и прекрасным противоцынготным средством. Вначале добыча бобра требовала очень мало труда и проворства. Берега были полны животными, чувствовавшими себя в безопасности и лежавшими так густо, что при желании их можно было легко убивать сотнями. Путешественники окружали часто целые табуны и убивали животных березовыми палками. В первое время, убивая много бобров, они даже не брали шкур, а отрезали наиболее вкусные для еды части туши. Кучи шкур лежали, портились, раздирались на куски песцами. Но вскоре животное стало очень сторожким и начало исчезать в соседних с обиталищем путешественников районах. В ноябре — декабре морских бобров били в 3—4 км от жилья, затем уже в 6—8 и позднее в 20 км. Приходилось отыскивать все новые и новые места охоты и выбирать для последней темные и ненастные ночи. В конце зимы морские бобры исчезли совсем с северной стороны острова, где жили мореплаватели, и последним приходилось в поисках новых мест для охоты пересекать остров в южном направлении. После 9-месячного пребывания на острове команда вывезла свыше 700 шкур морского бобра, выбрав при этом только шкуры наиболее темной окраски. Недостаточно черные шкуры просто бросались. Весною, когда началась требовавшая много сил и времени постройка судна и одновременно нужно было запасать продовольствие на дорогу, отсутствие на близком расстоянии бобров причинило путешественникам не мало затруднений, но тут выручили их котики.[1] Первые котики начали появляться на берегах острова в апреле. 18 апреля был убит первый котик, а на следующий день — второй. Стеллер, зная еще на Камчатке, что котики уходят оттуда с весны до осени куда-то на восток, решил, что это лишь предвестники массового привала. Действительно скоро неисчислимые табуны[2] по-

[1] См. Steller (№ 199), S. 279—288; его же (№ 198), S. 1—2, 14.

[2] Еще в 80-х годах XIX столетия на Командоры приваливало около 1 300 тыс. морских котов (см. ниже, стр. 75).

крыли берега острова. Котики лежали так плотно, что нельзя было пройти по побережью и приходилось обходить его по возвышенностям. Приход котиков совпал с уходом бобров, распуганных их истреблением, и путешественники начали питаться мясом котиков, преимущественно серых, лишенным неприятного запаха. Двое людей посменно били животных, а другие носили их туши на стоянку. [1]

Значительным ресурсом питания служили участникам экспедиции морские коровы.

Стеллер был единственным из ученых, наблюдавшим на острове Беринга этих, вскоре исчезнувших, морских животных. Морская корова (Rhytina Stelleri) принадлежит к отряду Sirenia и родственна южноамериканским и западноафриканским Manati. Длина морской коровы достигала 8—10 м, толщина в окружности 6—8 м, вес 30—40 центн. Стеллер описал это морское млекопитающее следующим образом:

«До пупа похоже оно на тюленя, а от пупа до хвоста — на рыбу. Череп его очень похож на лошадиный, но голова, покрытая мясом и шерстью, напоминает, особенно губами, голову буйвола. В пасти вместо зубов на каждой стороне две широкие, продолговатые, плоские и шаткие кости. Одна из них прикреплена к нёбу, другая — к нижней челюсти. На косточках этих — многочисленные, сходящиеся наискось под углом борозды и выпуклые мозоли, которыми животное перетирает обычную свою пищу — морские растения. На губах — обильная крепкая щетина, настолько толстая на нижней губе, что напоминает куриное перо. Через внутреннюю полость этой толстой щетины видно ясно строение волоса. Глаза у этих больших животных без ресниц и не крупнее овечьих. Ушные раковины так малы и скрыты, что их невозможно найти и заметить под многочисленными углублениями и морщинами кожи, пока не снимешь кожи и не увидишь ушного отверстия. Последнее бросается в глаза своей полированной чернотой, оно настолько незначительно, что в него едва войдет горошина. От наружного уха нет никакого следа. Голова соединена с туловищем короткой шеей. Наиболее примечательны передние ноги и груди. Ноги — из двух суставов, крайний из которых довольно похож на ногу лошади. Внизу эти передние лапы снабжены как бы скребком из многочисленных и густосидящих щетин. Посредством этих, ли-

[1] См. Steller (№ 199), S. 288—290, также № 198, S. 19.

шенных и пальцев и когтей, лап, животное плавает, сбивает морские растения с камней и, ложась для совокупления, обнимает свою пару. Под передними ногами — груди с черными морщинистыми, в два дюйма длины, сосками, на концах которых открываются бесчисленные молочные каналы. Соски содержат громадное количество молока, значительно превосходящего своей сладостью и количеством жира молоко наземных млекопитающих, но очень схожего с ним. Спина морской коровы трудно отличима от спины быка, спинной хребет выступает рельефно, на боках продолговатые впадины во всю длину тела. Живот — круглый, растянутый и всегда настолько переполнен, что при малейшей ране кишки со свистом вырываются наружу. Начиная от половых органов, животное сильно уменьшается в объеме, хвост, по мере приближения к плавнику, заменяющему задние лапы, становится все тоньше, но ширина его непосредственно перед плавником все же достигает полуметра. Кроме плавника на конце хвоста, у животного нет других плавников, и этим оно отличается от китов. Плавник же его стоит также горизонтально, как у китов и дельфинов».[1]

Проф. Л. С. Берг указывает, что название, данное спутниками Стеллера этому животному (морская корова), очень удачно, «ибо по современным взглядам Sirenia представляют собою как бы водных копытных».[2]

В бытность участников экспедиции на острове, животное это жило там в громадном количестве. Большие табуны его, совершенно не боясь человека, паслись на подводных пастбищах у самых берегов, особенно в местах впадения в море многочисленных рек и ручьев острова. Добывать их путешественники стали тогда, когда у них возникли затруднения с питанием вследствие ухода морского бобра. После нескольких неудачных опытов удалось в июне наладить постоянную добычу. Стеллер находил, что мясо молодых животных напоминало своим вкусом телятину, а взрослых — говядину. Жир превосходил по своим качествам лучший говяжий жир. Мясо морской коровы оказалось очень целебным для больных и истощенных путешественников. Несмотря на постоянную охоту на них, животные держались всегда на одном и том же месте, и зимов-

[1] См. Steller (№ 199), S. 292—294.
[2] См. Берг (№ 13), стр. 293—294.

щикам удалось сделать громадные запасы жира и мяса. Благодаря этому было беспрепятственно закончено строительство бота и обеспечено продовольствие на обратный путь.

Морская корова водилась в большом количестве и на острове Медный. Вскоре после открытия островов (1741 г.), в конце 50-х годов XVIII столетия, это животное было истреблено совершенно.[1] И теперь еще на побережьях островов находят иногда кости морской коровы. Обилие морских коров у южной оконечности острова Беринга было причиной наименования ее мысом Манати. Участник экспедиции лейтенант Ваксель сделал с натуры рисунок морской коровы, хранящийся в архиве Академии наук СССР.[2]

Стеллеру удалось наблюдать на острове Беринга и описать тоже совершенно истребленную впоследствии громадную птицу «grosser Seerabe» («большой морской ворон») — очкового баклана (Палассов баклан). Она встречалась на скалах около Стеллеровой пещеры. Баклан этот весил до 5,5 кг, и мясо его было вкуснее мяса других морских птиц. Летательные способности очкового баклана были ограничены. Все это послужило причиной быстрого истребления этой птицы, примерно, около 1852 г. Сохранилось всего 5 чучел этого баклана в западноевропейских музеях и в музее Зоологического института Академии наук СССР.[3]

Песцы во время зимовки экспедиции имелись на острове Беринга в исключительном изобилии. Стеллер пишет, что своею дерзостью и хитростью они далеко превосходили обыкновенную лисицу, и рассказывает о многочисленных бедах и неприятностях, причинявшихся путешественникам песцами.

Они набивались днем и ночью в землянки и утаскивали все, что только могли унести; с исключительной ловкостью они сбрасывали с бочек закрывающие их тяжелые камни и уносили хранившееся там мясо. При разделке

---

[1] См. ниже, стр. 56.

[2] О морской корове см. Steller (№ 199), S. 290—299, (№ 197), S. 230—233, (№ 198), S. 10, 20, 22, (№ 196), S. 289—398; Крашенинников (№ 81), т. I, стр. 289—295; Пекарский (№ 117), стр. 184—186, (№ 116), стр. 30—33 и Берг (№ 13), стр. 293—300.

[3] См. Steller (№ 199), S. 299; Берг (№ 13), стр. 304—305; Иогансен (№ 67), стр. 230—231.

убитого морского животного приходилось закалывать ножом несколько песцов, все время вертевшихся тут же и вырывавших мясо из рук. Нигде Стеллер и его спутники не могли достаточно надежно спрятать свои припасы от песцов, сбрасывавших камни с хранилищ, подкапывавших высокие столбы и т. п. Стадами они ходили за людьми, и отделаться от них не было возможности. У сидящих спокойно людей они обгладывали ремни у самодельных сапог и даже самые сапоги. По ночам они стаскивали со спящих шапки, перчатки, бобровые одеяла, пытались укусить их за нос. Пока рыли могилы для умерших, они отгрызали у трупов носы, пальцы на ногах и руках, от лежавших больных их нельзя было отогнать.

Постоянно беспокоимые песцами и выведенные ими из себя люди истребляли их массами и зверски мучили, не зная пощады. Кучи убитых песцов валялись повсюду. Каждое утро в землянке лежало несколько убитых песцов. Повсюду на острове можно было встретить массы искалеченных — бесхвостых, двуногих, трехногих животных. Стеллер говорит, что за время своего пребывания на острове он лично убил свыше 200 песцов, вскоре после своего выхода на берег он в течение трех часов убил более 70 песцов и обложил их шкурами крышу своей землянки. Шкура песца не интересовала путешественников, и они ее не снимали. Стеллер справедливо заключил, что песцы никогда не видали людей и поэтому совершенно не боялись их.[1]

Открытие острова Медный произошло одновременно с открытием острова Беринга, но первое посещение его людьми имело место позднее. Приближаясь 4 ноября 1741 г. к неведомой земле, участники экспедиции увидели остров Медный раньше, чем соседний — Беринга, и сочли оба острова за одну землю, принятую ими за восточное побережье Камчатки (мыс Кроноцкий). В своем описании острова Беринга Стеллер указал на лежащий недалеко от острова Беринга и параллельно ему и тоже вытянутый с юго-востока на северо-запад неизвестный остров, оказавшийся впоследствии островом Медный.[2]

Первым посетил остров Медный, видимо в 1745 г., вошедший в историю сержант Емельян Басов, положивший в 1743 г. начало многочисленным плаваниям промышлен-

---

[1] См. Steller (№ 199), S. 274—279, (№ 197), S. 233, 235.
[2] См. Steller (№ 199), S. 268—269, (№ 198), S. 17—18.

ников на восточные острова.[1] Басов привез с острова самородки меди, послужившие основанием для названия острова.

В 1754—1755 гг. на Командорских островах зимовал «гюттенфервальтер» Петр Яковлев, посланный во главе горной команды для розыска медной руды на острове Медный. В оставленном им отчете он дал первое общее географическое описание и карту острова Медный и отметил, между прочим, обилие на этом острове морского бобра, котика, сивуча и песца. Морская корова была, по словам Яковлева, уже истреблена в это время на острове Медный, но водилась еще на острове Беринга.[2]

Благодаря участию Стеллера в экспедиции, научное исследование острова Беринга совпало с его открытием. Этот талантливый и образованный ученый оставил многочисленные труды, содержащие исчерпывающее физико-географическое описание острова, его растительного покрова (Стеллером было собрано 211 видов растительности) и замечательного животного мира. Труды Стеллера, являющиеся в полном смысле слова классическими, нимало не потеряли своей ценности и в настоящее время и незаменимы для изучения острова Беринга.[3] Работы Стеллера положили начало многочисленным дальнейшим исследованиям Командор.

Другой участник второй камчатской экспедиции, С. Крашенинников, лично не побывавший на островах, дал, по материалам Стеллера и др., описание островов Беринга и Медный.[4]

Лежавшие в пограничных водах между двумя великими материками, своеобразные по своей природе и изобиловавшие редкими пушными животными Командоры, естественно, должны были вызывать большой интерес со стороны разных исследователей. И действительно, вряд ли какая-либо другая отдаленная окраина старой России насчитывает такое количество исследований и такую обширную литературу, как Командорские острова.

Первые после Стеллера исследования были так или иначе связаны с деятельностью известной Российско-Аме-

---

[1] О Басове см. ниже, стр. 53.

[2] См. Jakowlef (№ 201); также Пекарский (№ 117), стр. 184—186, (№ 116), стр. 32—33; Берг (№ 13), стр. 295—296.

[3] См. Steller (№№ 194—199).

[4] См. Крашенинников (№ 81) т. I, стр. 130—139.

риканской компании,[1] в сферу которой входили и Командоры.

Первая морская опись островов была произведена в июле 1768 г. экспедицией капитана Креницына и лейтенанта Левашева (1764—1769), посланных на казенных гайльотах для точного определения новооткрытых земель. Во время плавания экспедиции Биллингса и Сарычева (1789—1792), капитан Биллингс, по пути на Алеутские острова, обошел в 1791 г. берега острова Беринга и произвел астрономические наблюдения. Врач экспедиции д-р Мерк собрал на острове Беринга гербарий.[2] Известный капитан Головнин сделал во время своей второй экспедиции (1817—1819) в 1818 г. астрономические определения островов.[3] Командир шлюпа «Сенявин» Литке определил в 1827 г. во время своего кругосветного плавания (1826—1829) географическое положение островов и сделал некоторые этнографические наблюдения над имевшимся уже тогда на островах населением.[4] Позднейшие гидрографические описи Командорских островов имели место в 1845—1860 гг. и в 80-х годах XIX столетия. В первый период опись островов была сделана при производстве генеральной гидрографической описи всех владений Российско-Американской компании.[5] После организации в 1880 г. отдельной съемки Восточного океана была произведена съемка Командор с промером около них акватории в 10 тыс. кв. миль. Результатом этих работ явился первый гидрографический обзор Командор,[6] а последующих изысканий — подробное описание их в первой лоции Тихого океана.[7]

Ряд естественно-исторических исследований островов открывает своими работами П. Г. Вознесенский. Пробывший 10 лет (1839—1849) на Камчатке и в так называемой Русской Америке зоолог Вознесенский посетил в 1844 г. Командорские острова и собрал там исключительные коллекции, в том числе многочисленные остатки морской коровы (ее роговые терки, заменявшие ей зубы, кусок шкуры и пр.), позволившие восстановить полный скелет

[1] См. ниже, стр. 59.
[2] См. Сарычев (№ 141), ч. 2, стр. 73.
[3] См. Головнин (№ 32), т. III, ч. I, стр. 86—92.
[4] См. Литке (№ 91), ч. 2, стр. 24; Lutké (№ 92), t. I, pp. 273—277.
[5] См. Доклад Комитета (№ 48), стр. 97—98.
[6] См. Гидрографический обзор (№ 31).
[7] См. де Ливрон (№ 88), ч. IV; также Давыдов (№ 43).

животного, находящийся в музее Зоологического института Академии наук СССР, и положенные в основу ряда работ акад. Брандта. В сентябре 1879 г. посетил остров Беринга, во время своего плавания на «Вега» (1878—1880), для сбора костей морской коровы известный путешественник Норденшельд. Норденшельдом составлено общее ботанико-географическое описание острова. В 1879—1880 гг. на островах производил ботанические и орнитологические сборы известный исследователь Камчатки д-р Дыбовский, также оставивший общее описание острова. С 1882 г. начинаются многократные исследования обоих островов американским ученым Штейнегером. Штейнегер посетил острова в 1882, 1883, 1895, 1897 и 1922 гг. и собрал там исключительные коллекции растительности и птиц. Перу ученого принадлежит много работ об островах — их подробное географическое описание, классические исследования по морским котам и по орнитофауне с богатыми биологическими наблюдениями и зоогеографическими выводами о происхождении орнитофауны островов, большая монография о Стеллере и ряд других работ. В 1885—1886 гг. на островах работал д-р Гриневицкий. В 1903 г. на островах работали, по поручению Геологического комитета, геологи И. А. Морозевич и Л. К. Конюшевский, исследовавшие медные месторождения, собравшие, между прочим, гербарий цветковых растений и оставившие ряд работ об островах. В 1908 г. оба острова посетил участник камчатской экспедиции Географического общества В. Л. Бианки, собравший там значительную коллекцию птиц.[1]

Несколько работ об островах принадлежат военным морякам, посетившим их в 80-х и в 90-х годах XIX столетия. Плававшие в 1880—1882 гг. на крейсере «Африка» Асланбеков, Руднев и Фридрихсон оставили общее описание островов, пушных промыслов и быта населения. Плававший после русско-японской войны на транспорте «Якут», несшем охрану котиковых промыслов, Жуков дал также описание населения и промыслов Командор.[2]

Другие исследования островов, непосредственно связанные с пушными промыслами, были произведены либо специально командированными лицами, либо администрато-

[1] См. Дыбовский (№№ 54—55); Steineger (№№ 188—193); Морозевич (№№ 105—106); Бианки (№№ 17—18).

[2] См. Асланбеков (№ 5); Руднев (№ 137); Фридрихсон (№ 177); Жуков (№ 60).

рами островов. Эти работы, представляющие в большинстве случаев значительную ценность, касаются часто не только вопросов пушного хозяйства и его главных объектов, а дают и общее описание островов, их природы и населения. Ценность этих работ увеличивается благодаря тому обстоятельству, что, вследствие уничтожения японскими хищниками в период русско-японской войны значительной части местных архивов, эти работы являются часто единственным, совершенно незаменимым источником изучения островов.

Из администраторов островов следует указать на пробывшего там с 1877 по 1905 г. д-ра естественных наук Н. А. Гребницкого, на сменивших его С. Леха, Н. П. Сокольникова (1905—1917), трагически погибшего крупного специалиста А. И. Черского (1917—1920) [1] и П. М. Колтоновского.

К специально командированным в свое время лицам относятся: чиновник Главного управления Восточной Сибири П. Г. Сулковский (1881), полковник Волошинов (1884—1885), известный знаток Охотско-камчатского края д-р Н. В. Слюнин (1892) и К. Савич (1893). Сильное падение командорских пушных промыслов с начала XX столетия заставило правительство направить туда для обследования их ряд специалистов. В 1910 и 1911 гг. работал на островах Е. К. Суворов, перу которого принадлежит ценнейшая монография и ряд других работ о Командорских островах. В 1912 г. обследовал пушное хозяйство С. А. Тихенко, а в 1913—Д. П. Филатов. [2]

Советская эпоха в изучении островов начинается работами В. К. Арсеньева (1923), Б. А. Редько и П. М. Колтоновского. Первый посетил их в первый же год советизации по поручению Дальрыбохоты и составил общий очерк островов. Оба последних работали там несколько лет и опубликовали работы о промысловом хозяйстве и населении островов. С 1928 по 1931 г. промысловой и научной частью командорского хозяйства заведывал проф. зоологии Томского университета Г. Х. Иогансен, опубликовавший работу по орнитофауне островов. В 1930—1931 гг. там работала

---

[1] См. Гребницкий (№№ 35—39); Лех (№ 87); Черский (№ 181).

[2] См. Сулковский (№ 167); Волошинов (№№ 25—26); Слюнин (№№ 153—156); Савич (№ 140); Суворов (№№ 162—166); Тихенко (№ 168); Филатов (№ 175).

по поручению Академии наук СССР д-р зоологических наук Е. Ф. Гурьянова, а в 1930—1932 гг. И. И. Барабаш-Никифоров, изучавший биологию морского бобра, природные условия его обитания и производивший опыты содержания его в неволе.[1]

Подводя общие итоги исследований островов за почти 200-летний период, следует отметить высокую степень изученности природы их. Наиболее подробно исследован растительный покров Командор (особенно острова Беринга), так как последний, по словам акад. В. Л. Комарова, вызывал всегда большой научный интерес «как опорный пункт для обмена растениями между Азией и Америкой».[2] Многочисленные ботанические сборы, произведенные на островах, начиная со Стеллера (1741—1742) и кончая И. А. Морозевичем (1903), были впоследствии обработаны и сведены Б. А. Федченко.[3] Также детально исследована и орнитофауна островов. Богатейшие коллекции командорских птиц были обработаны и сведены Штейнегером, Хартером, С. А. Бутурлиным (специально по острову Медный),[4] В. Л. Бианки и в самое последнее время Г. Х. Иогансеном, составившим наиболее полный систематический список водящихся на островах птиц. Изучены значительно и ресурсы животного мира, особенно основные хозяйственные объекты — песец, котик и морской бобр. И тем не менее остались не освещенными некоторые важнейшие моменты биологии двух последних животных. Очень низка степень гидрологической изученности акватории архипелага и ее растительного и животного мира.

Переходя к общественному циклу знаний о Командорских островах, надо сказать, что имеющаяся богатая литература дает ценный материал по общей истории островов, по их экономике и по истории островного хозяйства. Характерной чертой большинства работ этого рода об островах является игнорирование вопросов, относящихся к населению островов: о последнем упоминалось обычно между прочим или совсем не упоминалось. Многие труды об унанганах относились к американским алеутам, жителям

---

[1] См. Арсеньев (№ 4); Редько (№ 133); Колтоновский (№№ 74—76); Иогансен (№ 67); Гурьянова (№ 42); Барабаш-Никифоров (№№ 7—9).

[2] См. Комаров (№ 78), стр. 114—115.

[3] См. Fedtschenko (№ 174).

[4] См. Бутурлин (№ 20).

Алеутских островов, и, давая общие сведения об алеутах, не выделяли командорских (Вениаминов, Иохельсон).[1]

Немногие работы, касавшиеся населения или специально ему посвященные, отличались ярко выраженным великодержавным шовинизмом. Население островов рассматривалось исключительно с точки зрения интересов пушного хозяйства островов, рентабельности промыслов и пр. Упанганы в этих работах, написанных в обычно присущей буржуазной этнографии отвратительно штампованной манере, аттестовывались как ленивая, вымирающая дикая народность, сама виноватая в своем бедственном положении (Гребницкий, Жуков, Прозоров[2] и др.). К сожалению, этим шовинизмом страдали и некоторые, напечатанные в свое время, послереволюционные работы (Арсеньев, Кулатин и др.).[3]

Редким исключением явились в этом отношении в иностранной литературе работа Л. Штейнегера и в дореволюционной русской — Г. К. Суворова, работы, уделявшие много внимания населению островов и давшие (Суворов) исключительно ценный материал демографического, этнографического и экономического характера.

Судьбы островов до революции

Дореволюционные судьбы Командор и их населения неразрывно связаны с эксплоатацией их пушных богатств, которая на всем протяжении этого периода носила хищнический характер.

Расхищение пушных богатств Командор началось вскоре после открытия островов. Морские бобры и котики были известны русским и до этого открытия. Котики были распространены в нескольких пунктах восточного побережья Камчатки. О «больших бобрах», также обитавших на полуострове, неоднократно упоминал в своих донесениях об открытии Камчатки пятидесятник Владимир Атласов в 1700—1701 гг.[4] и примерно в то же время боярский сын Кобелев, посланный из Якутска на Камчатку. Последний, по словам известного историка Сибири Словцова, «доставил сведения о лисицах, огневками называемых, и о кам-

[1] См. Вениаминов (№ 23); Jochelson (№ 68).
[2] См. Прозоров (№ 129).
[3] См. Кулагин (№№ 83—84).
[4] См. Оглоблин (№ 108).

чатских бобрах, не имеющих ни чешуистого хвоста, какой у бобра-строителя, ни его струи».[1] Известия об изобилии этой ценной пушнины на Командорах распространились по всей Восточной Сибири сейчас же после возвращения на Камчатку экспедиции Беринга, привезшей с острова свыше 700 шкур морского бобра.

Многочисленные плавания промышленников на открытые острова начал сержант нижнекамчатской команды Емельян Басов, который, «взирая неравнодушно на богатства, вывезенные спутниками Беринга и Чирикова, решился, подобно Язону, плыть сам за золотым руном».[2] Басов побывал на Командорах четыре раза: в 1743, 1745, 1747 и 1749 гг. Во вторую поездку он привез 1600 морских бобров, 2000 котиков и 2000 голубых песцов; в третью — промысел был уже хуже: 970 морских бобров и 1520 котиков.

Басов, таким образом, первый «показал соотечественникам новую дорогу к обширной и богатой промышленности... Значительные прибыли, полученные первыми плавателями с новообретенных островов, произвели всеобщую страсть к морским путешествиям. Купцы, заехавшие в Камчатку для торгу с жителями стороны сей, хотя и бесплодной, но изобильной разными зверями, прельстясь успехами товарищей, оставляли настоящие занятия и плыли также за бобрами».[3] Удалые купцы, промышленники и казаки, которым нельзя отказать в предприимчивости и отваге, устремились на Командоры и далее на восток в изобиловавшие драгоценной пушниной воды бывшей Русской Америки. Эта погоня за котиками и морскими бобрами привела к открытию многочисленных новых земель. Значение соболя в камчатских и морского бобра и котика в американских открытиях русских на Тихом океане прекрасно выражено в следующих словах Гартвига: «Как соболь мало-по-малу довел русских до Камчатки, так повел их далее через весь ряд Алеутских островов до противоположного материка еще более дорогой камчатский бобр (морская выдра)».[4]

Промышленники организовывали небольшие артели и сообща снаряжали суда. «Суда, употребляемые для тако-

[1] См. Словцов (№ 152), кн. I, стр. 246—247.
[2] См. Берх (№ 16), стр. 2.
[3] Там же, стр. 3 и 14.
[4] См. Гартвиг (№ 29), стр. 154.

вых путешествий, бывают по большей части двухмачтовые, которые строят обыкновенно так, что железа совсем не употребляют: да и вообще строение оных столь худое, что весьма удивительно кажется, как они могут противиться свирепости бурного моря. Они называются шитиками потому, что доски как будто шиты ремнями и иногда строят их на реке Камчатке, а больше в Охоцкой гавани».[1] На этих сколоченных на живую нитку судах промышленники пускались в плавание на восток, многие из них гибли в бурных водах океана, зато другие возвращались с богатой добычей.

В 1746 г. отправился на острова на шитике «Св. Иоанн» селенгинский купец и мореход Адриан Толстых. Он зимовал на острове Беринга, а затем отправился к югу искать тот несуществующий в действительности остров, о котором упоминал в своем дневнике под записью от 12 июня Стеллер.[2] Никакого острова он не нашел и вернулся в 1748 г. в Усть-Камчатск. «По неудачному промыслу» он привез с собой *только* 1500 песцов и более 300 морских бобров, добытых на острове Беринга. В том же году побывал на этом острове и Андрей Всевидов, а в 1756 и 1760 гг. — снова Толстых. Крупные партии пушнины вывозили с Командорских островов и все последующие промышленники. Казак Воробьев (1750—1752) привез 1980 морских бобров, команда погибшего на острове Беринга иркутского купца Югова (1751—1754) доставила 790 морских бобров, 2222 котиков и 7044 голубых песцов.

Командорские острова, расположенные близко к Камчатке и богатые ресурсами животного мира, стали перевалочным пунктом для всех промышленников, отправлявшихся на «дальние» острова и к американским побережьям. Они обычно зимовали на одном из двух Командорских островов, ремонтировали здесь свои суда и делали запасы продовольствия — соленого мяса сивучей и морских бобров, жира и сушеной рыбы (юколы) — на дальнейшее плавание. Кроме того, заготовлялись в большом количестве шкуры морских животных, в которых нуждались промышленники для пошивки одежды и для устройства промысловых плавучих средств — байдар. Особенную ценность предста-

[1] См. Паллас (№ 112), стр. 275—276.
[2] См. Steller (№ 197), S. 144.

вляла в этом отношении морская корова, водившаяся только на Командорах и доставлявшая громадное количество мяса, жира и исключительно прочной кожи, которая шла на обшивку самых крупных байдар. Оставленные некоторыми мореходами (Яковлевым — 1754—1755 гг., Брагиным — 1772—1776 гг.) записи рассказывают об этих постоянных зимовках промышленников на островах и объясняют их причины.[1] Так, зимовали на островах знаменитый Глотов (1758), Пайков (1758), Полутов (1773) и многие другие. Попутно зимовавшие промышленники промышляли на Командорах и пушнину.

Кроме более крупных судов, снаряжавшихся купцами, — на «первые острова» (Командоры), пользуясь их близостью к Камчатке, часто отправлялись и на простых байдарах.

Сибирский губернатор Соймонов оценил в полной мере значение этого мореплавания и предписал приморским канцеляриям и Нижнекамчатскому управлению оказывать мореходам всяческое содействие. В своем донесении Сенату в 1760 г. Соймонов, ссылаясь на сделанные открытия, ходатайствовал о разрешении «партикулярным (частным. — *М. С.*) промышленным людям, от которых-де уповательно те острова скорее и без убытка казенного обысканы быть могут» открывать и исследовать новые острова и промышлять на них. На это последовал в 1761 г. сенатский указ, разрешавший всем плавать на неизвестные острова и свободно продавать добытую пушнину (за исключением десятой доли, шедшей в казну). Это внесло дальнейшее оживление в пушные промыслы.[2] Правительство, стремившееся к «распространению державы» и в свою очередь сильно заинтересованное в пушных ресурсах, в частности для возобновления торговли с Китаем, прекращение которой сильно отражалось и на денежном курсе, всячески поощряло мореходов разными льготами, пожалованием дворянства, списанием казенных долгов и пр.

В 1772—1773 гг. состоялось плавание знаменитого штурмана Потапа Зайкова, хотя и не имевшее непосредственного отношения к Командорам, но крайне характерное для той эпохи. Зайков отправился в 1772 г. из

---

[1] См. Jakowlef (№ 201), S. 305; Bericht... (№ 13а), S. 310; Перечень путешествия... (№ 120), стр. 305; Паллас (№ 112), стр. 277, 281, 311.

[2] См. Словцов (№ 152), кн. II, стр. 336; Прозоров (№ 129), стр. 26—27.

Охотска к американским берегам на судне купцов Лапина, Орехова и Шилова. В 1773 г. он зимовал на острове Медный, сделал топографическое описание острова и собрал здесь больше полупуда меди. Затем он плавал на острова Алеутские и Умнак и вернулся в 1779 г. в Охотск, привезя 4376 морских бобров, 1725 серых котиков, 1104 голубых песцов, 549 чернобурок, 1099 сиводушек и 1204 красных лисиц, 92 речных выдр, 18 норок, 3 волков, 1 росомаху и 9½ пудов моржовой кости. Груз Зайкова считался самым богатым грузом того времени, стоил он более 300 тыс. руб., а по ценам первой четверти XIX столетия около 1600 тыс. руб.

Истребление котиков и морских бобров приняло на Командорах с самого начала громадные размеры. Особенно стали уменьшаться запасы морского бобра — наиболее ценного животного. Уже в 1756 г. Адриан Толстых, хотя и вывез с острова Беринга хорошую добычу, но не убил ни одного морского бобра,[1] так как «сею зимою они не выходили на берег».[2] Отправленные в 1762 г. купцом Трапезниковым под командованием Коровина промышленники провели на острове Беринга почти год и добыли только 500 голубых песцов и 20 морских бобров: «последних на сем острову ныне не так уже много, как прежде было, потому что российские промышленники весьма часто их беспокоят».[3] Во второй половине 40-х годов на острове Беринга было выбито свыше 4 тыс. морских бобров, в конце 50-х годов — начале 60-х годов бобры добывались там уже только десятками, а затем совсем исчезли с этого острова. На острове Медный промысел бобра продолжался несколько дольше, но и там он скоро прекратился в виду ничтожных размеров. Котики исчезли на острове Беринга тоже в конце 60-х годов.

К этому же времени относится, видимо, окончательное исчезновение и морской коровы, истребленной промышленниками. Зимовавший в 1754—1755 гг. на островах Яковлев[4] упоминал еще об обилии этого животного на острове Беринга и описывал варварское и непроизводительное

[1] Это, видимо, дало основание для указания Словцова, что бобры вывелись на Командорах уже в 1756 г. (см. № 152, кн. II, стр. 336).

[2] См. Паллас (№ 112), стр. 312; Берх (№ 16), стр. 31.

[3] См. Паллас (№ 112), стр. 337.

[4] См. выше, стр. 47.

истребление его зимующими на острове промышленниками. Указывая, что остров Медный был уже «опустошен» (животное было там уже выбито) и что «искоренение» грозит и острову Беринга, Яковлев отмечал необходимость запрета промысла морской коровы.[1] Зимовавший на острове Беринга в 1760—1761 гг. Толстых, перечисляя животных, мясом которых питались промышленники, уже не упоминает о морской корове. Не упоминают о ней и позднее зимовавшие на острове Беринга Зайков, Полутов и Брагин (1773).[2]

Возобновляется котиковый промысел на Командорах уже в 80-х годах XVIII столетия при активном участии известного Г. И. Шелехова, положившего начало образованию крупных пушнопромысловых предприятий.

«Знаменитый отец русских колоний»[3] Шелехов начал свою деятельность в тихоокеанских водах в 1776 г. Вначале он объединялся с другими предпринимателями лишь временно, для снаряжения и отправки в плавание очередного судна, как это практиковалось всем купечеством. Такие суда отправлялись Шелеховым с его компаньоном ежегодно на протяжении шести лет (1776—1781) и в большинстве случаев привозили громадное количество мехов. Этим положено было начало громадного обогащения Шелехова.

В 80-х годах XVIII столетия стало заметно уменьшаться и количество плаваний, и число предпринимателей, орудовавших в тихоокеанских водах. Объяснялось это целым рядом причин. Многие предприниматели, нажившие на пушнине громадные состояния, отходили от рискованных дел. Часть, потерпев неудачу, отказалась от участия в дальнейших плаваниях. Значительное падение промыслов в результате хищнического убоя животных на всех ближних островах вызывало необходимость более продолжительных и дорогих плаваний для открытия новых, еще не истощенных богатств, а это было не под силу более мелким предпринимателям. И именно в эти годы проявляется тенденция к созданию постоянных купеческих объединений, что и привело через несколько лет к образованию крупных пушнопромысловых предприятий.

[1] См. Пекарский (№ 117).
[2] См. Берг (№ 13), стр. 294—295; Перечень путешествия... (№ 121); Перечень путешествия... (№ 120); Bericht... (№ 13а).
[3] См. Берх (№ 16), стр. 100.

Одним из таких наиболее удачных плаваний, увенчавшихся открытием новых островов, было плавание принадлежавшего Шелехову с его компаньонами судна «Св. Георгий» под командой подштурмана Прибылова. Судно, находясь в плавании восемь лет (1781—1789), открыло знаменитые Прибыловы острова и привезло грандиозное количество пушнины: 2720 морских бобров, 31 150 котиков, 6794 голубых песцов, не считая прочей «рухляди».[1] Общая стоимость этой добытой 40 промышленниками в течение двух лет пушнины достигала по охотским ценам 250 тыс. руб.

В 1781 г. Шелехов, его компаньон с 1787 г. И. Л. Голиков, курский купец и откупщик питейных сборов, и капитан М. С. Голиков организуют новую уже постоянную компанию для занятия островов около Аляски, в первую очередь острова Кадьяк, где по имеющимся сведениям имелись громадные пушные богатства.

На одном из трех судов, выстроенных компанией в Охотске, на гальйоте «Три святителя», отправился в плавание сам Шелехов. Во время своего трехлетнего путешествия (1783—1786) Шелехов перезимовал на острове Беринга, посетил остров Уналашка, прожил два года на острове Кадьяк и положил начало русскому заселению дальнеаляскинских островов.

Возобновление в 1794 г. торговли с Китаем, где существовал большой и постоянный спрос на «мягкую рухлядь», значительно усилило погоню за пушниной в тихоокеанских водах. На вновь открытые острова и американские земли нахлынули, помимо Шелехова, и другие предприниматели — Лебедев, Ласточкин, Мыльников, выбывший из компании с Шелеховым И. Л. Голиков и др. Все эти предприниматели конкурировали между собою; вражда между отдельными группами промышленников, посылавшихся тем или иным предпринимателем, доходила до вооруженных столкновений. Число промысловых судов и партий росло, а отсутствие какой-либо власти и закона приводило к полному хаосу и дезорганизации промыслов, принявшим громадные размеры. Положение осложнялось в результате ожесточенного сопротивления туземного населения русским порабо-тителям. Защита захваченных последними земель и новых населенных пунктов, равно как и борьба с нахлынувшими

[1] «Рухлядь» по старинной терминологии — пушнина.

сюда иностранными — шведскими, испанскими, английскими и американскими — судами была не под силу отдельным компаниям предпринимателей.

Уже в эти годы наступает «опустение» ряда островов (Лисьих и др.) в результате массового истребления их жителей или бегства уцелевшей части последних от зверств кровавых пушных конквистадоров — Глотовых, Соловьевых и др., не говоря уже о варварском истреблении ценного пушного зверя. Расхищение вновь открытых островов и земель достигает таких размеров, что у правительства, бессильного организовать там самый элементарный порядок, возникает одно время, в результате дипломатических неприятностей, мысль о ликвидации этих предприятий. Выход находится в организации монопольного объединения с особыми правами.

Шелехов основывает в 1790 г. две компании — Северо-восточную и Предтеченскую, в 1791 г. — Уналашкинскую и в 1794 г. — Североамериканскую. «Необходимость и благо единовластия в русских заселениях на Восточном океане говорит за себя», — пишет историк — апологет деятельности Российско-Американской компании П. Тихменев.[1]

В 1797 г., уже после смерти самого Шелехова, все его предприятия объединяются с предприятиями конкурентов (Мыльникова и Голикова) в одну Соединенную американскую компанию, которая переименовывается в следующем году в известную в истории российской колониальной политики Российско-Американскую компанию.

Стремление правительства сохранить вновь открытые земли и одновременно освободить себя от тягот и ответственности по управлению ими нашло себе разрешение. В 1799 г. именным указом императора Павла компании были предоставлены на двадцать лет исключительные «привилегии», сделавшие ее неограниченным хозяином всех земель, как уже открытых, так и могущих быть впредь открытыми в водах Тихого океана и на северо-восточном берегу Америки (к северу от 55° сев. шир. и к югу до Японии). Акт 1799 г. сделал Российско-Американскую компанию монополистом и прекратил в предоставленном ей районе деятельность всех других предприятий, не вошедших в эту компанию. Российско-Американская компа-

[1] См. Тихменев (№ 170), ч. I, стр. 59.

ния развилась в последующие шестьдесят лет в грандиозное коммерческо-политическое предприятие, просуществовавшее до продажи Россией Аляски и восточных островов Соединенным Штатам Америки (1867).

С образованием компании закончился продолжавшийся свыше пятидесяти лет (1741—1799) период «вольного хозяйствования» на островах Тихого океана многочисленных отдельных предпринимателей и началось систематическое разорение пушных богатств одним хозяином. Этот первый период колониального «освоения» характеризуется громадными размерами добычи пушнины. Одна компания Шелехова и Голикова, действовавшая семь лет (1783—1790), вывезла 15 647 морских бобров и 139 266 котиков, кроме прочей «мягкой рухляди», всего по охотским ценам на сумму около 1500 тыс. руб. Общая стоимость всей добытой на островах пушнины за период с 1745 по 1798 г. достигала по тем же ценам 9 млн. руб. Промысел производился все время самым варварским способом. Стремясь набить возможно больше зверя, каждая партия выбивала его массами, без различия пола и возраста. В сохранившихся в значительном количестве списках привезенных судами морских бобров фигурируют тысячами шкуры кошлаков и медведков, т. е. молоди бобров. Котики избивались почти исключительно серые, т. е. опять-таки не достигшие одного года. Выбивая десятки тысяч котиков, промышленники снимали часто шкуру только с одной спины. Уже в 80-х годах XVIII столетия стало заметно повсеместное уменьшение числа котиков и морских бобров,[1] а в конце XVIII столетия они уже совсем исчезли на Алеутской гряде; такая же судьба грозила и американским побережьям.[2]

Командорские острова, которые первыми и наиболее сильно пострадали от промышленников, посещались в этот период (1760—1800) очень редко. Наиболее ценный промысловый объект — морской бобр — там в это время отсутствовал. Добыча котиков имела место на островах в 1783 г., во время зимовки там Шелехова, и два раза в 90-х годах, когда она осуществлялась промышленниками купца Киселева. При вторичном плавании этой партии промышленники прожили три года (1798—1801) на остро-

[1] См. Тихменев (№ 170), ч. I, стр. 19.
[2] См. Щеглов (№ 200), стр. 301.

вах Беринга и Медный и имели там «счастливые промыслы».[1]

Деятельность Российско-Американской компании носила все черты эпохи первоначального накопления капитала. Главной сферой ее деятельности было не заселение колоний и развитие их хозяйства, а хищническая добыча пушнины и торговля. Будучи монополистом и в пушных промыслах, и в торговле и добиваясь у правительства все новых льгот, компания развила грандиозную торговлю не только на внутреннем рынке, но и с Китаем, Англией, Калифорнией, Сандвичевыми островами. Торговля эта приносила громадные прибыли: дивиденд акционеров достигал 30%; чистая прибыль за первый двадцатилетний период составила свыше 20 млн. руб. Происхождение этой прибыли становится ясно из следующего сопоставления цен:

Плата промышленникам (ассигнациями)	Цена в Кяхте при продаже мехов	Цены на товары в колониях
Котик — 1 руб. за шкуру	5 руб.	водка (штоф) — 20 руб.
Морской бобр — от 3 до 50 руб.	100 руб.	сахар (пуд) — 140 руб.
		полуситец (арш.) — 4 руб.

О размерах истребления пушных животных в этот период можно судить хотя бы по тому факту, что в 1803 г. на трех судах компанией было вывезено из колоний более чем на 2,5 млн. руб. пушнины, в том числе более 15 тыс. морских бобров и до 280 тыс. котиков.[2]

Промысел носил чисто хищнический характер: промышлялись только серые котики, т. е. 3—4-месячные, родившиеся весною того же года, причем выбивали их поголовно, без различия самок и самцов. В результате уничтожения большей части годового приплода лежбища были настолько разорены, что грозили совсем исчезнуть. Это вынудило компанию установить в 1803 г. на Прибыловых островах временный запуск котиков. В 1808 г. промысел был возобновлен, но ограничен в первые годы, в виду

[1] См. Берх (№ 16), стр. 119—120.
[2] См. Тихменев (№ 170), ч. I, стр. 93.

истощения запасов, 40 тыс. шкур в год. Плававший в эти годы в тихоокеанских водах начальник кругосветной экспедиции (1803—1806) Крузенштерн отметил, что «морские бобры и другие звери при всеобщем таковом опустошении долженствовали неминуемо истреблены быть в короткое время».[1]

Уменьшение котиков и морских бобров стало заметно уже к концу первого периода действия привилегий компании (1799—1821).[2] Наибольшему истреблению подверглись, конечно, морские бобры. Тихменев указывает, что в главном месте промысла морских бобров, на Прибыловых островах, добыча их упала до 200 хвостов в год, а затем прекратилась совершенно.[3] Что касается котиков, то, по словам того же источника, «производство промысла сопровождалось в особенности беспорядочностью и беспечностью о сохранении этих зверей с самого открытия их лежбищ до окончания первого срока привилегий компании».[4] Всего было вывезено из колоний за период 1797 — 1821 гг. морских бобров (в том числе маток и кошлаков) — 72 894 и котиков — 1 232 374 (преимущественно серых). Общая стоимость вывезенной за период 1743 — 1823 гг. пушнины достигала громадной по тому времени суммы в 46 млн. руб.; в числе вывезенных мехов насчитывалось 2 324 364 котика и 200 839 морских бобров.[5] С Прибыловых островов со времени их открытия (1786) по 1828 г. было вывезено «по вернейшим подсчетам» более 3 млн. котиковых шкур.[6]

В 1821 г. привилегии компании были продлены на новый двадцатилетний срок. Значительное повышение цен на котиков в 30-х годах (до 13 руб. за шкуру) в результате открытия нового способа обработки и окраски меха усилило истребление этих животных. Уменьшение количества «мягкой рухляди» стало еще заметнее. Тихменев пишет об этом следующее: «Опасения об уничтожении некоторых из пород пушных зверей могли оправдаться скорее всего на морских котах, число которых к началу 30-х годов делалось менее и менее в сравнении с тем, как было

[1] См. Крузенштерн (№ 82), ч. I, стр. XIV.
[2] См. Тихменев (№ 170), ч. I, стр. 235.
[3] Там же, стр. 237.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 239; Берх (№ 16), стр. 167—169.
[6] См. Литке (№ 91), ч. I, стр. 184.

не только в старое время, но и за несколько лет назад». Это вызвало новый запуск «в одном из главных притонных котовых мест», на острове Павла (Прибыловы острова).[1] Еще хуже дело обстояло с морскими бобрами: здесь уже ожидалось совершенное их истребление. В результате значительно падал вывоз этой пушнины из колоний, сравнительно с первым периодом. С 1821 по 1842 г. было вывезено 25 416 морских бобров и 458 502 котика, а в следующее третье двадцатилетие (1842—1862) — 25 899 морских бобров и 372 894 котика.[2]

Командорские острова занимали ничтожное место в добыче компании. Источником обогащения последней являлись другие острова (Прибыловы, Алеутские, Лисьинские, Шумагинские и др.) и побережья американского материка, где морской бобр выменивался обычно за 8—9 ниток голубого бисера.

Размеры добычи котиков и морских бобров на Командорах за время деятельности компании неизвестны, так как имеющийся материал содержит чрезвычайно скудные и случайные сведения об этих островах. Наиболее устойчивым был здесь котиковый промысел, достигавший временами 4 тыс. хвостов в год (на обоих островах).[3] Литке, посетивший острова в 1827 г. во время своего кругосветного плавания (1826—1829), указывает, что сильно упавший промысел дает в последние годы на двух островах не более 5 тыс. котиков и что был решен запуск на несколько лет.[4] Состоялся ли последний — неизвестно, но во всяком случае такой же хищнический, как и повсюду, промысел происходил и в дальнейшем. Тихменев сообщает, что к 40-м годам XIX столетия котики начали уменьшаться на Командорах с чрезвычайной быстротой. Грозившее полное исчезновение котиков заставило компанию объявить и на этих островах запуск, который был проведен либо в 1841 г., либо в 1843 и длился по 1847 г. Результаты его были ничтожны: в 1847 г. добыто на острове Медный только 900, а в 1848 г. на острове Беринга — только 447 котиков.[5] Официальные источники дают следующие

---

[1] См. Тихменев (№ 170), ч. I, стр. 323—324.
[2] Там же, стр. 325, 327, ч. 2, стр. 221.
[3] См. Прозоров (№ 129), стр. 307.
[4] См. Lutké (№ 92), t. I, p. 277.
[5] См. Тихменев (№ 170), ч. I, стр. 324; Суворов (№ 163), стр. 19.

Сведения о добыче котиков в последнее десятилетие деятельности компании (1857—1867): [1]

Остров Беринга		Остров Медный	
годы	количество котиков	годы	количество котиков
с 1857 по 1860	по 1500	1857 и 1858	по 2500
1861 и 1862	„ 2000	1859	„ 2700
с 1863 по 1866	„ 2500	с 1860 по 1865	по 3000
1867	„ 4000	1866 и 1867	„ 5000

Е. К. Суворов указывает, что в 1866 г. был, наконец, прекращен на Командорах промысел серых котиков, и с этого времени стали промышлять только холостяков. В результате возникли новые лежбища холостяков (из подрастающей молоди), и количество животных в концу деятельности компании увеличилось. [2]

Морской бобр появлялся на Командорах в период деятельности компании лишь изредка, и промысел его носил поэтому чисто случайный характер. Из указания Тихменева о сильном падении этого промысла на островах в начале 20-х годов XIX столетия можно заключить, что до этого времени промысел все же происходил. В 1827 г. было добыто на острове Беринга 200 морских бобров, а затем они исчезли там совсем и появились снова лишь в конце 60-х — начале 70-х годов, видимо, в связи с интенсивным истреблением их на Алеутских и Курильских островах. [3]

Надо отметить также, что заброшенные и мало интересовавшие компанию Командоры подвергались уже в этот период налетам иностранных хищников. Американские китобои, наводнившие северные воды Тихого океана в 40-х и 50-х годах, высаживали команды на острова и хищнически выбивали там пушнину. [4]

Вся деятельность Российско-Американской компании характеризовалась исключительным хищничеством и бесхо-

[1] См. Сборник (№ 142), вып. 2, стр. 4—5; также Прозоров (№ 129), стр. 338—339.

[2] См. Суворов (№ 163), стр. 19.

[3] См. Тихменев (№ 170), ч. I, стр. 237; Суворов (№ 163), стр. 228; Прозоров (№ 129), стр. 278.

[4] См. Доклад Комитета (№ 48), стр. 115—116.

зяйственностью. Эксплоатация туземного населения многочисленных островов и побережий Америки привела к весьма значительному его уменьшению. Пушные промыслы компании состояли в сущности в разгроме пушных богатств колоний. Наряду с этим постоянно происходили гибели судов компании, вверенных невежественным командирам, и процветали многочисленные, гремевшие по всему Камчатско-охотскому краю, злоупотребления ее разных агентов. От убытков спасали компанию при этих условиях лишь хищническое истребление пушных животных и грандиозные торговые прибыли.

Литература сохранила нам несколько характернейших примеров варварского ведения дел компанией. При громадной добыче котиков, компания не использовала их полностью. На складах ее скапливались сотни тысяч шкур, портившихся, перегоравших, высушенных иногда в простых банях. Товар этот выбрасывался на рынок по низким ценам или уничтожался совершенно. В Уналашкинском порту сушеными шкурами котиков топили в 1809—1812 гг. печи и бани. С 1805 по 1812 г. было испорчено свыше 1 млн. шкур котика. Иногда действовали и другие, более современные мотивы. Развивая хищнический бой котиков в первые годы своего существования, компания скупала одновременно для поддержания цен громадные количества этих шкур у других предприятий. В результате к 1803 г. на Прибыловых островах скопилось до 800 тыс. шкур, и для поддержания упавших в Кяхте цен на котиков компания распорядилась большинство этих шкур (700 тыс.) сжечь и бросить в воду.[1] Такой же факт, но в меньших размерах, повторился в 1820 г. в Иркутске.

Состоявшая «под высочайшим покровительством» компания была по существу совершенно бесконтрольна в своих действиях. За почти семидесятилетнее существование компании состоялись только две правительственных ревизии ее дел на местах: первая — проведенная известным капитаном Головниным в 1818 г., и вторая — проведенная Головиным и Костливцевым в 1860 г. Между тем, деятельность компании вызывала многочисленные нарекания уже с самых первых лет ее существования. Наблюдавшие эту деятельность участники кругосветных экспедиций Крузен-

[1] См. Тихменев (№ 170), ч. I, стр. 93—94, 237—238, 255; Литке (№ 91), ч. I, стр. 183—184.

штерна (капитан Ратманов), того же Головнина, Лисянского и др., имевших место в начале XIX столетия, неоднократно отмечали безобразное состояние дел компании.[1] В связи с истечением в 1862 г. срока привилегий и ревизиями Головина и Костливцева был образован особый Комитет для рассмотрения отчета ревизоров и вопроса о продлении привилегий. Доклад этого Комитета, занявшего, между прочим, очень благоприятную для компании позицию, содержит исключительно богатый материал для характеристики этих российских конквистадоров.[2]

Деятельность Российско-Американской компании прекратилась в 1867 г. в связи с продажей Россией ее крайневосточных владений Соединенным Штатам Америки.

После ликвидации компании Командорские острова, оставшиеся в составе России, были в течение нескольких лет совершенно бесхозяйственным имуществом. Трехлетие с 1868 по 1870 г. оставило самые тяжелые следы и в жизни населения островов,[3] и в состоянии пушного хозяйства. Острова, подчиненные в этот период петропавловскому окружному исправнику, стали достоянием нахлынувшего на них громадного количества спекулянтов, авантюристов, любителей легкой и быстрой наживы. Наряду с русскими торговцами сюда устремилось и много иностранцев, особенно американцев. Приезжие понастроили лавок, сараев, навезли много спирта и товаров, и началось спаивание унанганов и вывоз пушнины. На островах процветало поголовное пьянство, карточная игра, и началась свободная добыча и сбыт пушнины. Нахлынувшие хищники, стремясь скорее нажиться, побуждали население выбивать зверя. Конкурируя между собою, они жестоко обирали и спаивали население. Спирт и другие товары, шедшие в обмен на котиков, расценивались по исключительно высоким ценам и отпускались промысловикам в кредит. Последние впадали в неоплатные долги и совершенно закабалялись скупщиками пушнины.

Именно в этот период составились на островах значительные состояния, и берут свое начало многие камчатские

---

[1] См. Крузенштерн (№ 82), ч. 2, стр. 118—129; специальную записку Головнина «О состоянии Российско-Американской компании в 1818 г.» (№ 32), т. V; Материалы для истории русск. засел. (№ 98), вып. 1.

[2] См. Доклад Комитета (№ 48).

[3] См. ниже, стр. 96.

капиталы. Историк торговли в Камчатско-охотском крае, сам являвшийся крупным предпринимателем, А. А. Прозоров показал это на нескольких характерных примерах. Американский гражданин Сандалин, купец 1-й гильдии, торговавший много лет на Камчатке, «был одним из многих, устремившихся на Командорские острова после окончания концессии Российско-Американской компании», и именно там он начал свою многолетнюю торговую деятельность. Положил на островах начало своему богатству и известный камчатский торговец Малованский, за которым «сохранилась репутация человека очень энергичного, ловкого и замечательного торговца; посейчас еще в Петропавловске ходит про него много рассказов, из которых видно, до какой степени он умел употреблять в свою пользу слабость населения Камчатки и особенно алеутов Командорских островов». Принял участие в этом разгроме командорских богатств и «знаменитый» Филиппеус, сначала полицейский, а впоследствии транспортный и торговый монополист Камчатского края, связанный договором с казною и приобретший имущество бывшей компании. [1]

Этот период «свободной добычи» и полного отсутствия какого-либо надзора за промыслами сопровождался беспощадным массовым истреблением котиков. Последние выбивались без различия пола и возраста, особенно много истреблялось маток, за шкуру которых хищники платили наиболее высоко. Размеры добычи котиков за это трехлетие (1868—1870) выяснить невозможно. Официальные данные, определяющие эти размеры в 30 тыс., несомненно сильно преуменьшены. Американский исследователь островов Штейнегер считает значительно преуменьшенными и литературные данные, устанавливающие количество выбитых котиков в 60—65 тыс. [2]

Было очевидно, что при создавшемся положении острова будут скоро совершенно разорены. Стремление правительства избавиться от заботы об островах нашло себе выход в отдаче их в аренду американскому торговому дому «Гутчинсон, Кооль и К°», арендовавшему у США пушные промыслы Прибыловых островов.

---

[1] См. Прозоров (№ 129), стр. 197—200; Сергеев (№ 145), стр. 731.

[2] См. Сборник (№ 142), вып. 2, стр. 5, 37; Прозоров (№ 129), стр. 307; Суворов (№ 163), стр. 21.

Индиферентное отношение правительства к Камчатскому краю и полное неуменье наладить хозяйство на Командорах проявились в полной мере в заключенном с фирмой Гутчинсон договоре, которым торговому дому предоставлялось монопольное право производства пушного промысла и одновременно поставки на острова и торговли там всеми необходимыми товарами. В результате такой монополии и невозможности для администрации осуществить контроль за арендатором, пушные богатства Командор оказались обреченными на новое расхищение. Предоставив иностранной, к тому же монопольной, фирме исключительное право промысла и торговли, правительство не сумело даже извлечь из этого выгод. По договору торговый дом уплачивал ежегодно 5 тыс. руб. арендной платы и сверх того пошкурную плату в размере 2 руб. Помимо этого население получало в вознаграждение за производство промысла по 50 коп. за каждого убитого котика.[1] Оплату другой пушнины (морского бобра и песца) правительство «забыло» включить в договор, и таким образом она доставалась арендатору даром; оплачивать же население за добычу он был вправе по «вольным» ценам.

Невыгодность этой сделки становится особенно ясной при сопоставлении ее с условиями договора, заключенного тем же торговым домом с США на производство промыслов на Прибыловых островах. По этому договору арендатор, помимо 55 тыс. долл. (110 тыс. руб.) ежегодной аренды, уплачивал по 2 долл. 62,5 цент. (5 руб. 25 коп.) за каждую шкуру котика и по 50 цент. с галлона жира. Несравненно выше была и оплата труда населения. Арендатор уплачивал последнему по 40 цент. (80 коп.) за каждого убитого котика и, кроме этого, предоставлял квартиру с отоплением, школу в течение 8 месяцев и врачебную помощь и снабжал его по своей цене некоторым количеством продовольствия и материалов. И даже при этих условиях предприниматель получал огромные выгоды, так как лондонская цена на невыделанного котика достигала $3^1/_2$ — 4 ф. ст. (35—40 руб.).

Е. К. Суворов пишет по поводу договора следующее: «Условия контракта фирмы с русским правительством были

[1] По дополнительному соглашению 1877 г. пошкурная плата, уплачиваемая населению, была увеличена в пределах первых 30 тыс. добытых шкур до 1 руб., а поштучная плата в казну уменьшена в тех же пределах на 25 коп.

крайне убыточны для казны, что, впрочем, и не удивительно: никто в С.-Петербурге не знал тогда ничего определенного о Командорских островах, да и о котиках имели понятие более по наслышке; цены на котиковые шкурки и доходность пушного промысла были мало известны». [1]

Став мировым монополистом в котиковом промысле, фирма Гутчинсон быстро развилась в крупнейшее предприятие. Благодаря различным улучшениям в области первичной обработки и консервирования шкур, значительно повысилось качество котикового меха, в результате чего увеличились и его цены. Были внесены некоторые улучшения и в самое производство промысла, главное из которых состояло в ограничении добычи только взрослыми котиками.

Благодаря сравнительно осторожному ведению промысла, лежбища котиков постепенно увеличивались. Параллельно росла и добыча, производившаяся до самого последнего года аренды нормально, с учетом приваливавшего к островам стада. Так, начав промысел со скромной цифры в 12,5 тыс. голов в 1871 г., фирма довела его постепенно до 49,2 тыс. в 1884 г. Добыча за следующие годы составляла: в 1885 г. — 41,9 тыс., в 1886 г. — 54 тыс., в 1887 г. — 46,5 тыс., в 1888 — 43,5 тыс. и в 1889 г. — 52 тыс. Наблюдавшиеся иногда сильные колебания добычи (уменьшение ее до 26 тыс. в 1883 г.) объясняются искусственным — в целях повышения цен — снижением промысла.

И тем не менее хозяйство американской фирмы было далеко от рациональной организации. Побывавший в период ее деятельности на островах Волошинов подробно описывает практиковавшиеся тогда варварские способы убоя, вызывавшие непроизводительную гибель, распугивавшие животных и сильно отражавшиеся на непоступавшей в промысел части стада. В конечном итоге, несмотря на значительное улучшение хозяйства, вызвавшее некоторое увеличение запасов животных, фирма Гутчинсон была таким же хищником, как и Российско-Американская компания.

Прибыли фирмы Гутчинсон достигали огромных размеров. Волошинов указывает, что размер их только по котиковому промыслу достигал 147%, а помимо этого арен-

[1] См. Суворов (№ 163), стр. 22.

датор получал еще значительную прибыль от промысла морского бобра и песца и от торговых оборотов.

Громадные прибыли, получавшиеся фирмой, и заинтересованность ее в сохранении монопольного положения на мировом рынке, заставили ее добиваться продления договора на новые двадцать лет. Фирма начала соответственные хлопоты задолго до истечения срока первоначального договора (в 1883 г.), причем предложила правительству немедленно новые, гораздо более выгодные условия договора, соглашаясь принять на себя и ряд обязательств в отношении населения островов.

Убедившись в том, что договор не будет возобновлен, фирма, заканчивая эксплоатацию островов и лишаясь этого крупного источника прибыли, постаралась выжать как можно больше дохода. В последний год своего хозяйствования на островах (1890) это «культурное» американское предприятие произвело форменное истребление стада. Помимо добытых официально в этот год 55,4 тыс., было еще нелегально выбито, видимо, около 50 тыс. голов молодняка. Характерно, что официальные цифры добытого зверя были в ряде случаев ниже фактического количества проданных на лондонских аукционах шкур; фирма, таким образом, скрывала действительные размеры промысла и стала на путь прямого обмана своего контрагента. Так, за период 1871—1890 гг. было добыто на русских островах,[1] по официальным данным, 657 823 котика, а продано в Лондоне 746 681 шкура, в 1890 г. добыто — 56 978, а продано 112 511 шкур.[2]

Исследовавшие командорское хозяйство специалисты — д-р Штейнегер (80-е годы XIX столетия), Е. К. Суворов (1910—1911) и Г. Х. Иогансен (1928—1931) указывают, что первый крупный удар командорскому стаду, отразившийся непосредственно на добыче последующих лет, был нанесей в 1890 г. массовым истреблением молодняка. И поэтому совершенно правильно указание официальной русской литературы, что фирма Гутчинсон «действовала столь хищнически и поставила немногочисленных обитателей этих островов в такое безвыходное положение, что вызвала

[1] Фирма Гутчинсон арендовала помимо командорских еще и котиковые промыслы на острове Тюлений, находящемся в 12 морск. милях от мыса Терпения на восточном побережье Сахалина и принадлежавшем в то время России.

[2] См. Суворов (№ 163), стр. 23, 34 и 211.

справедливые нарекания как в Америке, так и в России».[1]

Значительные размеры добычи котиков в самые первые годы деятельности фирмы Гутчинсон побудили правительство в 1877 г. назначить управляющим островами естественника Н. А. Гребницкого, пробывшего там двадцать восемь лет, а в период домогательств фирмы о продлении договора командировать туда полковника Волошинова (1884—1885). Эти лица констатировали и неблагополучное состояние котикового хозяйства, и убыточность договора с арендатором.

Исходя из этой невыгодности и нецелесообразности оставления в руках иностранцев столь доходного предприятия и будучи, кроме того, озабочено начавшейся еще в середине XIX столетия экспансией американского капитала на крайнем северо-востоке (Чукотка, Камчатка, Командоры), правительство решило привлечь к эксплоатации островов отечественных капиталистов. В 1891 г. острова были сданы в десятилетнюю аренду специально организованному Русскому товариществу котиковых промыслов.

Условия договора с новым арендатором были несравненно выгоднее для казны. Все руководство промыслом осуществлялось администрацией островов, товарищество же только принимало сдаваемые ему шкуры. Пошкурная плата со включением оплаты труда населения[2] была установлена: для котиков — 10 руб. 38 коп., для морского бобра — 1-го сорта — 115 руб. 33,5 коп. и 2-го сорта — 57 руб. 66,75 коп., для голубого песца по сортам — 11 руб. 53,5 коп. и 5 руб. 77 коп. и для белого — 2 руб. 31 коп. В результате этих цен доходы казны, составлявшие в период аренды островов фирмой Гутчинсон в среднем 70 тыс. руб.[3] в год, поднялись в первые годы нового контракта, несмотря на уменьшение добычи, до 500 тыс. руб. Но, несмотря на сильный ущерб, причиненный стаду фирмою Гутчинсон, товарищество не предприняло никаких мер к поднятию котикового хозяйства и не оправдало, таким образом, надежд, возлагавшихся правительством на отечественных предпринимателей.

1872—1889 годы были периодом наиболее благоприятного состояния котикового стада Командор. Благодаря

[1] См. Сибирь (№ 149), стр. 161.

[2] См. ниже, стр. 98.

[3] За исключением последнего года аренды (1890), когда поступление в казну составило 104,7 тыс. руб.

сравнительно умеренному, с учетом запасов зверя, промыслу, поголовье котиков, приваливавших к островам, постепенно росло и достигло в начале 80-х годов, примерно, 1300 тыс. голов — количества, вероятно, небывалого на островах со времени Стеллера. После этого недолгого периода хорошего состояния стада, размеры его стали быстро и неуклонно падать до самой Октябрьской революции.

Первый крупный урон стадо понесло, как уже отмечалось, в 1890 г. Произведенное в этом году хищническое истребление молодняка и холостяков (свыше 100 тыс. голов) вызвало значительное снижение промысла в последующие два года. Добыча котиков упала в 1891 г. до 30 тыс. голов, а в следующем 1892 г. достигла своего максимума за весь период с 1891 г. по настоящее время — 33,8 тыс. голов. С этого времени промысел стал прогрессивно падать, составляя в последние годы XIX столетия в среднем около 10 тыс. голов.

Если падение промысла в 1891—1892 гг. находило свое объяснение в хищническом истреблении котиков фирмою Гутчинсон, то дальнейший, увеличивавшийся с каждым годом, упадок стада объяснялся другими, более глубокими и систематически действовавшими причинами.

Наряду с легальной — по договору с правительством — добычей котиков с начала 90-х годов принимает громадные размеры так называемый морской, чисто хищнический промысел.

Если условия берегового промысла котиков (на лежбищах) допускают значительную рационализацию котикового хозяйства, в частности, нормирование убоя и регулирование полового и возрастного состава стада, то промысел котиков на море всегда является хищническим, подрывающим основные запасы зверя. Производится этот промысел в открытых водах во время сезонных миграций зверя или при временных уходах котиков с лежбищ на места кормежек. При избиении хищническими шхунами плывущих табунов подавляющая часть убоя падает на маток, менее поворотливых и плодоносящих в период миграции.[1] При истреблении маток на местах кормежки гибнут и остающиеся на берегу новорожденные. Таким образом промысел на море всегда сильно сокращает естественный прирост стада. Кроме того, он неминуемо сопрово-

[1] См. выше, стр. 30.

ждается совершенно непроизводительной гибелью массы котиков, убитых и утонувших до извлечения их из воды или раненых и погибших впоследствии. Размеры такой гибели достигают 36% от общего количества подстреленных животных. Крайне вредное влияние морского промысла на береговой совершенно ясно, но, уменьшая запасы котиков, выходящих на берег, промысел на море подрывает в конечном итоге и свою собственную базу.

Морской промысел котиков в северных водах Тихого океана начался в конце 60-х годов XIX столетия; участвовали в нем суда различных национальностей — американские, канадские, японские, гавайские. Но до 90-х годов добывались таким путем главным образом прибыловские котики. Сильное развитие морского хищничества командорских котиков относится к началу 90-х годов и находится в непосредственной связи с заключенным в 1891 г. соглашением о котиковом промысле между Англией и США. Эти два заинтересованных в котиковом промысле государства установили запрет на два сезона морского промысла в восточной части Берингова моря. В результате пассивной позиции, занятой русским правительством,[1] западная часть этого моря осталась незащищенной от промысла. Хищнические шхуны перенесли сюда свою деятельность, и начался продолжавшийся много лет разгром командорских стад. Первыми устремились в азиатские воды (Курильских и Командорских островов) канадские и американские шхуны, промышлявшие ранее в западных водах, затем к ним присоединились и японцы. Учрежденная русским правительством в 1892 г. охрана, выразившаяся в крейсировании единственного судна «Якут», была явно недостаточна и скоро прекратилась совершенно. Не был эффективен и специально изданный 1 июня 1893 г. закон о запрете морского-котикового промысла, устанавливавший за нарушение его уголовные санкции. На иностранцев он распространялся только в случае производства промысла в территориальной зоне (3 морск. мили), российские же подданные никогда котиковым промыслом не занимались. Между тем истребление котиков принимало громадные размеры. Плававший в 1892 г. в качестве судового врача на транспорте «Якут» Н. В. Слюнин сообщает, что хищники, не ограни-

[1] См. Сборник (№ 142), вып. 2 и 3; Сибирь (№ 149), стр. 164 и сл.; Суворов (№ 163), стр. 51 и сл.; Дело главного управления (рук. № 1).

чиваясь истреблением котиков в открытых водах, начинали уже форменным образом блокировать Командорские острова, причем часто оказывали вооруженное сопротивление. Транспортом «Якут» было в течение плавания 1892 г. задержано и опрошено 34 хищнические шхуны, все — под английским флагом. Добыча их превышала 18 тыс. котиков.[1] Общее количество добытых на воде котиков достигало в 1892 г. — 80 тыс., в 1893 г. — 102 тыс. и в 1894 г. — 141 тыс.

Истребление командорских табунов достигло громадных размеров, значительно превышающих промысел на лежбищах. Изучив пути миграции котиков и составив специальные карты, хищники следовали за табунами и беспощадно их выбивали. Всего за пятилетие с 1892 по 1897 г. хищниками было добыто 290 тыс. командорских котиков; легальный береговой промысел дал за это время около 120 тыс. Таким образом, общая убыль стада составила за это время свыше 400 тыс. голов, при среднегодовой убыли в размере свыше 70 тыс. В это количество не входят погибшие непроизводительно (раненые, утонувшие) животные.[2] Разрушая береговые промыслы, морское хищничество одновременно губило и собственные ресурсы. Доходность промысла на море вскоре упала настолько, что к началу текущего столетия канадские и американские шхуны перестали промышлять в западных водах, и здесь остались одни японцы. Японский морской промысел, всячески поощрявшийся правительством (специальный закон 1897 г.), начался в конце 90-х годов XIX столетия и продолжается и в настоящее время. Большую роль в его развитии сыграли неправильные решения Парижского третейского суда (1893) и Гаагской конференции (1902), ограничившие территориальную зону трехмильной полосой. Эти решения оказали, по словам самих японцев, громадное содействие японскому морскому промыслу.

Уже к середине 90-х годов выяснилось то, о чем свидетельствовало и падение промысла на Командорах, — громадное уменьшение лежбищ. Штейнегер, наблюдавший

---

[1] См. Слюнин (№ 154), стр. 31 и сл.

[2] См. Иогансен (рук. № 2), стр. 18. Размеры морской добычи устанавливались по количеству шкур, предъявленных на пушных аукционах в Лондоне. Суворов (№ 163, стр. 37) определял хищническую добычу в первые шесть лет (1891—1896) в 242,8 тыс. котиков.

лежбища в 1882—1883 гг. и снова посетивший Командоры в 1895 г. указывает, что «это была тень прежних лежбищ».[1] Начавшийся с 1890—1891 гг. упадок командорских стад приобрел совершенно катастрофический характер: поголовье, определявшееся в 1884—1885 гг. в 1300 тыс., упало к 1896 г. до 65 тыс.

Товарищество, арендовавшее промыслы в этот период, добивается, в силу падения добычи, изменения условий договора и получает ряд льгот; затем оно признает невозможным выполнение первоначального договора. В 1901 г., при окончании срока аренды товарищества, когда разорение стада стало совершенно очевидным, начальник островов Гребницкий настаивал на объявлении годового запуска, но правительство признало его преждевременным и сдало промыслы новому арендатору — Камчатскому торгово-промышленному обществу. Это последнее влачило в период своей аренды жалкое существование и не только не развивало дела, но даже не поддерживало его на одном уровне.

В это новое десятилетие (1901—1910) наблюдается дальнейшее прогрессирующее падение добычи и катастрофическое падение запасов животных. Добыча котиков составила в 1901 г. — около 11 тыс. голов, в 1902 г. — 7,1 тыс., достигла в 1905 г. своего максимума — 9 тыс. и, постепенно падая, выразилась в 1910 г. в 3,3 тыс. Общие размеры приваливавшего к командорским берегам поголовья упали с 65 тыс. в 1896 г. до 15 тыс. в 1910 г.

Основной причиной такого падения котикового хозяйства было японское хищничество, выражавшееся в этот, как и в весь следующий до советизации островов период, уже не только в виде истребления котиков на море, но и в форме открытых разбойных нападений на самые острова.

Японское хищничество в командорских водах усиливается еще перед русско-японской войной 1904—1905 гг. Незадолго до войны на южной стороне пограничного с Камчаткой острова Шумшу поселились японцы, и там была организована база для шхун, хищничавших у Командор. В период японской войны и в последующие годы хищничество развивается до исключительных размеров.

Военный период начинается захватом японцами судов Камчатского общества, и последнее лишается таким образом связи с островами. Командоры были во время войны

[1] Цит. по Суворову (№ 163), стр. 194.

совершенно беззащитными. Беспомощность и индиферентность правительства привели к тому, что острова оказались предоставленными собственной участи. Положение на островах создалось совершенно трагическое: отрезанные от материка, они находились все время в осаде японских хищников. Август 1905 г. ознаменовывается крупным налетом японцев на острова, сопровождавшимся захватом зафрахтованного обществом судна «Монтара» и более 4 тыс. шкур котиков и полным разгромом уездного управления. В это время был полностью расхищен архив командорского хозяйства, что и затрудняет изучение его истории до 1905 г. Затем происходит, по примеру лейтенанта Гундзи на Камчатке,[1] попытка полного захвата Командор, давно интересовавших Японию.[2] На острове Медный водружается японский флаг, и остров объявляется присоединенным к Японии... на несколько часов.

Индиферентное отношение правительства к охране островов вынудило Камчатское общество обратиться за помощью к английской фирме Лампсон, и в результате для охраны Командор были посланы английский и американский крейсеры.

Не ограничиваясь более безопасным для них хищничеством в береговых водах, японцы организуют настоящую блокаду островов. Десятки шхун, курсировавших около них, спускали шлюпки с хищниками, которые высаживались на берег и производили форменный разгром на лежбищах. На последних происходило повальное истребление животных, особенно маток и новорожденных. Часто вынужденные бежать, хищники оставляли на лежбищах сотни выбитых маток и сотни задавленного и убитого молодняка. Уже в период японской войны было поголовно истреблено несколько лежбищ, и с тех пор животные перестали залегать на них.[3] Этим в корне подсекалось воспроизводство запасов.

---

[1] Во время русско-японской войны «вольная японская дружина», под командованием известного «патриота» лейтенанта Гундзи, высадилась на западном побережье Камчатки около сел. Явино (близ мыса Лопатка) и объявила, что «эта земля уже принадлежит Японии». Камчатскими партизанами десант был скинут в море.

[2] См. Позднеев (№ 123), т. I, стр. XXVII.

[3] Также были выбиты лежбища в первый год войны и на острове Тюлений. Затем, надеясь, видимо, на присоединение острова к Японии, японцы начали его охранять.

Население островов организовало мужественный отпор японцам и все время героически сражалось с хищниками, которые понесли не мало жертв и людьми, и шлюпками. На островах постоянно происходили настоящие военные действия между уцанганами и пытающимися произвести десант налетчиками. Но при ничтожной численности обороняющихся и трудности сообщений на островах, не всегда удавалось предупредить десанты налетчиков и последующие истребления котиков. Хищники производили высадку по ночам или в густом тумане, и караул догадывался иногда об истреблении котиков только по доносившемуся шуму от убоя их «дрыгалками». [1] Предусмотрительные хищники, знавшие добросовестность охраны, запасались салом, которым замазывали образовывавшиеся в шлюпках от ружейных выстрелов пробоины. Иногда охрана устанавливала факт налета только по оставленным трупам животных и подбирала умирающих котиков.

Если нападения хищников на берега встречали часто отпор со стороны охраны, то в прибрежных водах защита котиков была невозможна. О громадном истреблении маток на местах кормежки свидетельствовали сотни трупов черных котиков, погибших на берегу от истощения.

Японские нападения на Командоры не прекращаются и после окончания японской войны. Проторив себе, по примеру рыбопромышленных хищников на Камчатке, дорожку в командорские воды, японцы продолжают хищничать на островах до самой советизации последних. В 1905 г. вооруженные нападения на острова происходят почти в течение всего лета. В 1906—1907 гг. хищничество несколько уменьшается; объясняется это, видимо, и заключением мирного договора, и воспоминаниями о суровом отпоре, полученном в предшествующие годы. Но большая прибыльность грабежа, а равно и безнаказанность его вследствие нежелания правительства охранять должным образом острова, значительно усиливают нападения на них в последующие годы. В Иокагаме создается «Общество для промысла котиков в иностранных водах», специально финансирующее и вообще поддерживающее хищников. Наглость и дерзость грабителей превосходит в эти годы всяческие пределы. Высаживаемые десанты систематически поджигают караульные помещения и громят имущество населения. К островам приходит иногда по 10—15 шхун. По

[1] Палки, посредством которых производится убой котиков.

официальным японским данным, Командорские острова «посетило» в 1907 г. — 8 шхун, в 1908 г. — 14 и в 1909 г. — 46. Несколько налетов хищников на летнее селение Глинка (остров Медный), произведенных в конце зимы 1907/1908 г. и сопровождавшихся разрушением домов и грабежом имущества, заставили часть населения в целях охраны оставаться там на зиму. Е. К. Суворов подробно описывает постоянные налеты хищников, свидетелем которых он был в его бытность на островах в 1910 и 1911 гг.

Изо дня в день производились попытки десанта, сопровождавшиеся вооруженными столкновениями, разгромом караульных юрт, захватом шлюпок и пр. Хищнические шхуны приходили обычно весною в бухту Старая Гавань (остров Беринга) и выжидали здесь появления на лежбищах котиков. Десятки японских шхун держались все лето в проливе между островами, причем производившиеся ими постоянно нападения на вельботы делали невозможным сообщение между островами.

Особенно частым налетам подвергался остров Медный, где было гораздо больше котиков и находилась такая ценная для грабителей приманка, как морской бобр. К юго-западной части острова, где имели место наибольшие скопления животных, приставало иногда сразу по шести лодок с хищниками. Жители острова не могли в этом районе держать своих шлюпок, так как их постоянно похищали японцы. В эти годы были выбиты последние остатки крупнейших Корабельновских лежбищ острова Медный на Нерпичьем камне.

В происходивших сражениях унанганы не несли обычно потерь, так как, будучи оборонительной стороной, они прикрывались на суше камнями и скалами. Что касается хищников, то тот же автор приводит следующие данные об японских потерях при нападении на остров Медный:

Годы	Число перестрелок	Убито хищников	Арестовано японцев	Захвачено шлюпок
1905—1917	77	98	23	15

«Эта коротенькая цифровая сводка в одно время показывает и прогрессирующее увеличение нападений и добро-

совестность обороны берегов немногочисленной алеутской охраной. Состав охраны не велик, что нередко заставляет для защиты своего достояния от разграбления вооружать все местное население от мала до велика (от 12 до 70 лет) и рассылать его по караулам; так было в 1905, 1906 и 1907 гг.; даже в 1910 г. пришлось обратиться однажды к помощи подростков. Необходимо отметить, что алеуты охотно выступают против хищников, несмотря ни на время, ни на погоду».[1]

Описывая положение на острове Медный в те годы, Е. К. Суворов пишет: «Остров осажден шхунами, и островитянам невозможно отходить на своих шлюпках от берега, так как при обостренных отношениях с хищниками, при постоянных кровавых столкновениях — алеуту не пройти целым мимо японцев. И надо видеть, как алеуты ненавидят японцев, с какой злобой о них говорят».[2]

На остров Беринга высадки производились тоже часто, но происходили они не около котиковых лежбищ, расположенных вблизи селения, а в южной необитаемой и неохранявшейся части острова. Хищники запасались там водой и безнаказанно выбивали песцов и северных оленей.

Наряду с многочисленными зарегистрированными за эти годы вооруженными столкновениями происходили и такие, которые не попали в официальные документы из-за страха, испытываемого унанганами перед начальством, следствием, допросами и пр. Так, в 1912 г. высадившийся на северное котиковое лежбище экипаж хищнической японской шхуны был окружен унанганами и в происшедшем сражении перебит полностью, сама же шхуна сожжена.

Точное количество истребленных за этот десятилетний период (1901—1911) котиков не поддается исчислению. Известны лишь отдельные цифры. Так, 37 японских шхун, хищничавших на Командорах, в 1910 г. увезли оттуда 8309 котиков. Во всяком случае несомненно, что морское и береговое хищничество японцев подорвало основные запасы животных.

Позиция правительства, стремившегося после войны лишь избегать всяких конфликтов с Японией и относившегося совершенно формально к нарушениям государственных границ и нападениям на острова, была в сущности явным попустительством хищникам.

[1] Сводка автора по годам дана нами в итоговом виде.
[2] См. Суворов (№ 163), стр. 243—252.

Береговая охрана, вся тяжесть которой лежала, как это видно, на населении островов, не имела даже сносных механизированных плавучих средств. Вооружение сводилось к трехлинейным винтовкам, доставленным на острова в 1909 г., двум пистонным не имевшим никакого значения пушкам, захваченным у японцев в 1906 г., и нескольким привезенным орудиям, совершенно непригодным в горных условиях островов.

Военные суда, на которые была возложена охрана Командор, ограничивались одним-двумя посещениями в течение лета; они подходили только к населенным пунктам и не посещали отдаленных лежбищ. Один из моряков, плававших на охранном судне после русско-японской войны, писал об этой охране следующее: «Охрана промыслов сведена лишь к одной форме: хищные шхуны преспокойно занимаются убоем котиков и, лишь завидев вдалеке дымок военного судна, переходят на нейтральную зону».[1] Полное отсутствие по существу морской охраны островов отмечали и Е. К. Суворов, и приамурский генерал-губернатор Унтербергер, посетивший Командоры в 1910 г.[2]

Аресты хищников обычно не имели никаких последствий. При явных доказательствах разбоя дело ограничивалось конфискацией пушнины и оружия, задержанные шхуны всегда освобождались от ареста. За пять лет (1906—1911) было арестовано всего 2 хищнических шхуны. Неудивительно, что при такой безнаказанности наглость хищников только возрастала.

Большой ущерб котиковому хозяйству был нанесен в этот период и арендатором островов — Камчатским торгово-промышленным обществом. При растущем с каждым годом падении добычи арендатор добился разрешения промышлять не только холостяков, но и молодых, неплодоносящих еще маток и старых, потерявших способность к оплодотворению, самок. Разрешение это было чисто вредительским, так как по внешнему виду невозможно определить пригодность или непригодность маток к гаремной жизни. В результате начался бой маток без разбора. В 1905 г. было выбито около 6360 маток, в большинстве беременных; в 1907, 1909 и 1910 гг. промысел маток повторялся.

---

[1] См. Жуков (№ 60), стр. 75. Судно, на котором плавал автор, вывезло с островов 50 арестованных унанганами японцев.

[2] См. Суворов (№ 163), стр. 255; Унтербергер (№ 172), стр. 264.

Это истребление основных производителей значительно ускорило разорение лежбищ. Вся деятельность Камчатского общества была далека от разумного хозяйствования. Е. К. Суворов описывал практиковавшиеся на островах варварские способы промысла: котиков гнали для убоя до 3—4 км по подъему, причем много животных умирало по дороге. Весь путь отгона был усеян разлагавшимися трупами; в отгон попадало много непромысловых животных.

Многочисленные некогда на островах лежбища угасали на глазах населения. Параллельно шло прогрессивное падение добычи, начавшееся еще в 1891 г., и падал правительственный доход, определявшийся в главной своей части количеством добытого зверя. Платежи арендатора, поднявшиеся с 30,0 тыс. руб. в 1871 г. до 546,9 тыс. в 1892 г., в дальнейшем неизменно падали и составляли 75,3 тыс. в 1910 г. и 21,0 тыс. в 1911 г.

Морское и береговое хищничество японцев и бесхозяйственное ведение промыслов совершенно подорвали хозяйство. Наряду с громадным падением общей численности животных, выразившимся, как уже указывалось, в полном исчезновении многих лежбищ, резко изменился в неблагоприятном направлении половой и возрастной состав стада. Сильно сократилось количество основных производителей — секачей. Исчислявшееся прежде тысячами число секачей упало к 1910 г. до нескольких десятков. Одновременно значительно возросли размеры гаремов, и большое количество маток оставалось неоплодотворенным. Самостоятельные лежбища холостяков исчезли, количество молодняка резко упало, начало уменьшаться и число маток. Это прогрессирующее разорение стада в связи с предстоявшим в 1911 г. окончанием действия договора с Камчатским обществом заставило, наконец, департамент земледелия заинтересоваться положением Командор и командировать туда для исследования хозяйства Е. К. Суворова.

Последний констатировал полное падение хозяйства. Половое соотношение стада было очень неблагоприятно: 64 секача, 9250 маток и 6250 новорожденных котиков. Общие размеры еще тридцать лет тому назад миллионного поголовья упали до 15,5 тыс. При вторичном посещении Командор в 1911 г. Е. К. Суворов нашел дальнейшее ухудшение. Стадо уменьшилось по крайней мере еще на 30% и составляло всего около 9,1 тыс. голов; еще несколько лежбищ оказались выбитыми или угасшими.

В результате доклада Е. К. Суворова после истечения договора с Камчатским обществом был объявлен пятилетний запуск котиков (1912—1916). Последним предреволюционным арендатором Командор (1912—1916) явился камчатский торговый дом «Чурин и К°», которому была предоставлена эксплоатация только морских бобров и песцов. Этот арендатор понес значительные убытки.[1]

Запоздалые меры, принятые правительством в связи с почти полной гибелью командорских пушных богатств, выразились между прочим в заключении международной конвенции об охране котиков.

Переговоры об этой конвенции начались еще в 80-х годах, но, в виду противоречивости интересов ее предполагавшихся участников (США и России, с одной стороны, и Канады и Японии, с другой) и сильного противодействия мирового монополиста по выделке и сбыту котиков — фирмы Лампсон, затянулись на много лет.[2] Россия могла бы добиться запрета промысла в западных тихоокеанских водах, но держалась пассивно и изолированно от домогавшихся заключения конвенции США. В 1893 г. русским правительством было заключено на один год, продленное впоследствии бессрочно, неудачное соглашение с Англией, ограничившее добычу котиков и поставившее командорские промыслы под фактический контроль Англии. Плававшие в запретных водах английские охранные суда больше охраняли своих хищничавших на море соотечественников и предупреждали их о появлении русских судов, чем боролись с запрещенным промыслом. Такое же несостоятельное по своим результатам соглашение было заключено в 1891 г. с США. Созванная в 1897 г. в Вашингтоне международная конференция не привела ни к каким результатам, и с тех пор — в период наибольшего истребления котиков — в России «о них, казалось, забыли совершенно».[3] Новые международные переговоры начинаются только в 1908 г., затягиваются в результате сопротивления Англии на несколько лет и заканчиваются, наконец, заключением в 1911 г. Вашингтонской конвенции между США, Англией, Японией и Россией. Конвенция установила на пятнадцати-

---

[1] См. Отчет Камчатского окружного революционного комитета (№ 110), стр. 95.

[2] См. Дело главного управления (рук. № 1); Суворов (№ 163), стр. 51 и сл.

[3] См. Суворов (№ 163), стр. 61.

летний срок взаимный запрет морского промысла и ввоза в порты нелегально добытых котиков. Постановлением Совета народных комиссаров от 2 февраля 1926 г. «об ограничении промысла морских котиков и морских бобров» подтверждено действие конвенции со стороны СССР.[1]

Царская Россия не использовала преимуществ, предоставленных конвенцией, так как в результате бездействия администрации не были организованы ни охрана котиков на море и на островах, ни правильное ведение котикового хозяйства. Полное неумение дореволюционной России организовать котиковые промыслы видно из следующих сравнительных данных о размерах котиковых стад в трех заинтересованных странах (в тыс. голов):

	1911 г.	1917 г.	1922 г.
Россия (Командорские острова) . . .	9,1	13,2	14,0
США (Прибыловы острова)	127,0	418,0	605,0
Япония (Тюлений остров)	6,0	10,0	20,0

Японское стадо, как это видно из таблицы, увеличилось за одиннадцать лет более, чем в три раза, американское — в четыре с половиною раза, а командорское поголовье даже не удвоилось. Значительный рост прибыловских стад объясняется объявленным немедленно после заключения конвенции пятилетним запретом промысла котиков, большой рационализацией промыслов, ведущихся с 1910 г. самим государством, и тщательной охраной котиков на море. Что касается командорского стада, то не оправдали надежд ни объявленный в 1912 г. запуск, ни заключенная в 1911 г. конвенция.

Последние удары были нанесены командорскому поголовью в период полной беспризорности и беззащитности островов, в годы гражданской войны и интервенции (1917—1922). Бесхозяйственное положение, в котором очутились в это время острова, напоминало собою, только в более крупных масштабах, период 1868—1870 гг. после ликвидации Российско-Американской компании. Разруха началась на Командорах в 1916 г., когда, после истечения

[1] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, вып. 3, стр. 128—129 (Изд. Наркоминдела, М., 1926).

срока аренды Чурина, острова попали в непосредственное ведение казны, а со времени перехода островов к белогвардейскому управлению рыбных и морских звериных промыслов — там началось полное разграбление. Полная дезорганизация в снабжении островов сопровождалась спекулятивным ростом цен на завозимые отдельными судами товары и значительным падением заработков населения. Различные фирмы, которым поочередно поручалась меркуловским «правительством» в обмен на пушнину доставка на острова продовольствия и предметов первой необходимости, завозили туда различную заваль, спирт и обирали и спаивали население. Систематически голодавшие, не имевшие ни топлива, ни одежды унанганы были вынуждены «самочинно» промышлять животных, вывозившихся с островов в относительно громадном количестве. На острова снова нахлынули многочисленные любители легкой наживы. Белобандитские и иностранные суда посещали Командоры с единственной целью скупить за бесценок пушнину. Уполномоченные белогвардейских «правительств» также вывозили с Командор значительные партии пушнины, а население оставалось без снабжения.

В эти годы имела место новая вспышка японского хищничества, несколько стихшего после Вашингтонской конвенции. Возобновились — уже под охраною военных судов — высадки хищников на лежбища для повального избиения котиков, вооруженные столкновения с унанганами и пр.

Совершенно не учтенное истребление котиков достигло за эти годы громадных, сравнительно с ничтожными запасами животных, размеров.

Общее падение командорских стад за дореволюционный период видно из следующих приблизительных данных:

В 1881 г.	размеры	их	исчислялись	(Гребницким)	в	2 000	тыс.	гол.
„ 1834 „	„	„	„	(Волошиновым)	„	1 300	„	„
„ 1896 „	„	„	„	(Штейнегером)	„	65	„	„
„ 1911 „	„	„	„	(Суворовым)	„	9,1	„	„
„ 1922 „	„	„	„	(Колтоновским)	„	14,0	„	„

Еще худшей участи подверглись другие ценные животные Командор — морские бобры (выдры).

Усиленное истребление морского бобра началось, как уже указывалось, сейчас же после открытия Командор. К концу 40-х годов XVIII столетия общие размеры до-

бычи исчислялись около 4 тыс. голов, значительную часть которых составлял молодняк (медведки и кошлаки). Последствия такого истребления животных сказались очень быстро: в конце 50-х годов морские бобры стали уже исчезать. Добыча на острове Беринга упала до нескольких десятков, а затем совершенно прекратилась. На острове Медный промысел продолжался несколько дольше, но в виду ничтожных размеров тоже прекратился. До начала XIX столетия морские бобры, видимо, совершенно отсутствовали на островах; в 20-х годах XIX столетия промыслы возобновились, но вскоре животные снова исчезли. Появились они опять на Командорах уже в конце 60-х — начале 70-х годов XIX столетия, повидимому, в связи с усиленным истреблением их на Алеутской и Курильской грядах. С этого времени получил регулярное развитие бобровый промысел на Командорах. В первое время добыча выражалась в очень скромных размерах и не отражалась на основных запасах животного. Рост цен на бобровую шкуру, увеличившихся с 1868 к 1880 г. в шесть и к 1882 г. в десять раз, вызвал значительное повышение добычи, превратившейся постепенно в прямое истребление животных. Размеры промысла за период 1870—1910 гг. видны из следующих данных:

Годы	Добыто всего голов	В среднем за год	Максимальная абсолютная добыча	
			годы	количество голов
1870—1879	371	37	1878	89
1880—1889	1253	125	1880	137
1890 1899	1483	148	1895	228
1900—1910	2061	187	1904	319

Как видно из приводимых данных, добыча морских бобров росла с каждым десятилетием. Особенно увеличилась она в первом десятилетии текущего столетия в результате нового повышения цен на пушнину. Но уже к концу последнего периода (с 1904 г.) обнаружилось совершенно явственно падение промысла: размеры последнего составляли в 1904 г. — 319 морских бобров, в следующие два года — по 157, в 1909 г. — 93 и в 1910 г. — 90 морских

бобров. Следующее десятилетие сопровождалось дальнейшим падением добычи. Последний арендатор островов, Чурин, не мог обычно добыть даже сравнительно небольшой нормы. В 1912 г. норма отбоя была установлена в 200 гол., а добыто только 43 морских бобра, в 1917 и 1918 гг. — по 31, в 1919 г. — 23, в 1920 г. — 17, в 1921 г. — 10 и в 1922 г. — 2 морских бобра.

Подавляющее количество добытого морского бобра падает на остров Медный. В период 1870—1893 гг. на острове Беринга промысел не производился совсем, в последующие годы там добывалось не более 4 морских бобров; всего за четырнадцать промысловых лет (между 1893 и 1910 гг.) было добыто 37 морских бобров.

Резкое падение промысла в первом десятилетии текущего столетия было вызвано значительным уменьшением поголовья в результате хищнического истребления животных. Наряду с применением крайне вредного способа боя ружьем (вместо сетного лова или боя «дрыгалками») истреблялось значительное количество самок и молодняка. Катастрофическое падение добычи с 1904 г. объясняется подорванностью основных запасов животных в результате японского хищничества. Шхуны охотились на морских бобров под самыми берегами, около излюбленных животными мест выхода из воды у Бобровых столбов и в бухте Бобровая. Японскими хищниками практиковались варварские попытки отучить животных от наших берегов и заставить их искать убежище на Курильских островах. С этой целью хищники выпускали нефть в прибрежные воды, обливали камни, на которые выходили животные, смолой, керосином, креозотом и другими веществами с резким запахом. Особенно усилилось хищничество в годы русско-японской войны и в последующий период. По приводимым Е. К. Суворовым японским данным, хищническими шхунами было выбито с 1901 по 1910 г. 782 морских бобра, причем, начиная с 1904 г., вся масса добытых животных, за исключением единичных экземпляров, добытых около мыса Лопатка и Курильских островов, состояла из морских бобров с острова Медный. С 1904 по 1910 г. хищниками истреблялось ежегодно от 68 до 164 морских бобров. Размеры хищнического боя значительно превышали легальную добычу на острове; так, в 1909 г. хищнический бой достиг 164 голов, а легальный промысел составил 93 морских бобра, в 1910 г. соответственно — 154 и 90 голов. Японское хищ-

ничество продолжалось до самой советизации островов (1923).

Движение поголовья морских бобров, живших в командорских водах, за дореволюционный период неизвестно. Во всяком случае к моменту организации советского хозяйства (1923) оно упало до ничтожных размеров (300—350 голов).

Аналогичная судьба постигла и третью пушную ценность Командор — голубого песца.

Исключительное обилие песцов на Командорах в момент открытия островов было описано нами выше. Истребление их приняло огромные размеры как в первые полвека после открытия Командор, так и в последующий период деятельности Российско-Американской компании. Данные о количестве песцов, добытых за это время на Командорах, отсутствуют, но имеющиеся сведения об общих размерах добычи песцов на всех восточных островах, подтверждают громадные размеры промысла. Так, за период 1743—1823 гг., по далеко не полному подсчету Берха, было вывезено, включая и ясак, 108 865 голубых песцов.[1] За первый период деятельности Российско-Американской компании (1797—1821) было добыто 36 362, за второе двадцатилетие (1821—1842) — 55 714 и за последнее (1842—1862) — 54 134 песца.[2]

Во второй половине XIX столетия промысел песца производился на Командорах в сравнительно небольших размерах. Добыча за период с 1847 по 1899 г. составляла на обоих островах, считая и годы запуска, в среднем 690 песцов ежегодно и лишь в единичные годы поднималась до 2—2,4 тыс. хвостов в год. В XX веке, в связи с подъемом цен на пушнину, размеры промысла значительно увеличились и привели в конечном итоге к сильному падению добычи. Среднегодовая добыча на обоих островах в период 1900—1910 гг. составляла 1092 песца. В следующее пятилетие (1911—1915), когда промысловые годы чередовались с годами запуска, средняя добыча упала до 759 хвостов. В последующие годы она еще более снизилась — до 510 хвостов в 1917 г., 255 — в 1918 г., и только в результате запуска добыча поднялась до 881 песца в 1920 г., 871 — в 1921 г. и 750 — в 1922 г. Совершенно очевидным было громадное падение основных запасов животного.

[1] См. Берх (№ 16), стр. 167—169.

[2] См. Тихменев (№ 170), ч. 1, стр. 239 и 327, ч. 2, стр. 221.

Наряду с чрезмерными хищническими размерами промысла большую роль в падении песцового поголовья сыграла и так называемая вольная система песцового хозяйства, сводившаяся по существу к полной беспризорности животных. Питание и размножение песцов происходило без всякого регулирования и надзора. Емкость промысловых угодий Командорских островов сравнительно велика и могла бы при организации незначительной подкормки обеспечить несравненно большее поголовье песцов. Между тем подкормка организована не была, несмотря на то, что падение котикового промысла в XX столетии сильно уменьшило ресурсы питания для песцов. Большую отрицательную роль сыграли и практиковавшиеся в течение всего дореволюционного периода крайне вредные для хозяйства способы добычи песцов (кулемой, капканами, ружейным боем, извлечением из нор), вызывавшие непроизводительную гибель или порчу животных и истребление наиболее ценной части стада — самок и молодняка.

Значительный ущерб нанесли песцовому хозяйству и японские хищники. Высаживаясь на островах, они вредительски разоряли норы и уничтожали молодняк. Хроническое недоснабжение населения и постоянные в результате этого голодовки в период интервенции вынуждали унанганов «самочинно» промышлять песцов.

Снижение основных запасов животных достигло к концу интервенции громадных размеров, и все песцовое поголовье Командор составляло в 1922 г. всего около 2 тыс. голов (1500 на острове Беринга и 270 на острове Медный).[1]

В итоге ко времени советизации Командорских островов (1923) все три отрасли пушного хозяйства были полностью разорены.

Население островов до революции

Основным и постоянным населением Командорских островов являются унанганы (алеуты), принадлежащие к эскимосской ветви палеоазиатской группы северных народностей. В древние времена унанганы населяли, видимо, материковое побережье Америки. Затем они начали продвигаться по Тихому океану в западном направлении и по-

[1] См. Арсеньев (№ 4), стр. 448—449. Бабиков (№ 6) приводит еще меньшие размеры: 800 голов на острове Беринга и 200 на острове Медный.

степенно заселили многочисленные острова, отделяющие Берингово море от Тихого океана (Шумагинские, Лисьи, Андреяновские и др.), кончая последним островом Алеутской гряды — островом Атту, расположенным ближе всех и к Командорам, и к Камчатке. Командорские острова, лежавшие изолированно и на значительном расстоянии от Алеутской гряды, оставались незаселенными.

Первыми познакомились с русскими унанганы Шумагинских островов во время обратного плавания второй экспедиции Беринга от американских берегов на Камчатку (1741).

Безлюдные в момент открытия Командоры оставались необитаемыми затем на протяжении свыше шестидесяти лет. В течение этого времени они посещались только промышленниками, часто зимовавшими на островах в виду обилия там различных естественных ресурсов.

Получив в эксплоатацию громадные территории на Тихом океане, Российско-Американская компания в первые годы своей деятельности мало интересовалась Командорами и ограничивалась посылкою туда временных промышленников на сезон промысла. И тогда уже отношения компании к этим временным жителям отличались исключительной жестокостью. Так, в 1805 г. было заброшено 10 промышленников на остров Медный и один — на остров Беринга. Люди эти были забыты компанией на протяжении семи лет. Только в 1812 г. был вывезен с острова Медный один больной промышленник, остальные оставшиеся в живых шесть человек были еще оставлены на острове. Еще тяжелее была судьба одинокого Робинзона на острове Беринга. Вошедший в историю Яков Маньков прожил один семь лет, добывая огонь при помощи ножа и кремня и ловя рыбу, за отсутствием какого-либо снаряжения, при помощи сделанного из гвоздя крючка. Нашли его одетым в звериные шкуры.

В 1819 г. на островах образовались уже временные поселения промышленников: на острове Медный близ котикового лежбища Палата — из 15 человек и на острове Беринга — из 29 человек (в Старой Гавани, близ современного селения Никольское и на реке Саранная).

Несколько позднее Российско-Американская компания нашла невыгодным сезонный завоз промышленников и начала постепенное заселение островов. Литература приурочивает первое заселение постоянными жителями к 1826 г.,

а сами унанганы — к предшествующему 1825 г. Во всяком случае по переписи населения северо-восточных колоний 1825 г. на острове Беринга числилось постоянного населения (туземного) 45 человек.[1] Известный мореплаватель Литке, посетивший в 1827 г. Командоры, куда он должен был в следующем году завезти унанганов с острова Уналашка, нашел на острове Беринга 110 жителей — унанганов, креолов и русских. На острове Медный постоянного населения еще не было, и на промысел туда ездили с соседнего острова.

Первоначальным населением Командорских островов были перевезенные туда унанганы с соседних Алеутских островов — Атту и Атха. Командоры, таким образом, отнюдь не явились для унанганов территорией естественного расселения, вызванного теми или иными причинами хозяйственного или социально-исторического порядка. Заселение островов было продиктовано чисто коммерческими интересами компании и осуществлено ею в административном порядке, в порядке осуществления принадлежавшей ей власти над жителями колоний.

Систематическая убыль населения на островах, вызывавшая недостаток в промысловой рабочей силе, пополнялась впоследствии переселением на Командоры новых партий промышленников, в большинстве унанганов. Такие переселения имели место с островов Прибыловых (Павла), Лисьих, Андреяновских, Ситхи. С конца 40-х годов компания привозила на острова промышленников, принадлежавших к самым разнообразным народностям как Старого света (русских, зырян, цыган, даже одну киргизку), так и Америки (эскимосов с острова Кадьяк, колошенских креолов). В позднейший период переселения (айнов и унанганов) происходили в 70-х и 80-х годах XIX столетия. Перебывавший на островах служилый элемент влил в население новую кровь — русскую, польскую, латышскую и американскую. В результате всего этого командорские унанганы подверглись сильной метизации.

Положение унанганов в период хозяйствования на островах Российско-Американской компании было исключительно тяжелым и должно быть охарактеризовано как состояние почти полного рабства. Унанганы имели несчастье принадлежать к категории «зависимых инородцев» коло-

[1] См. Lutké (№ 92), t. I, pp. 158–160.

ний, которыми компания распоряжалась совершенно бесконтрольно.[1]

«Зависимые инородцы» по самому своему положению были обязаны работать на компанию, которой было предоставлено «право высылать из них на промыслы половинное число всех мужского пола лиц, не старше 50 и не моложе 18 лет». Последнее ограничение было явно фиктивно, так как внутренними инструкциями компании разрешалось отправлять на промыслы и стариков, и женщин, и подростков обоего пола, что и практиковалось широко в колониях.

Единственным источником дохода унанганов являлась ничтожная пошкурная плата, уплачиваемая компанией за добытого зверя в совершенно произвольно ею устанавливаемом размере. Исключительно низкие таксы и чрезмерная скудность заработков промышленников неоднократно ставились в вину компании и вызывали со стороны последней очередное ничтожное повышение цен.[2] Образованный в начале 60-х годов XIX столетия (уже к концу деятельности компании) особый Комитет по делам компании отметил в своем докладе, что, несмотря на эти повышения платы за добычу, она «все еще не дошла до настоящего

	До 1836 г.	До 1850 г.	После 1850 г.
Бобры и матки .	10 руб.—20 руб.	30 руб.	50 руб.
Кошлаки	4 „ —10 „	15 „	25 „
Медведки	60 коп.—2 руб.	3 „	3 „
Котик-секач . . .	20 „ —50 коп.	75 коп.	75 коп.
Котик серый . . .	20 „ —40 „	50 „	50 „
Песец голубой . .	20 „ —1 руб.	1 руб.	1 руб.
„ белый . . .	8 „ —20 коп.	10 коп.—20 коп.	10 коп.—20 коп.

[1] Туземное население северо-восточных колоний состояло из «совершенно независимых инородцев», населявших берега северо-восточной Америки (сюда относились колоши, кенайцы и чугачи), и «зависимых инородцев», к которым принадлежали островитяне и небольшое число жителей полуострова Аляска. Зависимые туземцы подразделялись, в свою очередь, на две категории: «действительно зависимых», или «состоящих в настоящей зависимости» (унанганы), и «полузависимых» (курильцы, населявшие Курильские острова, и кенайцы, кускоквимцы, аглегмюты, медновцы, обитавшие на северо-западных берегах Америки). См. Приложения к докладу (№ 128), стр. 47, 63, 83, 66 и сл.

[2] См. Доклад Комитета (№ 48), стр. 198.

вознаградительного размера».[1] Размеры этой оплаты на протяжении деятельности компании видны из приведенных выше данных (в ассигнациях)[2] (см. табл. на стр. 91).

При этом следует отметить, что, несмотря на эти низкие таксы, промышленники «всем для промысла нужным должны снабжаться от себя».[3]

Но и этот скудный заработок унангаков был в условиях монопольного положения компании только номинальным. Расплата с промышленниками происходила исключительно товарами, всегда недоброкачественными, которые население было вынуждено покупать по чрезвычайно высоким ценам. Ассортимент товаров состоял в большей своей части из предметов, ненужных населению. Съестные припасы, завоз которых в колонии компания находила для себя убыточным, не продавались унанганам. Особенно велик был постоянный недостаток в хлебе, к употреблению которого компания по тем же соображениям убыточности боялась приучить население. Устав Российско-Американской компании содержал циничный § 176, гласивший, что «компания имеет право или обязанность препятствовать развитию между алеутами роскоши, т. е. употреблению хлеба, чая и других подобных предметов».[4] Аналогично обстояло дело и с другими предметами первой необходимости. Член комитета и горячий защитник деятельности компании Костливцев указывает, что при низком качестве товаров, завозимых компанией, платье, приобретаемое промышленниками, служило им несколько недель. Цены на все были так высоки, что для приобретения, помимо платья, еще и сапог, шапки и рубашки промышленнику «нехватало целой шкуры большого бобра, чтобы одеться один раз». Между тем на каждого взрослого унангана не приходилось (в среднем за 19 лет) и одного морского бобра в год.[5]

Обман при торговле сопровождался обычным на севере спаиванием и закабалением промышленников. Уничтожив расплату ходовыми деньгами, компания ввела одно время

---

[1] См. Доклад Комитета (№ 48), стр. 107.
[2] См. Тихменев (№ 170), ч. 1, стр. 135.
[3] См. Литке (№ 91), ч. 1, стр. 135.
[4] См. Доклад Комитета (№ 48), стр. 107—108, 118, 163—164; Приложения к докладу (№ 128), стр. 49, 58, 101 и сл.
[5] См. Приложения к докладу (№ 128), стр. 57. Морские бобры являлись в силу их ценности главным источником дохода унанганов.

(с 1815 г.) денежные суррогаты — марки из пергамента, которые принимались только на ее факториях в уплату за товары. Марки эти, насильно навязываемые жителям, мало ценились, вытеснялись привозимым из Америки ромом и не имели никакого значения для населения.[1]

Посетивший в начале XIX столетия тихоокеанские владения России акад. Лангсдорф описывает «странные правила», на которых основано отношение компании к промышленникам. Унанганы никогда не знали размеров своего заработка, расчеты с ними происходили раз в несколько лет, все необходимые товары отпускались им в кредит по очень высоким ценам, причём они неизбежно запутывались в долгах. Описывая спаивание, «оторговывание» и закабаление промышленников, Лангсдорф называет их «заложниками компании».[2]

Условия жизни унанганов на островах были действительно ужасны. Они обитали в убогих тесных юртах-полуземлянках, отапливаемых только выбрасываемым морем плавником и котиковым жиром, наполненных дымом и вонью, без воздуха и света. Питались они в этот период исключительно местными ресурсами, но для добычи последних было мало времени, так как компания загружала их работами на себя. Топливо и продукты питания на острова не завозились. Зимою жители не интересовали компанию и оставались совершенно заброшенными, многие из них погибали, а летом их снова гнали на промыслы, продолжавшиеся до самой зимы. Подчинены они были приказчикам, или пришлым промышленникам компании, «или, другими словами, — как говорит Лангсдорф, — невеждам и злодеям, которые всеми средствами обижают, притесняют и, смело можно сказать, высасывают добродушных и кротких туземцев».[3]

Неоднократно упомянутый нами Комитет, занимавшийся в 60-х годах деятельностью компании и всячески обелявший последнюю, не мог, при всем желании, не остановиться на положении унанганов, на исключительном гнете, испытываемом ими в результате торговой монополии и полного закрепощения их компанией. Говоря о громадных привилегиях, предоставленных компании, материалы Комитета отмечают следующее:

---

[1] См. Доклад Комитета (№ 48), стр. 123, 165.
[2] См. Материалы для истории (№ 98), вып. 4, стр. 190.
[3] См. там же, стр. 187.

«Сумма всех этих привилегий предоставляет компании в безграничную монополию не только все произведения края, но и личность самого алеута. Лично он не раб, он не крепостной какого-либо господина, никто его ни к чему не принуждает, но, вникнув ближе в его положение, нельзя не сознаться, что он раб окружающих его обстоятельств, в полном смысле этого слова. Свободная воля его до того связана местными условиями, что все действия и все права его суть последствия самых тяжелых обязанностей и связаны либо с ограничениями, либо с лишениями. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить домашний быт каждого алеута. Вся жизнь его проходит в том, что он занимается или промыслом зверей, или приготовлением к оному, то есть устройством и приведением в порядок всех необходимых промысловых снарядов, орудий, одежды, байдарок и, наконец, приготовлением запасов продовольственных для остающихся семейств. Справедливо, что во всем этом деятельно содействует им компания, но все это делается руками и трудами тех же самых алеут. Нельзя сказать и того, чтобы их заставляли работать противу воли и до изнурения, напротив того, нарядам алеут на работы стараются дать вид приглашений, но справедливо и то, что исполнение этих приглашений для них обязательно, и потому они редко остаются праздными. Трудясь всю свою жизнь усиленно и весьма часто, по роду самих промыслов, с опасностью жизни, можно было бы надеяться, что алеуты, если не все богаты, то, по крайней мере, живут в довольстве, обеспеченные всем необходимым. Но, к сожалению, в действительности представляется совершенно противное: жилища их, по совершенному недостатку на Алеутских островах леса, суть не что иное, чем землянки, врытые до половины в землю, а сверху закрытые тою же землею, сухою травою и дерном; вместо окон и дверей сделаны в крыше и в верхней части землянок отверстия, которые служат проводниками и света, и воздуха, и дыма; печей в этих домах не имеется, потому что нет топлива и за недостатком дров горят коренья и сухая трава. Одежда алеутов приготовляется частью из произведений их промыслов, частью из товаров, покупаемых от компании, но большей частью довольно дорогих и мало прочных. Пища их состоит: из юколы (сушеной рыбы), китового и других морских животных мяса, рыбьего жиру, сушеных ягод, сараны, луку, морской капусты и разных кореньев. Хлеба

алеуты не употребляют, но не потому, чтоб они не любили его, а потому, что его нет и компания не желает приучать их к употреблению хлеба, как припаса дорогого и не всегда находящегося в достаточном количестве. Хлеб, чай и в особенности табак составляют для алеутов лакомство, услаждение в их горькой судьбине».

Остановившись подробно на «невыгодном влиянии подобного порабощения на быт инородцев» и отметив необходимость замены принудительного труда вольным наймом, отчет Комитета указывает:

«Порабощение зависимых инородцев есть прямое последствие предоставленного Российско-Американской компании, по ее уставу, права пользоваться их трудом, воспрещения им, по тому же уставу, отлучаться из мест их поселения, без разрешения колониального начальства, а отчасти и тех попечений о быте их, которые тем же уставом на компанию возложены. Хотя в настоящее время это порабощение не имеет чисто насильственного характера, однако оно не может не препятствовать самостоятельному развитию народа, составляющего доселе главную часть колониального населения. Вообще положение алеутов близко подходит к бывшему положению в России крепостных крестьян; но сии последние, даже у дурных владельцев, пользовались преимуществом в том, что всегда имели полную свободу приобретать на свои деньги все предметы для своего потребления по вольным ценам, тогда как алеуты принуждены все им нужное покупать у компании по ценам, ею установленным. Труд алеутов, как и бывших крепостных, обращается главнейше в пользу их владельца, т. е. компании, и не может служить достаточным обеспечением их благосостояния; из отчетов последней ревизии усматривается, что заведенный порядок расплаты, по установленным от компании таксам, не имеет вознаградительного значения... Слабые признаки распространения между ними потребностей более образованной жизни, на которые указывает ревизия, не могут служить к опровержению общего вывода о той безысходной скудности, на которую порядок, ныне в колониях водворенный, обрекает зависимых инородцев».[1]

Естественно, что в таких условиях полного колониального рабства, констатированных официальными докумен-

[1] См. Доклад Комитета (№ 48), стр. 159—160.

ами эпохи, население Командорских островов стало уже тогда уменьшаться в своей численности. Об этом уменьшении населения колоний, также отмеченном в материалах Комитета, акад. Лангсдорф писал в свое время следующее: «Одна из причин уменьшения народонаселения на Алеутских островах состоит в усиленных промыслах и в погибели многих алеутов в их бытность далеко от родины, в особенности у северо-западных берегов Америки. Не менее пагубно действуют на алеутов лежащий на них гнет и отсутствие всякого попечения о них».[1]

Наступивший после ликвидации Российско-Американской компании трехлетний период полной беспризорности островов (1868—1870)[2] еще более ухудшил положение унанганов. Крупный предприниматель Охотско-камчатского края Прозоров пишет по этому поводу следующее: «Не говоря о спаивании жителей, товары отпускались им в долг в невероятных количествах и по ценам, уничтожавшим ту выгоду, которую алеуты должны были иметь от созданных конкуренцией сравнительно высоких цен на котиков (до 4 руб.)».[3]

Нахлынувшие на острова спекулянты заключали с унанганами контракты, по которым последние отдавали себя в полную кабалу скупщикам пушнины.

Относительный порядок водворился на Командорах только после сдачи их в аренду торговому дому Гутчинсон. В литературе очень часты указания, что период американской аренды островов (1871—1890) был временем «исключительного благосостояния» — «золотого века» для унанганов. Не отрицая некоторого улучшения в положении населения, необходимо отметить, что по существу на островах царила в это время та же жестокая эксплоатация, только в более завуалированных формах. И основными причинами этого были та же торговая монополия арендатора и фактически подневольный (обязательный) труд населения, завезенного на острова только в интересах промыслов и не имевшего вне этих промыслов никаких источников дохода. Товары должны были, правда, продаваться на островах по ценам, утверждаемым администрацией, но полное отсут-

---

[1] См. Приложения к докладу (№ 128), стр. 36, 38, 59; Материалы для истории (№ 98), вып. 4, стр. 185.

[2] См. выше, стр. 66—67.

[3] См. Прозоров (№ 129), стр. 307.

ствие конкуренции и возможности у той же администрации какого-либо воздействия на арендатора сводили этот контроль полностью на-нет. Арендатор устанавливал произвольно высокие цены, и весь заработок населения от промыслов возвращался к нему с огромной прибылью.

Кроме того, следует отметить, что если повышение оплаты за добычу котиков и увеличило заработки населения, то оплата его за промыслы морских бобров и другого зверя совершенно не была предусмотрена договором казны с арендатором.[1] В результате эта ценная пушнина принималась торговым домом от промышленников «по добровольному соглашению», т. е. по чрезвычайно низким ценам: песец от 75 коп. до 4 руб., морской бобр до 1881 г. от 10 до 40 руб. и после 1881 г. — от 15 до 55 руб.

Пресловутые «американские дома», сооруженные впервые для населения островов арендатором и послужившие основанием для усиленных сообщений о заботе его об унангах, в действительности совершенно не соответствовали назначению жилого помещения. Эти домики — в сущности простые бараки засыпного типа — были мало пригодны в климатических условиях Командор, при царящих на островах постоянно ветрах, туманах и сырости. Темные и сырые, продуваемые ветром, они требовали непрерывного отопления, которое ложилось непосильным расходом на бюджет населения. Отапливаемые чугунными печами дома эти не держали тепла, и температура падала постоянно ниже 0°. Таких домиков было выстроено ничтожное количество, и большинство населения продолжало жить в земляных юртах. Никем не поддерживаемые, сооруженные жилища скоро пришли в ветхость, и часть населения предпочитала зимовать в летних селениях, где можно было пользоваться плавником.

Незначительные заработки не обеспечивали и необходимого для населения питания. Обследовавший в 80-х годах Командоры чиновник Главного управления Восточной Сибири Сулковский отмечал крайний недостаток жиров в питании унанганов. Низких заработков на острове Беринга (41—55 руб. в год на жителя) еле хватало на покупку одежды, чая, сахара, ничтожного количества сухарей, муки и топлива. Рыбою и мясом (котиков) население было обеспечено, но жиров приобрести уже не могло. На

[1] См. выше, стр. 68.

острове Медный, благодаря промыслу морского бобра, положение было лучше; годовой заработок там достигал 150—160 руб. Но и тут наличные деньги никогда не выдавались при расчете, и жители, вынужденные забирать товары в кредит, получали часто совершенно ненужные им предметы.[1]

То же самое рассказывает об эксплоатации унанганов и морской офицер Руднев, плававший в 90-х годах на крейсере «Африка». Агент торгового дома Гутчинсон Малованский производил расчет за промысел только товарами, и сколько бы товаров ни взял промышленник, он все равно оставался в долгу и должен был «платить из будущей шкуры». Выхода из этого положения не было, так как при царившей на островах торговой монополии, в случае продажи промышленником шкур кому-либо на сторону, провизия ему не отпускалась, и он был лишен возможности купить ее где-либо за деньги.[2]

Большую роль в этой торговой эксплоатации играл и ассортимент привозимых товаров. Несмотря на формальный запрет, все арендаторы завозили на острова спиртные напитки и приучали население, лишенное самых необходимых предметов обихода, к потреблению типично колониальных товаров — всякой дряни и завали, украшений, парфюмерии, перчаток и т. д.

Отсутствовали в период аренды островов фирмой Гутчинсон и какая-либо медицинская помощь населению и школа.

В дальнейшем, при последующих, уже отечественных арендаторах островов, положение унанганов неизменно ухудшалось. Условия договора с новым арендатором — Русским товариществом котиковых промыслов — вызвали, правда, значительное увеличение заработков населения в начале 90-х годов XIX столетия, но последовавшее затем сильное падение добычи пушнины повлекло неуклонное — до самой революции — падение этих заработков. Доход населения обоих островов выразился в 1892 г. в сумме около 100 тыс. руб., а к 1899 г. он не достигал и трети этой суммы. Средний заработок на одного человека составлял в 1892 г. — 150 руб. 05 коп., в 1896 г. — 71 руб. 98 коп. и в 1899 г. — 47 руб. 21 коп.; в последующие годы он неизменно падал. Между тем прожиточный минимум соста-

[1] См. Сборник (№ 142), вып. 2, стр. 9, 37.
[2] См. Руднев (№ 137), стр. 185, 188.

влял на Командорах не ниже 70 руб. в год. Тяжелое положение населения усугублялось тем обстоятельством, что падению этого единственно возможного на островах заработка сопутствовала неизменно жестокая торговая эксплоатация. Арендные платежи за острова вносились в золотой валюте, а расчет с населением производился кредитными билетами, причем цены на товары носили явно спекулятивный характер. Упоминавшийся нами выше (стр. 80) автор, моряк Жуков, пишет о периоде 900-х годов следующее: «Эта котиковая компания здесь всесильна, и самые Командорские острова существуют чуть ли не исключительно для нее... все приносится в жертву этой всесильной компании».[1] Цинизм в эксплоатации населения был беспределен: при падающих заработках и торговом обирательстве населения администрация островов умудрялась еще и обсчитывать промышленников при производстве расчетов за промысла. Е. К. Суворов установил, что за 1902—1904 гг. население недополучило свыше 23 тыс. руб.[2] Посетивший в 1903 г. Командоры известный дальневосточный журналист и камчатский администратор А. П. Сильницкий дал следующую характеристику положения унанганов:

«Алеуты, что живут на Командорских островах, должны бы быть самым состоятельным народцем России, так как они являются монопольными промышленниками командорских зверей: морских котиков, бобров, голубых песцов. С каждого добытого зверя они, согласно контракту правительства с обществом, эксплоатирующим котиковые и бобровые лежбища, получают крупную мзду.

«Но на деле алеуты — самый бедный народ в мире, уже вымирающий. Причина та, что общество попросту обманывает алеутов, снабжая их за добытых зверей всякой дрянью, например: духами, граммофонами, побрякушками, а затем спиртом, ромом, виски и прочими горячительными напитками, хотя их ввоз на острова и запрещен. Расплата за зверей товарами, таксируемыми как бог на душу положит, а главное — спаивание инородцев, — вот корень их бедности».[3]

Прогрессировавшее обнищание населения островов в результате падения пушных промыслов и тяжелой эксплоа-

[1] См. Жуков (№ 60), стр. 72.
[2] См. Суворов (№ 163), стр. 26.
[3] См. Сильницкий (№ 150), стр. 514.

тации его арендаторами усиливалось под влиянием истощения других естественных ресурсов Командор, служивших для населения дополнительными источниками дохода, — оленей и морских млекопитающих (моржа, нерпы, сивуча). Особенное значение в этом отношении имело уменьшение запасов сивуча, дававшего унанганам исключительно ценную, разнообразную и частично незаменимую продукцию. Сивуч, бывший ранее постоянным обитателем Командор, стал впоследствии появляться только на зиму, причем количество его лежбищ значительно уменьшилось. Сильное падение запасов этого животного в конце 80-х годов вынуждало унанганов одно время отправляться для промыслов на Камчатку, но затем это было запрещено.

Положение населения Командор за весь дореволюционный период должно быть охарактеризовано как состояние полной заброшенности. Острова были совершенно отрезаны от материка и управлялись сначала невежественными надзирателями, назначавшимися из камчатской казачьей команды, а впоследствии начальниками островов, неизменно защищавшими интересы арендаторов. Отечественные суда посещали Командоры очень редко. Изредка они показывались на острове Беринга, завозили почту, исполняли разные поручения, остров же Медный характеризовался исключительной отрезанностью. Начиная с 20-х годов XIX столетия, на протяжении шестидесяти лет ни одно русское казенное судно не посетило этого острова, коммерческие же суда показывались там исключительно редко. Военный моряк Фридрихсон описывает, каким большим историческим событием явился для населения острова Медный приход туда в начале 80-х годов первого отечественного военного судна.

Ухудшавшееся положение унанганов не вызывало со стороны правительства никаких мер. Значительное падение материального благосостояния унанганов, неуклонное уменьшение их заработков, спаивание и обман при торговле отмечались всеми посетившими острова лицами — и исследователями, и моряками, и администраторами, начиная с высших лиц областного управления.[1] Но ко всем этим сообщениям правительство оставалось совершенно индифферентным. Отсутствовали совершенно и заботы о здоровье и культурном состоянии населения. На островах в течение длительного времени не было никакой медицинской по-

[1] См. Унтербергер (№ 172), стр. 260, (№ 173), стр. 13—14.

мощи, даже аптеки; впоследствии на остров Беринга был назначен врач, но затем эта должность была упразднена, и острова обслуживались фельдшерами. Забота о просвещении выразилась в устройстве церковно-приходских школ, причем обучение родному языку производилось при помощи славянской азбуки. Даже героическая оборона островов от налета иностранных хищников не встречала со стороны правительства никакого поощрения. Унанганам не уплачивалось даже предусмотренное законом вознаграждение за конфискацию имущества хищников.

Особенно ухудшалось положение населения в периоды полных перерывов сообщения с островами, когда последние становились совершенно отрезанными от метрополии, когда прекращался завоз снабжения и жители оставались без продуктов питания, без одежды и охотничьих припасов. Именно в это время усиливалось всегда хищничество, а защита островов ложилась полностью на плечи унанганов. Так было во время русско-японской войны и так повторилось, в еще более тяжелой форме, в период гражданской войны и интервенции (1917—1922).

Вести о Февральской революции 1917 г. дошли до Командор в июле, но эта революция не принесла, конечно, унанганам возвещенной им «свободы». Участие их как «полноправных граждан» в работах Первого камчатского областного съезда выразилось в том, что из пяти делегатов, посланных на съезд, было двое русских (священник и фельдшер). Весь этот последний досоветский период истории островов характеризуется предельным обнищанием населения. Разрыв связей привел к полному расстройству снабжения островов. Постоянные смены белогвардейских дальневосточных правительств сопровождались очередным вывозом оттуда пушнины без всякой компенсации.

Катастрофическое падение различных денежных знаков (керенок, буферок, сибирок) и безудержная спекуляция приезжих хищников вызвали исключительное обнищание населения. С 1917 г. начались непрерывные голодовки. Отсутствие завозных продуктов питания, в частности муки, население не могло восполнить ни охотой, так как не имело охотничьих припасов, ни рыбной ловлей в виду частых штормов. Питалось оно в это время главным образом морскими беспозвоночными. На почве истощения усилились многочисленные, в частности гастрические и цынготные

заболевания. Одежда совершенно износилась, и жители Командор ходили буквально в лохмотьях.

Исключительно тяжелое положение населения уже в первые годы разрухи иллюстрируется следующим заявлением жителей острова Беринга в Камчатский областной комитет осенью 1918 г., когда годовой заработок промышленника упал до 140—180 руб. в обесцененных денежных знаках:

«...и вот на эти деньги мы, несчастные, должны были жить и жили, но впроголодь. Жаловаться на нашу горькую судьбу мы не могли, так как у нас до сего времени было полное крепостное право. Вся наша судьба и жизнь находились в руках начальников уездов, которые были полновластные хозяева островов, и мы пикнуть не могли, не то что жаловаться на свою судьбу... Мы пухнем и умираем ежегодно весной от цынги вследствие недоедания, а арендаторы наживают сотни тысяч...» [1]

В период этой крайней нужды в самом необходимом (продуктах питания, одежде и охотничьем снаряжении) острова снова стали ареной деятельности многочисленных, нахлынувших сюда за пушниной, спекулянтов. Крупные торговые фирмы, действовавшие на островах «легально» — по договорам с очередными белогвардейскими правителями, не доставляли на острова самых необходимых товаров (муки, пистонов и пр.). Японская фирма «Нихон-Моохи» завезла на Командоры в 1922 г. различную заваль, продавая ее по исключительно высоким ценам; следующий контрагент — фирма «Бринер, Дембы и К°» — снабдил острова товарами очень плохого качества тоже по очень высоким расценкам. Голодное и обнищавшее население было вынуждено стать на путь «самочинного» промысла. Добытая пушнина сдавалась на пароходы в обмен преимущественно на старые носильные вещи и спиртные напитки. Особенной активностью в ограблении унанганов отличались, как всегда, японцы. Помощник начальника командорских промыслов Б. А. Редько пишет по этому поводу следующее: «В 1920—1922 гг. на островах появляются различные русские и иностранные суда, имевшие целью скупить за бесценок шкурки пушного зверя. Каждый приходящий на Командоры пароход является плавучим кабаком, а офицеры с японского крейсера «Ниитака» давали в об-

[1] См. Редько (№ 133), стр. 77—78.

мен за пушнину недоброкачественный спирт, от которого на Беринге умерло 3 человека. От иностранцев не отставали и русские военные моряки охранного судна меркуловского правительства «Магнит», «заказавшие» алеутам убить известное количество котиков и приготовить шкурки к следующему приходу этого «охранного корабля».[1] В этот период значительно усилились различные заболевания на Командорах, и было вконец подорвано физическое состояние населения островов.

Только в 1923 г., когда после ликвидации интервенции на Дальнем Востоке снабжение островов было поручено Центросоюзу, население их было — впервые после многолетнего перерыва — снабжено всем необходимым.

Несмотря на отсутствие связи с Советской Россией в течение всего периода гражданской войны и интервенции, унанганы попрежнему добросовестно и мужественно защищали острова от частых нападений хищников — организовывали караулы, несли охрану, выдерживали настоящие бои с налетчиками.

Неизбежным последствием исключительно тяжелого положения командорских унанганов в условиях колониальной эксплоатации явилось вымирание этой незначительной численно народности.

Соответственные статистические данные, позволяющие установить дату начала процесса падения численности населения Командор, отсутствуют. Но имеющийся богатый литературный материал ярко освещает непрерывное — на протяжении всей дореволюционной истории островов — ухудшение экономического положения унанганов и, как следствие этого, упадок их физического состояния.

Н. А. Гребницкий констатировал уже в 1881 г. исключительно неблагоприятное физическое состояние населения островов. Им отмечены чрезвычайно сильная заболеваемость, низкая плодовитость и высокая смертность (около 5%), в частности большая детская смертность и очень незначительная средняя продолжительность жизни на островах (23,6 года).

Распространенность болезней среди унанганов стояла в непосредственной зависимости от ужасных условий жизни и промысловой деятельности на островах и от заноса туда различных инфекционных заболеваний. Наиболее были рас-

[1] См. Редько (№ 133), стр. 79.

пространены гастрические, желудочно-кишечные и простудные заболевания, туберкулез и другие заболевания легких и дыхательных путей. Ревматизмом, как сообщает Гребницкий, страдало поголовно все мужское население островов, даже не достигшее тридцатилетнего возраста.[1]

Особенно скверно было физическое состояние детей. Истощенный женский организм не обеспечивал их материнским молоком даже в первые месяцы жизни, и грудные дети рано переводились на обыкновенную грубую пищу.

Большую роль в физической изнашиваемости населения играл чрезмерно напряженный труд. Хроническая дефицитность бюджета и вечное недоедание вынуждали к участию в промыслах чуть ли не все поголовно население островов. Гребницкий и позднее Фридрихсон описывают поголовное участие всех женщин и непосильную работу детей на котиковых промыслах.

Отражалась на физическом состоянии унанганов и необходимость — в условиях изолированности островного населения — заключения браков среди крайне ограниченного количества семейств.

Систематические и полные данные о движении населения островов до 90-х годов XIX столетия отсутствуют. За этот период имеются лишь итоговые показатели за отдельные годы:

Годы	Число жителей на обоих островах	Годы	Число жителей на обоих островах
1860	395	1880	501
1863	387	1881	513
1872	434	1882	521
1874	451	1834	563
1875	442	1890	619

Было бы ошибочным отнести все это увеличение населения за тридцать лет (224 человека) за счет естественного прироста, так как в эти годы имели место переселения на острова извне. Но во всяком случае в этот период имел еще место, хотя и очень замедленный, естественный прирост населения. Так, за промежуток времени 1874—1884 гг., когда не было новых переселений, увеличение на-

[1] См. Гребницкий (№ 35), стр. 54 и сл.

селения выразилось в 112 человек, т. е. среднегодовой прирост составлял 11,2 человек, или свыше 2% в год. Штейнегер отмечал в свое время медленный прирост населения с 1870 по 1893 г.

Последние случаи механического прироста населения Командор имели место в 70-х и 80-х годах XIX столетия. В 1872 г. были переселены на Командоры 30 унанганов с острова Атту Алеутской гряды. В 1873 г., во время русско-японских переговоров об обмене Курильских островов на половину Сахалина, на Командоры переселилась группа айнов (курилов), жителей островов Уруп, Парамушир и Симушир. Другая часть населения этих островов, также не пожелавшая остаться во владениях Японии, была переселена сначала в Петропавловск, затем на мыс Лопатка и в конце концов на Командорские острова. Судьба этих переселенцев, подавляющая часть которых (до двух третей) состояла из унанганов с островов Атту, Атха и Ситха, а меньшая из айнов, оказалась в полном смысле слова трагической, что крайне характерно для отношения правительства к северным народностям.

Всего было переселено в Петропавловск на Камчатке в 1873 и 1874 гг. 107 человек. Брошенные там, по признанию официальных документов, на произвол судьбы, переселенцы показывали все время сильную убыль населения. Корреспондент газеты «Сибирь» описывает их положение в 1879 г. следующими словами: «Всю зиму приходилось им бедствовать от недостатка пищи, и чистая только случайность не дала им вымереть всем. Все-таки из 107 умерло 31. Молча, терпеливо алеут переносит голод и умрет, не попросив ничего. Весною с ходом рыбы они ожили, но зимою, если не помочь им выдачей казенного продовольствия или не обстроить их, заведя два, три невода да выдав соли, они снова будут бедствовать и умирать. Горько пришлось им расплачиваться за свое желание остаться русскими подданными».[1]

Отчаянное положение вынудило переселенцев просить о новом переселении их на мыс Лопатка, где они рассчитывали на бобровый промысел. В 1880 г. оставшиеся в живых 70 человек были перевезены на юг полуострова, где ими основано селение в бухте Вестник, расположенной около острова Уташуд, в 35 морск. милях от мыса Ло-

[1] См. Сборник (№ 142), вып. 1, стр. 27—28.

патка. Совершенно заброшенные и на новом месте, переселенцы оказались в ужасном положении: почти все взрослые мужчины вымерли, а оставшиеся в живых, преимущественно женщины и дети, были вновь перевезены в 1888 г. на Командоры, главным образом на остров Беринга. Движение численности этой небольшой группы переселенцев видно из следующих данных:

В 1873—1874 гг. были перевезены в Петропавловск	107	чел.
„ 1879 г. оставались в живых в Петропавловске	76	„
„ 1880 „ были перевезены в бухту Вестник	70	„
„ 1884 „ оставались в живых в бухте Вестник	67	„
„ 1888 „ были перевезены на Командоры	26	„

Таким образом, за пятнадцать лет убыль превысила 75% всех переселенцев.[1]

Около 80-х годов имел место еще один случай механического прироста населения Командор. Изолированные от внешнего мира, жители настолько переродились между собою, что по церковным законам, несмотря на все послабления, стало невозможным заключение новых браков. В результате администрация островов отправила группу мужской молодежи в Петропавловск, откуда они и привезли себе жен.

Уже в 90-х годах XIX столетия, в связи со значительно ухудшившимся, в результате падения котикового промысла, положением населения, были налицо тревожные симптомы вымирания унанганов.

Крупнейший знаток сибирских народностей С. Патканов, хотя и приходил в 1908 г. к выводу об «известной жизнеспособности» унанганов, но оговаривался, что «на этих островах по временам, повидимому, бывают периоды отрицательного естественного приращения населения, вызываемого неблагоприятными условиями жизни». Так, за пять лет (1886—1891) на острове Беринга родилось 111 и умерло 127 человек; ежегодная убыль составляла, таким образом, 3,2 чел. Наибольшая смертность падала на ранне-детский возраст: из 1600 умерших на детей до 1 года приходилось 366 человек. В качестве общего вывода Патканов указывал, что «естественное приращение алеутов (и метисов) не велико, и что при изменяющихся в неблаго-

[1] См. Давыдов (№ 43), стр. 1113; де Ливрон (№ 88), ч. IV, стр. 18; Кулагин (№ 83), стр. 190—191; Патканов (№ 115), стр. 148—153; Редько (№ 133), стр. 72; Сборник (№ 142), вып. 1, стр. 27—28, 53; Суворов (№ 163), стр. 98; Фридрихсон (№ 177).

приятную сторону условиях оно легко переходит из положительного в отрицательное», и отмечал далее, что «лучшие или худшие условия, среди которых живут алеуты, оказывались в полной зависимости от личного усмотрения правлений этих (котиковых. — *М. С.*) компаний.[1]

Неуклонное снижение численности унанганов началось, видимо, с конца 80-х — начала 90-х годов XIX столетия. Подробными данными в этой области мы обязаны работе Е. К. Суворова, приводящего следующие показатели за двадцатилетний период:[2]

Численность унанганов

Годы	Остров Беринга	Остров Медный	Всего	Годы	Остров Беринга	Остров Медный	Всего
1890	345	274	619	1900	279	253	532
1891	328	281	609	1901	278	252	530
1892	330	296	629	1902	267	256	523
1893	332	289	621	1903	255	254	509
1894	326	286	612	1904	260	252	512
1895	354	244	598	1905	263	251	514
1896	356	249	605	1906	257	242	499
1897	353	256	609[3]	1907	275	245	520
1898	342	270	612	1908	272	247	519
1899	292	254	546	1909	267	234	501
Убыль за 10 лет	53	20	73		12(+13)	19(+1)	31(+14)

Общая убыль населения островов достигла, таким образом, за этот период (1890—1909) 118 человек, или 19%. Рождаемость достигала 4,4% (несколько ниже, чем в Европейской России), а смертность превышала 4,6% (значительно выше, чем в упомянутых районах). Средняя продолжительность жизни унанганов упала до 24,3 лет на острове Беринга и до 23,2 лет на острове Медный. Подводя итоги своим изысканиям в этой области, Е. К. Суворов писал в 1910 г. следующее:

«Вымирание командорских алеутов вне всякого сомнения. Если вымирание пойдет тем же темпом и дальше, то

[1] См. Патканов (№ 115), стр. 149—150; Слюнин (№ 156).
[2] См. Суворов (№ 163), стр. 106.
[3] По данным переписи 1897 г. численность унанганов составляла в этом году 574 человека.

менее, чем через 50 лет, на островах останется только одна уездная администрация, но населения уезда уже не будет. Некоторые отдельные года, например 1899-й, дают потрясающую картину настоящего «мора», когда в один год умирает до 12% населения».[1]

В последние предреволюционные годы, начиная с 1910 г., в положении унанганов наступило новое ухудшение. Полное прекращение котикового промысла в силу объявленного пятилетнего запуска[2] (фактически шестилетнего, так как в 1911 г. был разрешен убой только 200 котиков) вызвало исчезновение у унанганов главного источника питания (мяса котиков) и заработка. Одновременно продолжалось падение и других источников дохода (бобрового и песцового промысла).

За период 1910—1917 гг. систематические и полные данные о движении населения Командор отсутствуют, имеющиеся же отдельные показатели бесспорно устанавливают продолжающуюся убыль населения:

Численность унанганов

Годы	Остров Беринга	Остров Медный	Всего
1909	267	234	501
1913	281	231	516
1917	262	187	449
Убыль за 8 лет	5	47	52

В 1917 г. имела место механическая убыль населения островов. Значительное ухудшение условий жизни заставило унанганов, несмотря на всю их привязанность к островам, стремиться в поисках большей обеспеченности к переселению на материк. Еще в 1909 г. несколько семейств возбудили ходатайство о разрешении им переселиться на Камчатку — в бухту Ука и в бухту Моржовая, где они рассчитывали на морской зверобойный промысел, и в Петропавловск. Но фактически переселение в бухту Ука состоялось лишь в 1917 г. Туда переселилось с остро-

[1] В 1899 г. умерло на обоих островах 89 человек при 23 родившихся.

[2] См. выше, стр. 82.

ва Беринга 40 человек. Судьба этих переселенцев оказалась такой же трагической, как и судьба жителей Курильских островов, переселившихся в свое время в бухту Вестник. Брошенные в новых условиях без всякой помощи, они стали вымирать еще быстрее, чем на родных островах. За первые два года (1917—1919) умерло 10 человек (25% всех переселенцев). В 1923 и 1924 гг., уже после советизации островов, туда вернулись оставшиеся в живых 9 человек, а один унанган поселился в Петропавловске. Таким образом за семь лет вымерло 75% всех переселенцев.

Последнее ухудшение общего положения унанганов относится уже к периоду разрухи 1917—1921 гг., подробно описанному нами выше. Новая убыль населения за этот период видна из следующих данных:

Численность унанганов

Годы	Остров Беринга	Остров Медный	Всего
1917	262	187	449
1921	206	171	377
1922	210	171	381
1923	204	160	364
Убыль за 6 лет	58	27	85

Почти столетняя колониальная эксплоатация населения Командор привела его к несомненному вымиранию. Общие итоги убыли унанганов за последние десятилетия до Великой Октябрьской революции (1890—1923) таковы:

Численность унанганов

Годы	Остров Беринга	Остров Медный	Всего
1890	345	274	619
1923	204	160	364
Убыль	141	114	255 (41,2%)

Общие итоги дореволюционных судеб Командорских островов были более чем печальны. Единственные в России по своим богатствам острова постигло полное разо-

рение. Все три отрасли пушного хозяйства Командор (котики, морские бобры и песцы) были обречены на гибель.

Хищнический, без учета естественных запасов животных и возможностей их воспроизводства, продолжавшийся около двухсот лет промысел поставил этих животных (котики и морские бобры) на грань полного исчезновения. Отношение царской администрации к национальному достоянию было более чем легкомысленное, — преступное. Командоры были отданы на поток и разграбление иностранным и русским предпринимателям, постоянно менявшимся арендаторам, заинтересованным лишь в быстрой до истечения срока аренды наживе, а отнюдь не в солидном, требующем капитальных затрат и длительной амортизации, ведении дела. Правительство обнаружило полную неспособность организовать на островах хозяйство: не были использованы ни преимущества, предоставленные Вашингтонской конвенцией, ни богатый американский опыт в ведении котикового и песцового хозяйства. Неизменно индифферентное отношение правительства к Командорам изменялось только в редких случаях, когда протесты общественного мнения или сильное падение дохода заставляли его командировать на острова того или иного обследователя или сменить очередного арендатора. Суверенитет российской государственности в тихоокеанских водах был подорван. Пограничные с Японией владения не пользовались никакой защитой и расхищались иностранцами. Не охранялись правительством даже интересы его законных арендаторов.

Еще безразличнее было отношение царского правительства к судьбам населения островов. Беззащитное перед законом, оно было предоставлено на полный произвол хищных арендаторов. Многочисленные и постоянные сигналы не только общественности, но и командированных чиновников о бедственном положении унанганов не удостаивались никакого внимания. Совершенно обнищавшее, находившееся фактически на положении крепостных, сплошь физически больное, население Командор, подобно многим другим северным народностям (ительменам, тофаларам, кетам), шло быстрыми шагами к полному вымиранию.

Только Великая социалистическая революция, разрешившая задачи национальной политики ВКП(б), ликвидировала этот процесс исчезновения унанганской народности.

Социалистическое хозяйство островов

В основе системы разнообразных мер национального строительства среди унанганов, направленных в первую очередь к физическому спасению этой народности, а в дальнейшем к всестороннему ее подъему, лежало восстановление разрушенного на протяжении дореволюционного периода пушного хозяйства островов.

Вопрос о спасении командорских пушных богатств был поставлен еще на Первом камчатском съезде 1917 г. и Чрезвычайном съезде 1920 г., но последовавшие события сорвали проведение намеченных мер до момента окончательной советизации островов в 1923 г. С 1923 по 1925 г. Командорское хозяйство находилось в ведении Дальрыбохоты, а в 1926 г. было сдано в аренду Дальгосторгу, уступившему свое место сначала (1927) АКО (Акционерное камчатское общество), впоследствии Союзпушнине (1933) и с 1936 г. ГУСМП (Главное управление Северного морского пути).

Задачи, поставленные перед островным хозяйством, в корне противоположные целям дореволюционных предпринимателей, были чрезвычайно сложны и ответственны. Помимо восстановления совершенно подорванного пушного хозяйства островов и организации рентабельного, дающего высококачественную продукцию, зверосовхоза, необходимо было максимально полное использование всех природных ресурсов Командор и развитие на их базе всех возможных на островах других отраслей хозяйства — оленеводства, сельского хозяйства, рыбного и морского зверобойного промысла. В основу всего звероводческого хозяйства необходимо было положить методы опытно-показательного характера, при помощи которых, не преследуя задач получения немедленной прибыли, можно было бы в результате соответствующих работ ряда лет создать действительно рационально-организованное и устойчиво-рентабельное социалистическое хозяйство.

Уже на протяжении первых лет было произведено большое строительство промыслового и общехозяйственного порядка, произведен капитальный ремонт старых совершенно разрушившихся зданий, значительно пополнен и обновлен промысловый инвентарь, выстроены склады, различные промысловые сооружения, организована научно-промысловая лаборатория.

Для внесения в хозяйство наиболее рациональных приемов и в целях повышения производительности промыслов, громадное внимание уделяется работам научно-промыслового характера — изучению природной среды пушных животных островов, их биологии, образа жизни и пр. С этой целью на промысловую администрацию возложена обязанность ведения регулярных метеорологических и гидрологических наблюдений, регулярный сбор всех материалов промыслового и биологического характера, съемка промысловых угодий, подсчет запасов животных и пр.

Уже в первый год советского хозяйствования ликвидирована полностью одна из главных причин, действовавших столь пагубно на звероводство острова — иностранное хищничество в командорских водах. Регулярная береговая охрана и наличие большого быстроходного морского катера совершенно прекратили появление хищнических шхун в территориальных водах островов.

Громадная работа, сопровождающаяся не меньшими достижениями, проведена в котиковом хозяйстве. Установлено постоянное (с мая по декабрь) наблюдение над жизнью котиков на лежбищах. Лежбища тщательно охраняются, чтобы обеспечить животным полное спокойствие. Организован учет поголовья котиков с момента привала их к берегам до их отхода. Промысловый надзор ведет систематические записи о составе лежбищ и составляет таблицы движения животных. С 1925—1926 гг. производилась съемка лежбищ с нанесением на планы площадей, занятых котиками, указанием их группировок и пр.

Подсчет котиков имеет громадное хозяйственное значение, так как определяет и запасы животных, и промысловые возможности; производится он в форме либо поголовного, либо глазомерного подсчета. Поголовный подсчет на лежбищах, наиболее тревожащий животных, одновременно и не достигает цели, так как часть котиков всегда находится в воде.[1] Поэтому больше применяется глазомерный подсчет, который производится 4—5 раз в месяц. На острове Беринга сооружена для подсчета специальная вышка (высотою в 8 м), на острове Медный ее заменяют расположенные около лежбищ высокие скалы. В последнее

[1] Поголовный подсчет необходим в отношении черных котиков, не спускающихся в воду.

Северное лежбище котиков на о. Беринга. Фото В. А. Гласс

Северное лежбище котиков на о. Беринга. Фото В. А. Гласс

Убой котиков. О. Беринга

время предполагалось произвести опыты подсчета путем фотографирования лежбищ.

Для определения возрастного состава стада, наблюдения над передвижением животных и выяснения распределения их на лежбищах производится клеймение части черных котиков. Метят их, во избежание лишнего беспокойства, одновременно с поголовным подсчетом. Клеймение дает возможность уточнить возрастное определение животных, что имеет громадное значение для промысла холостяков, и, кроме того, установить необходимые стандарты длины тела животных. С 1924 по 1929 г. заклеймено около 1 тыс. котиков.

В результате рационализации всего хозяйства, в частности строгого нормирования добычи, достигнут интенсивный — в командорских условиях — рост поголовья котиков, однако его все же следует признать очень медленным. Особенно ясным становится это из сопоставления движения командорского поголовья с американским (прибыловским) и японским (остров Тюлений).[1]

Трудность восстановления котикового хозяйства Командор объясняется не только исключительно разоренным состоянием стада к моменту революции, но и продолжающимся хищническим истреблением котиков на море. Эта причина является главной, действующей в настоящее время и препятствующей интенсивному — в условиях рационального социалистического хозяйства — росту поголовья.

Прибыловские котики мигрируют в пределах американских вод, и пути их миграции к берегам Калифорнии тщательно охраняются; так же обстоит дело и со стадом острова Тюлений, мигрирующим к берегам Кореи. Миграции командорских животных и места их временных остановок лежат вне границ вод СССР, в японских водах, и охрана котиков в период миграции, при отсутствии соответственных международных соглашений, невозможна.

Хищнический морской промысел, приносящий значительный урон командорскому стаду, производится около Курильских островов (Итуруп, Иезо), в проливе Мороран (около Иезо) и в открытых водах, в местах кормежек котиков. Постоянно повторяющиеся при съемке шкур факты нахождения пуль и картечи в подкожном слое жира упро-

[1] См. выше, стр. 83. К 1928 г. размеры котиковых стад, приваливающих к Прибыловым островам, достигли 873 тыс., а на лежбищах острова Тюлений превысили 30 тыс.

мышленных на лежбищах животных свидетельствуют о непрекращающемся морском хищничестве. П. М. Колтоновский определял в 1929 г. размеры ежегодной гибели котиков от хищничества в 1050 голов, или около 5% всего поголовья. По исчислениям проф. Иогансена, пробывшего на островах три с половиною года, ежегодно выбивается хищниками не менее 600 котиков.

Единственной возможностью полной ликвидации морского хищнического промысла явилось бы соглашение с Японией о полном запрете морского промысла. Проф. Иогансен указывал еще в 1931 г., что при наличии такой конвенции командорское поголовье возросло бы через пятнадцать лет до 100 тыс., а через сорок лет до 1 млн. голов, т. е. вернулось бы к размерам начала 80-х годов прошлого столетия.

Играет некоторую роль в медленном росте котикового стада и значительная гибель котиков, особенно молодняка, от истребления их касатками. Многочисленные табуны этих морских хищников, справедливо прозванных американцами «убийцами» (killer), постоянно плавают в командорских водах и пожирают попадающихся им котиков. Американские источники сообщают, что в желудке касатки иногда обнаруживали до 16—24 новорожденных котиков.

Несравненно благоприятнее внешние условия восстановления бобрового поголовья. Являясь постоянными, не подверженными миграции, обитателями вод острова Медный, морские бобры, при надежной в настоящее время охране островов, совершенно не подвергаются хищническому истреблению.

Ничтожные размеры поголовья морских бобров, уцелевшего к революции, когда оно едва достигало 300—350 голов, требовали проведения самых радикальных мер для его восстановления. После советизации островов, промысел морских бобров имел место лишь два раза — в 1923 г., когда было добыто 20 экземпляров, и в 1924 г. (добыто 23 морских бобра). Тогда же, в 1924 г., был объявлен пятилетний запуск, продленный впоследствии до 1936 г. Таким образом, на протяжении двенадцати лет морские бобры не добывались совершенно.

Основная масса морских бобров сосредоточена у северо-западной оконечности острова Медный, в прибрежной полосе от мыса Печка до мыса Северо-западный с Бобровыми столбами и отсюда на юг до бухты Бобровая включительно. Местами постоянного выхода животных служат

в этом районе Вороничья лайда, Дальние бобровые столбы и Бобровые камни.[1] Весь этот обширный район главного обитания морского бобра объявлен заказником и тщательно охраняется. Благодаря высоко сознательному отношению унанганов к охране животных, последние живут в условиях абсолютного покоя. На всей территории заказника запрещены всякий шум, курение, разведение огня, непужное хождение по берегу, плавание на шлюпках и пр. Характерно значительное увеличение в этом районе лежбищ других морских животных (сивуча, нерпы), чувствующих себя здесь в полной безопасности.

В последние годы учащается появление морских бобров в водах острова Беринга, главным образом у южной его оконечности, в бухтах Бобровая и Перегребная, а также около мыса Манати.

Объявление запуска и заказника обеспечило рост бобрового поголовья. Подсчет бобрового стада еще более труден, чем котикового, вследствие самого образа жизни животных, не образующих лежбищ и нерегулярно выходящих на сушу. Более или менее точный учет, в сущности говоря, совершенно невозможен, так как практикуемые подсчеты не охватывают обычно как всех мест пребывания животных, так и части животных, находящихся на воде. Приводимая ниже численность поголовья морских бобров на острове Медный не отличается поэтому точностью; основываясь главным образом на наблюдениях береговых караулов, она страдает поэтому несомненным преуменьшением поголовья.

Количество морского бобра на острове Медный

Годы	Количество	Годы	Количество
1923	300—350	1934	700—800
1925	350—450	1935	800—900
1931	500—750	1936	900 - 1000
1932	600—800	1937	1000—1100

В 1935 г., когда поголовье морского бобра достигло, по приблизительным подсчетам, 800—900 голов, была назна-

[1] См. выше, стр. 21—22.

чена первая добыча морского бобра (25 голов), но затем запуск был продлен, и добыча не была осуществлена.

Очень медленный рост бобрового стада, несмотря на исключительно благоприятные внешние условия, находит свое объяснение в причинах чисто биологического характера, вызванных хищническим истреблением животного в дореволюционный период. Постепенно падавшие запасы морского бобра уменьшились, видимо, к началу революции до крайнего предела, за которым следует уже полное исчезновение животных. Восстановление запасов в этих условиях если и происходит, то очень медленно. И. И. Барабаш-Никифоров, долго наблюдавший морских бобров на острове Медный, указывает еще в числе причин медленного роста поголовья на неравномерное соотношение полов в стаде. Данные по дореволюционному промыслу показывают, что всегда добывалось больше самцов, которые, видимо, и тогда преобладали в стаде. Но самки морских бобров, которые держатся обычно ближе к берегам и доступнее для промысла, промышлялись тогда в большей (относительно) пропорции к существовавшим запасам, чем самцы. В итоге к советскому периоду количество самок в стаде еще более уменьшилось, и при низкой плодовитости морских бобров это сказывается на медленном росте поголовья.

С 1932 г. ведутся на острове Медный крайне интересные опыты содержания морского бобра в неволе. Первый из ученых, наблюдавший животных на Командорах в состоянии полной первобытности, Г. В. Стеллер описывал морского бобра очень доверчивым, совершенно не диким и не боявшимся человека. Репутацию крайне осторожного и дикого животного, необычайно чуткого и боящегося человека, бобры приобрели уже впоследствии, когда непрекращавшееся хищническое истребление животных, особенно практиковавшийся тогда ружейный бой, сделали их действительно очень пугливыми.

Продолжающийся свыше двенадцати лет запуск и организация заказника, где животные живут никем не тревожимые, в состоянии абсолютного покоя, сделали, видимо, морского бобра снова гораздо менее диким и пугливым животным, что и отмечено Барабаш-Никифоровым.[1]

---

[1] См. Барабаш-Никифоров (№№ 8—9).

На возможность приручения морского бобра и вероятную возможность разведения его в пресных водах указывал еще Стеллер;[1] впоследствии это отмечалось и другими исследователями (Лех, Штейнегер, Маркграф).

Перед империалистической войной одно германское звероводческое предприятие получило разрешение русского правительства на организацию около Архангельска разведения морских бобров и других пушных животных. Война помешала осуществлению этого начинания.

Первые опыты по приручению морского бобра производились на острове Медный Барабаш-Никифоровым в 1932 г. Содержавшиеся в неволе в исключительно неблагоприятных условиях (в примитивной клетке в деревянном доме) животные обнаружили исключительно быструю приручаемость. Еще более интересные опыты производятся, начиная с 1934 г., тов. Малькевичем и его помощником тов. Григорьевым. Морские бобры помещены в вольерах, в соленом озере на берегу бухты Гладковская. Летом 1936 г. там содержалась одна пара морских бобров и ожидался первый приплод в неволе.

Содержание в неволе морского бобра и приручение этого животного имеет громадное практическое значение. Эти меры облегчат изучение многих, неизвестных до настоящего времени, биологических моментов и последующее проведение опытов по разведению и по пересадке — содержанию на воле в новых районах — этого редкого и ценного пушного животного.[2]

Особенно большая реконструкция произведена в песцовом хозяйстве Командор. На смену практиковавшегося до революции «вольного» хозяйства, сводившегося по существу к полной беспризорности животных, пришла рационально организованная сложная система мер, направленная к регулированию полового и возрастного состава стада, максимальному повышению качеств производителей, улучшению питания животных и качества пушной продукции и пр. Все промысловые угодья, обитаемые песцами, распределены на отдельные ухожи (участки), находящиеся в заведывании ответственных, наиболее опытных промысловиков. Тщательно производится учет запасов животных по

[1] См. Steller (№ 199), S. 286.

[2] Согласно любезно сообщенным автору Комитетом заповедников при Президиуме ВЦИК сведениям, Комитетом осуществляется в 1937 г. переброска морского бобра на Мурманское побережье.

количеству нор на ухожах, по следам животных, по посещаемости ловушек-кормушек (см. ниже). Широко практикуется подкормка песцов рыбой, мясом котиков и сивучей. При производстве подкормки принимается во внимание количество животных, состояние их упитанности, степень обеспеченности их естественными кормами и пр. В интересах развития песцового поголовья уничтожено в 1927 г. большинство собак, истреблявших и распугивавших песцов и являвшихся носителями инфекций.

Наиболее рационализирована самая добыча животных. Все практиковавшиеся до революции способы промысла (капканами, палками, петлями, ружьем) ликвидированы совершенно как вредные для хозяйства, и организован наиболее совершенный лов при помощи ловушек-кормушек и ящичных ловушек.

Остроумное устройство этих наиболее целесообразных способов добычи, совершенно безвредных для животных, обеспечивает разрешение двух важнейших задач звероводческого хозяйства — добычу животного без всякого его повреждения (ранения или порчи шкуры) и вмешательство человека в жизнь песцового поголовья в целях регулирования его состава, размножения и пр. Задачей организации ловушек-кормушек является создание для животных постоянного места кормежки, где их не беспокоят враги и конкуренты, и одновременно обеспечение такой поимки животных, которая бы дала возможность определить после осмотра наиболее целесообразно его судьбу — отдать в промысел или же оставить в качестве производителя. При вольном разведении животных только эта система обеспечивает подбор на воле лучших производителей с полным изъятием из стада худших экземпляров. При применении ловушек-кормушек разрешается целый ряд важнейших задач песцового хозяйства: учет стада, уничтожение негодных и оставление на племя лучших производителей, регулирование полового состава стада, очищение его от больных животных и пр. Конечная эффективность этой системы зависит от пропуска через ловушки-кормушки всего поголовья животных путем надлежащего охвата всех промысловых угодий данного хозяйства.

Кормушки-ловушки применяются двух типов — дворниковые и домиковые. В первых животные кормятся в сетном дворике с настороженной дверцей, во вторых — на верхнем

этаже домика, откуда, нажимая пружину, проваливаются в нижнее помещение.

Ящичные ловушки представляют собою самоловы с дверцей, падающей при дергании за приманку; они безвредны для животного. Применяются они обычно при недостатке ловушек-кормушек или для лова очень диких песцов, которых нельзя заманить в ловушку-кормушку.

На 9 ухожах острова Медный расположено 9 дворико-вых ловушек-кормушек, 1 домиковая и 50 ящичных ловушек; на 18 ухожах острова Беринга — 18 дворико-вых, 4 домиковых ловушки-кормушки и 70 ящичных ловушек.

Заведующие ухожами тщательно изучают весь свой район — количество песцовых нор, их население, места питания животных, их навыки и пр. Подкормка начинается задолго до промысла и разбрасывается не только в самой ловушке-кормушке, но и по песцовым тропам, в разных направлениях от ловушки. Песцы скоро привыкают и начинают ежедневно посещать кормушку. Они сбегаются на свист сторожа или на звук топора, которым разрубается мясо, следуют за сторожем, когда он идет в кормушку, иногда приходят туда ранее и дожидаются его. На обоих островах наблюдались случаи, когда песцы поселялись в самом домике ловушки-кормушки и брали пищу из рук человека. Вообще в условиях островного массового хозяйства наблюдается очень быстрая приручаемость животных.

В результате постоянных наблюдений, задолго до промысла устанавливается точное количество животных, живущих на данной ухоже. После этого промысловая администрация определяет норму убоя и дает указания, сколько и где взять песцов, сколько из них взять в промысел и сколько выпустить в качестве производителей.

В назначенный день промысла дверки сетного дворика, которые до этого обычно открыты, настораживаются. В первой, наблюдательной комнате помещается у окна промысловик и держит веревку, соединяющую блок с опускной дверкой дворика. После скопления большого количества песцов в дворике, дверца осторожно опускается, и специальный ловец выходит во дворик и перегоняет животных из дворика через наблюдательную в приемную комнату. Затем песцы передаются по одному через окно в третью — экзаменационную комнату. Каждый из выловленных песцов подвергается здесь всестороннему исследо-

ванию — взвешиванию, определению возраста, оценке с точки зрения состояния его здоровья, качества меха и пр.

Все лучшие во всех отношениях экземпляры — здоровые, крепкие, молодые, с лучшим по качеству мехом — отпускаются на волю в качестве производителей. Предварительно они получают глистогонные средства и снабжаются особыми, разными у самцов и самок, метками, дающими возможность быстрого опознания их на воле.

Все отпущенные песцы регистрируются в промысловом журнале.

В промысел поступают больные, старые, малорослые, с различными физическими недостатками и мехом худшего качества животные.

Переносные самоловы — ящичные ловушки — применяются в тех ухожах, где нет ловушек-кормушек. Они расставляются по вечерам, а каждое утро происходит проверка и извлечение пойманных также без повреждения животных.

Совершенно изменены в интересах развития хозяйства и сроки промысла. Раньше, по давно установившейся традиции, добыча песца происходила всего 10 дней (в конце ноября — в начале декабря), что вызывало усиленную спешку, приводившую к нерациональному убою животных. С 1935 г. применяются, по примеру кольского песцового хозяйства, более длинные сроки промысла — 40 дней (с 20 декабря по 1 февраля), что значительно повысило качество продукции, вследствие возможности более тщательного отбора песцов не только по их физическому состоянию, но и по цвету и «выхоженности» меха.

Значительно повышено качество продукции и вследствие улучшения первичной обработки шкурки. С 1935 г. впервые введен в командорском хозяйстве всесоюзный стандарт на голубого песца, доведенный до каждого промысловика.

Многочисленные улучшения в песцовое хозяйство внесены в результате инициативы и изобретательности самих промысловиков — унанганов. Один из них, тов. Зотов, изобрел особый стол для клеймения песцов в экзаменационной комнате, другой сконструировал автоматические трубы для ловушек-кормушек и т. д.

Общее движение песцового поголовья на Командорских островах, размеры добычи и пропуск животных через ловушки видны из следующих данных:

Морской бобр (морская выдра, калан). Фото В. А. Гласс

Голубой песец. О. Медный.

Отгон котиков на убойную площадку. О. Беринга. Фото В. А. Гласс

Песцовое стадо Командорских островов

Годы	Количество песцов в стаде	Забой и вывоз живыми	Пропуск через ловушки (добыто и отпущено)
1923	1800	778	—
1926	2500	805	859
1927	2700	644	609
1928	2450	940	736
1929	2800	772	931
1934	2390	795	1137
1935	3400	535	1194
1936	3600	1218	1490
1937 (план)	6100	2615	—

Подавляющая масса «упромышленных» песцов (до 75%) добыта в последние годы при помощи ловушек-кормушек. Увеличивается также с каждым годом (и в абсолютных, и в относительных размерах) пропуск животных через ловушки, и в ближайшее время последними будет, видимо, охвачено все поголовье островов.

Рационализация лова разрешила и задачу скорейшего освобождения острова Беринга от белых песцов.[1] Добыча последних была разрешена в течение круглого года, причем поощрялась особыми премиями (25 руб. за живого и 20 руб. за убитого.) Отловленные в первые годы живыми, белые песцы частично поступали в промысел, частично отправлялись в качестве производителей в другие питомники Союза. С 1929 г. белых песцов не попадается.

Медленный до последнего времени и происходивший со значительными колебаниями рост песцового поголовья объясняется целым рядом причин. Неблагоприятно отразилась на его поголовье чрезмерная добыча первых лет, особенно на острове Медный, где добывалось до 300 песцов ежегодно. Наряду с большой рационализацией песцового хозяйства последнее в это время отличалось несомненной бесплановостью, что и вызывало несоответствие между размерами промысла и запасом животных. Официальные материалы подтверждают, что «до 1932 г. включительно производственных планов на острове Беринга не было».[2] Отлов 1932 г. был произведен «без учета реаль-

[1] См. выше, стр. 33.
[2] См. Паспорт (рук. № 4), стр. 2.

ных возможностей, причем часть предназначенной к вывозу живьем партии песцов (1 тыс. голов) погибла.[1]

Очень тяжело отражалась на росте поголовья систематическая до 1935 г. недостаточность питания животных. С середины лета, когда после получения приплода стадо увеличивалось в несколько раз, начиналась хроническая голодовка животных. Песцы пожирали друг друга, в желудках вскрытых животных находили много несъедобных веществ — песка, огрызков дерева, шерсти, веревки, морской травы, губки и пр. В 1935 г. впервые осуществлена круглогодовая подкормка. Большие заготовки кормов (вяленого мяса котиков, сивучей и разной рыбы — лососевых, трески, бычков, калашки), превысившие в три раза заготовки 1934 г., обеспечили производство подкормки в течение всего года. Это немедленно сказалось на состоянии стада, в первую очередь на размерах приплода, повысившегося в среднем с 2—3 до 5—6 щенков.

Очень неблагоприятно действует на развитие стада большая зараженность животных паразитами (аккилостомами и эхинококками), с которой ведется энергичная борьба.

Значительно усилившаяся в последние годы плановость в работе, применение круглогодовой подкормки и ряд других мер вызвали уже, видимо, перелом в состоянии песцового поголовья.

Наряду с вольным разведением песцов на Командорах организовано и клеточное звероводство. Основной задачей последнего является улучшение, на основе систематических наблюдений и опытов, породы командорских песцов и выпуск селекционированных производителей для повышения качеств основного, находящегося на воле стада. Первоначальные опыты увенчались значительным успехом, плодовитость животных в неволе выразилась в 4,6 голов, и командорский питомник занял первое место среди песцовых питомников Союза (Архангельского, Кильдинского, Сахалинского, Иркутского и др.).

В результате систематического наблюдения за стадом и вмешательства в его состав, убоя белых песцов и отбора производителей, повышения питания животных и пр., за пятнадцать лет социалистического хозяйства достигнуто не только значительное увеличение запасов песца, но и громадное улучшение племенных и пушных качеств стада.

---

[1] Там же, стр. 7.

В общей мировой добыче голубого песца (около 6 тыс. голов) командорское хозяйство дает около 20—25%, в продукции же СССР — около 97—98%.

Наряду с ежегодным товарным выходом пушнины, Командоры уже стали рассадником племенного материала для других питомников Союза. За десятилетие с 1925 по 1935 г. отправлено 124 пары производителей как в другие островные хозяйства Дальневосточного края (северные — острова Б. Шантар, Карагинские, Ольский, южные — острова Фуругельм и Попова) и других районов (острова Соловецкие и Кильдин), так и в материковые питомники СССР (Петропавловск Камчатский, Владивосток, Верхнеудинск, Якутск и др.). Лучшими производителями голубых песцов в СССР считаются песцы острова Медный.

По отзыву специалистов командорское песцовое хозяйство, уже давно рентабельное и дающее 60% всего валового дохода островов, поставлено лучше, чем образцовое американское хозяйство на Прибыловых островах.

Наряду с пушным звероводством — ведущей отраслью командорского хозяйства — на островах развивается ряд других подсобных отраслей. На первом месте по значению в островном хозяйстве следует поставить рыбную промышленность.

В настоящее время зверосовхозом производится добыча морской рыбы (преимущественно трески) как для внутренних нужд самого совхоза (для подкормки песцов и на корм собакам), так и для реализации.

Часть продукции поступает на внутреннее потребление островов для снабжения населения последних, а часть вывозится на материк.

Общие размеры добычи по двум островам достигают в среднем ежегодно около 90 тыс. штук трески, 70 тыс. красной рыбы и 10 тыс. судачков.

Производящийся в незначительных размерах морской зверобойный промысел (около 30 голов нерпы и 60 голов сивуча на обоих островах) имеет своей задачей увеличение ресурсов для подкормки песца.

Организована зверосовхозом и вытопка трескового, сивучего и котикового жира. В последние годы получили развитие некоторые из отраслей сельского хозяйства — овощеводство и животноводство.

Общие размеры посевной площади увеличились с 80 кв. м в 1926 г. до 0,75 га в 1934 г., 5,0 га в 1935 г.

и 5,5 га в 1936 г. Распределение посевов по культурам было в последние годы следующее (в га):

Культуры	1935 г.	1936 г.
Картофель	3,04	3,40
Капуста и проч. столовые и кормовые	1,96	2,10
Всего	5,00	5,50

В 1935 г. население островов получило на 1 едока по 71 кг картофеля и по 18 кг прочих овощей.

Распределение посевной площади между отдельными секторами следующее (в га):

Годы	Секторы	
	Предприятия и организации	Рабочие и служащие
1935	2,8	2,2
1936	2,9	2,6

Животноводство развито главным образом на острове Беринга, где домашний скот (коровы и свиньи) имеется не только в зверосовхозе, а почти у всего населения. Движение поголовья за последнее время видно из приводимых ниже данных.

Лошади и собаки содержатся только зверосовхозом на острове Беринга и используются в транспортных целях.

Значительная часть населения имеет свой творог, сметану

Поголовье на обоих островах

Годы	Виды домашнего скота				
	крупный рогатый скот	свиньи	куры	лошади	собаки
1926	57	87	68	—	235
1934	75	120	180	—	40
1936	82	183	264	2	46

и молоко. В 1935 г. выход продукции животноводства составил на 1 едока — 51 кг мяса и 74 л молока. Вследствие значительного роста поголовья рогатого скота, свиней и оленей (см. ниже), в том же 1935 г. оказалась разрешенной задача мясо-молочного снабжения острова за счет внутренних ресурсов, и с того же года завоз этих продуктов с материка впервые прекращен.

В качестве подсобной отрасли хозяйства зверосовхоза развивается и оленеводство. В 1927 г. на остров Беринга было завезено из Олюторского района Корякского национального округа 30 голов одомашненных оленей; для выпаса стада был нанят там же нымыллан (коряк). Природные условия острова (обилие ягельников, отсутствие хищников — врагов оленей, сильные ветры, сдувающие снег с ягельников и пр.) оказались очень благоприятными для развития оленеводства, и стадо значительно увеличилось в своих размерах.

Годы	Поголовье острова Беринга
1927	30
1931	83
1935	218
1937	300

Валовая продукция оленеводства (мясо и шкуры) достигает в настоящее время в ценностном выражении 8—10 тыс. руб. и является значительным подспорьем в хозяйстве островов.

Воскреснувшая народность

«Именно потому, что национально-колониальные революции произошли у нас под руководством пролетариата и под знаменем интернационализма, именно поэтому народы-парии, народы-рабы *впервые* в истории человечества поднялись до положения народов, *действительно* свободных и *действительно* равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира».

И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1936, стр. 189.

Параллельно с работами по восстановлению пушного хозяйства Командор, за истекшие годы революции (1923—1937) на островах проведена громадная работа по пере-

стройке производственных отношений, по общему советскому и культурному строительству, в результате которой положение унанганов изменилось до неузнаваемости.

В 1923 г. на островах были организованы 2 сельских комитета, а в 1924 г. туда был назначен специальный уполномоченный Камчатского окружного военно-революционного комитета.

В 1925 г. на каждом острове были созданы первые нормальные сельские советы, объединявшиеся волостным исполнительным комитетом на острове Беринга, а в 1928 г., по инициативе самого населения, был организован существующий и в настоящее время Алеутский национальный район.

Районным центром является селение Никольское на острове Беринга.

Все население островов составляло на 1 января 1937 г. 370 человек, в том числе временных жителей 61 человек — приезжие работники с семьями — и 309 унанганов, постоянных жителей островов.

Все взрослое мужское население с 1923 г. занято на работе в командорском зверосовхозе и в различных советских учреждениях и предприятиях островов. Вспомогательными источниками дохода являются производимые населением в свободное время промыслы — рыбный, морской (зверобойный), охота, сбор яиц и пуха диких птиц, сбор ягод и занятие сельским хозяйством.

Перед советской властью прежде всего стояла исключительно серьезная и ответственная задача — физическое спасение угасавшей на протяжении многих десятилетий унанганской народности. В первую очередь необходимо было, очевидно, добиться прекращения убыли и хотя бы стабилизации населения. Чрезвычайная сложность и трудность этой задачи объяснялась тем тяжелым наследием вековой колониальной эксплоатации, которое вызвало исключительно неблагоприятное, даже по сравнению со всеми другими малыми народностями севера, физическое состояние унанганов. При изолированном положении островов, приток посторонней крови в среду незначительного численно населения отсутствовал или был весьма скуден; браки, как говорилось выше, заключались обычно в замкнутой среде немногих семейств. Вековое обнищание и голодание вызвало очень сильную заболеваемость унанганов.

В результате систематического дурного питания и частого недоедания в условиях непосильного труда и неблагоприятной климатической обстановки островов, большинство населения страдало хроническими желудочно-кишечными и простудными заболеваниями.

Туберкулезом страдало, по дореволюционным данным, свыше 20% всего населения. Привыкшие к исключительно чистому, лишенному всяких бактерий, воздуху островов, унанганы, при общем ослаблении организма, оказались чрезвычайно подверженными всяким инфекционным заносимым болезням. Даже сравнительно неопасные болезни (грипп, корь) принимали на островах резко эпидемический характер и переносились очень тяжело. В результате убыль населения составляла за предшествующие советизации островов 33 года (1890—1923) свыше 40% первоначальной численности.[1]

Несмотря на весь комплекс самых разнообразных мер, принятых немедленно после советизации островов для ликвидации трагического дореволюционного наследства, положительных результатов удалось добиться сравнительно не скоро.

Приполярная перепись 1926—1927 гг. установила еще чрезвычайно неблагоприятные для движения населения показатели. На 100 женщин приходилось среди унанганов 118 мужчин. При общей рождаемости на островах в 41 человек на тысячу, рождаемость мальчиков составляла 43, а девочек 38, на 100 девочек рождалось 113 мальчиков. Смертность общая достигала 58, при смертности мужчин — 56 и женщин 61. Исключительно неблагоприятны были показатели смертности детей до 1 года: общая смертность достигала 64, при смертности мальчиков — 64 и девочек — 58. Все эти основные для движения населения показатели резко отличались от соответственных относящихся к тем же годам данных по РСФСР в целом (общая рождаемость — 46, общая смертность — 25, общая смертность детей до 1 года — 19).

В результате установленное переписью движение численности унанганов за два года показало продолжающуюся убыль населения:[2]

[1] См. выше, стр. 109.

[2] Данные переписи 1926—1927 гг. см. — Итоги переписи (№ 70), Поселенные итоги (№ 125).

1925 г.		1926 г.		Убыль за два года
родилось	умерло	родилось	умерло	
17	23	11	17	12

Неблагоприятными были и последующие (до 1935 г.) годы. Еще в 1931 г. при общей численности унанганского населения Командор в 309 человек, медицинскими учреждениями было зарегистрировано 3022 посещений больных, в том числе 2215 повторных. В том же году из 151 осмотренных больных оказалось 39 больных туберкулезом.[1]

Общая картина рождаемости и смертности за период 1923—1931 гг. рисуется в следующем виде:

Годы	Остров Беринга			Остров Медный			По обоим островам
	родилось	умерло	прирост	родилось	умерло	прирост	
1923	2	1	+ 1	2	3	— 1	0
1924	5	4	+ 1	4	4	—	+ 1
1925	6	16	— 10	4	3	+ 1	— 9
1926	5	14	— 9	8	13	— 5	— 14
1927	6	5	+ 1	11	7	+ 4	+ 5
1928	4	8	— 4	5	14	— 9	— 13
1929	6	15	— 9	4	9	— 5	— 14
1930	10	4	+ 6	2	7	— 5	+ 1
1931	5	12	— 7	6	13	— 7	— 14
Всего	49	79	— 30	46	73	— 27	— 57

[1] Все данные за последующий после переписи период (с 1927 г.) приведены по официальным данным Алеутского районного исполнительного комитета и Камчатского областного исполнительного комитета.

О. Беринга. Сел. Никольское

О. Медный. Сел. Преображенское

Рыбный запор на р. Саранная. О. Беринга

Охотник-унанган на скалах. О. Арий камень. Фото В. А. Гласс

Хотя отдельные несколько лет и показывали стабилизацию или даже прирост населения, но в общем убыль последнего продолжалась.

И только в последние годы (1935—1937) наступил, наконец, столь давно ожидавшийся перелом — сначала стабилизация, а затем и некоторый прирост населения.

Движение всего населения Командорских островов за эти годы видно из следующих данных:

Острова	Мужчин	Женщин	Всего	Рождаемость	Смертность	Прирост
			На 1 января 1935 г.			
Беринга	121	110	231	13	6	7
Медный	71	65	136	9	2	7
Всего	192	175	367	22	8	14
			На 1 января 1936 г.			
Беринга	116	109	225	8	3	5
Медный	74	53	127	3	1	2
Всего	190	162	352 [1]	11	4	7

Движение общей численности унанганов со времени советизации островов представляется в следующем виде:

Годы	Численность	Годы	Численность
1923	364	1935	306
1927	343	1936	306
1932	271	1937	309

Эти приводимые официальными источниками показатели несомненно преуменьшены, так как ими систематически не учитывается, по нашим наблюдениям, механическая убыль унанганов, которая достигает иногда довольно значительных — при общей небольшой численности народности — размеров. Так, уже в 1926 г. несколько молодых унанганов училось на материке (во Владивостоке, Николаевске на Амуре и в Ленинграде), а перепись 1926—

[1] Уменьшение населения на островах с 367 до 352 объясняется выездом части жителей на материк. Всего с 1935 г. выехало 29 человек.

1927 гг. установила, что 15 унанганов проживало постоянно в других районах Камчатской области (Карагинском, Усть-Камчатском и в городе Петропавловске). В 1928—1929 гг. 12—13 семейств унанганов (28—29 человек) переселились сначала на Ольский остров, а затем на Шантарские острова (Б. Шантар и остров Феклистов) во вновь организованные звероводческие хозяйства. Часть из них переехала впоследствии на материк (Владивосток и Николаевск на Амуре) и вернулась обратно на Командоры, а 5 семейств (12—15 человек) остались на Шантарских островах. Такие же переселения имели место и в последующие годы — на остров Карагинский и на учебу (6 человек в 1931 г.). В 1936 г. 5 унанганов проживало в Петропавловске Камчатском. Общее количество унанганов составляет в 1937 г. по самым минимальным подсчетам 350—360 человек.

Отмеченный нами выше перелом в движении унанганской народности был достигнут в результате многолетней борьбы за спасение угасавшей народности, ведшейся на основе коренного улучшения всей жизненной обстановки населения островов и в первую очередь его материального положения.

Материальное положение унанганов улучшилось уже в первые годы советизации островов. Первоначальная пайковая система обеспечивала население всеми предметами первой необходимости. Оплата труда унанганов, раскрепощенных от многолетней эксплоатации арендаторов, производилась тогда по особой тарифной сетке, соответственно квалификации промысловиков. Переход к премиально-сдельной оплате значительно повысил заработки населения. Значительный рост производительности труда, достигнутый в последние годы на основе широкого развития на островах новых форм социалистического труда, проведения бригадных методов работы и доведения производственных планов до каждой бригады, сильно повысил заработок унанганов. Так, среднемесячный заработок за первые 8 месяцев 1935 г. составлял 266 руб. против 217 руб. в 1934 г. (рост на 22%).

Ликвидация хищнической торговли арендаторов и организация на островах нормальной советской торговли сыграли также большую роль в улучшении материального положения населения. Ассортимент завозимого снабжения состоит из действительно нужных для населения товаров

(продуктов питания, товаров широкого потребления и культтоваров), причем цены на них строго нормированы. В результате увеличивающейся с каждым годом покупательной способности населения наблюдается и систематический рост завозимого на острова количества товаров. Последнее составляло в ценностном выражении 271,3 тыс. руб. в 1931 г., 275 тыс. руб. в 1933 г., 297 тыс. руб. в 1935 г. и 400 тыс. руб. в 1936 г.

Благодаря техническому перевооружению промыслового населения (снабжению его хорошими морскими шлюпками, винчестерами, дробовыми ружьями и поддевами), значительно повысилась продуктивность подсобных отраслей хозяйства (рыболовства, морского и охотничьего промысла). Начинает играть заметную роль в бюджете унанганов и развивающееся сельское хозяйство.

Это значительное повышение материального уровня населения сопровождалось грандиозным — в условиях Командор — жилищно-бытовым и социально-культурным строительством.

С первых лет советизации и до настоящего времени производится на островах строительство новых домов для населения и различных коммунальных предприятий. В 1935 г. закончено сооружение семи новых жилых домов, в результате которого жилая площадь на одного человека увеличилась с 4,2 (1923 г.) до 6,6 кв. м. Выстроены общественные столовые, бани, хлебопекарни, клубы и больница. В Октябрьскую годовщину 1934 г. пущена в ход на острове Беринга первая электростанция.

Исключительное внимание уделено на островах работе по здравоохранению. На острове Беринга работает больница с родильным покоем и амбулаторией. Остров Медный обслуживается фельдшерским пунктом с амбулаторией и выезжающим туда с острова Беринга несколько раз в год врачом. Население привыкло к регулярной медицинской помощи, роды происходят уже только в больнице, а значительно повысившийся общий культурный уровень унанганов, приобретение ими санитарно-гигиенических навыков сильно облегчили борьбу с заболеваемостью. Работавшая на островах в течение последних трех лет (1933—1936) врач Веселова сообщает нам о громадном улучшении физического состояния унанганов. Специфические свойственные им заболевания — туберкулез и ревматизм — значительно снижены или ликвидированы. Особенно боль-

шое снижение туберкулеза достигнуто на острове Беринга, где осталось лишь 3 больных с активными формами процесса; на острове Медный такая же форма наблюдалась только у одного больного. Активная форма с кровотечениями ликвидирована совершенно. В результате смертность от туберкулеза, уносившая раньше ежегодно десятки жертв, составила за последние три года только 4 случая. Ревматизм наблюдается не в резкой, острой форме, а только во время производства промыслов.

Значительно повысилась рождаемость на островах. Раньше наблюдалось в среднем 9—10 рождений в год, а последние годы дают 16—17 рождений. В 1936 г. имел место давно небывалый случай рождения двойни, а в 1937 г. получили пособие по многодетности первые унанганки Степная и Бадаева, имеющие по семи детей.

Исключительной заботой со стороны всех советских организаций окружены на островах дети. На обоих островах организованы ясли, работающие 6 месяцев в году. С 1935 г. открыты детские площадки. Проведенное улучшение детского питания, непрерывный медицинский надзор и помощь и прочие мероприятия сильно снизили заболеваемость и смертность детей. Еще в 1935 г. учительница Кулагина отмечала, что из 48 учеников было найдено только 3 здоровых, все остальные были больны туберкулезом, страдали сердечными и желудочными заболеваниями. Детская смертность достигала на островах в годы переписи (1926—1927), как уже указывалось, — 64 на 1000. По сообщению того же врача тов. Веселовой, туберкулез легких и желез среди детей теперь ликвидирован полностью, есть три случая заболевания костным туберкулезом (два на острове Беринга и один на острове Медный). Среди школьников в 1936 г. не наблюдалось никаких заболеваний. Смертность среди детей упала до ничтожных размеров: в 1934 г. было 3 случая смерти от эпидемических заболеваний и один — от туберкулеза.

Школьная сеть Командор состояла из двух школ 1 ступени, одна из которых, на острове Беринга, была двухкомплектная. В настоящее время школьники острова Медный переведены в школу на острове Беринга, интернат которой значительно расширен. Все дети школьного возраста на обоих островах охвачены школой. По всем своим показателям командорская школа является одной из лучших во всей Камчатской области, и громадная заслуга в этом

принадлежит педагогическому персоналу командорской школы, часть которого работает на островах бессменно в течение многих лет. Учителя школы ведут одновременно и большую общественную работу. Так, они явились инициаторами в развитии на островах огородничества, в установлении тесной производственной связи между школой и промысловым хозяйством и пр.

В результате хозяйственного, коммунального и социально-культурного строительства на островах неузнаваемо изменилась вся жизнь унанганов.

Население живет в настоящее время в новых, выстроенных звероводческим совхозом, домах, состоящих из нескольких квартир, чистых, светлых и гигиеничных.

Питание населения значительно улучшилось и состоит, кроме старого ассортимента, из молочно-мясных продуктов и разнообразных привозимых на острова пищевых продуктов. Унанганы перешли полностью на европейскую одежду; единственным остатком старого обихода является прозодежда собственного производства, применяемая на промыслах (торбаза, штаны, рубахи и рукавицы из кожи, пищевода и кишек сивуча). В результате повышения покупательной способности значительно увеличилось приобретение различного рода предметов домашнего обихода и культтоваров.

Культурный уровень унанганов чрезвычайно повысился. Уже перепись 1926—1927 гг. установила исключительно высокие среди отсталых северных народностей показатели грамотности унанганов: 71,2% мужчин и 64,0% среди женщин (отношение количества грамотных ко всему населению в возрасте 8 лет и выше). В последующие годы Алеутский национальный район стал единственным во всей Камчатской области и на всем севере РСФСР районом сплошной грамотности. За исключением немногих женщин и стариков, все унанганы умеют хорошо читать и писать. В 1936 г., во исполнение директив XVII партийного съезда о ликвидации неграмотности во втором пятилетии, на каждом из островов организовано по две школы, которые должны в течение 1936—1937 гг. ликвидировать малограмотность и неграмотность среди унанганов (17 человек). Для промысловиков, занятых на производстве, организованы занятия на ухожах.

Общественная жизнь бьет ключом на Командорах. Посещаемость клубов, красных уголков, библиотек — огромна.

Происходят почти ежедневно собрания общественных организаций, работает много вечерних курсов и кружков, постоянно проводятся беседы на политические и общеобразовательные темы. К культурно-просветительной работе привлечены все приезжие работники. Врачом проводятся циклы лекций и занятия по общей гигиене, санитарии и подаче первой помощи.

Мощная радиостанция, сооруженная уже в 1923 г. и обеспечивающая постоянную радиосвязь как с материком, так и между обоими островами, несравненно более частые посещения островов различными судами положили конец вековой изолированности Командор по отношению к материку.

Уже в 1927 г. три четверти всего населения островов участвовало в различных общественных организациях. Зимовавшая в 1930—1931 гг. на Командорах сотрудница Академии наук СССР Е. Ф. Гурьянова, говоря о населении островов, пишет следующее: «Большая часть населения, как мужчин, так и многих женщин, — члены коммунистической партии и, являясь подлинными энтузиастами советского строительства, принимают горячее участие в деле поднятия промыслов, выступают на производственных совещаниях, чутко откликаются на все политические события и ведут большую общественную работу».[1]

Высокая сознательность унанганов проявляется, между прочим, в огромной активности населения во всех проводимых на островах кампаниях. Все подписки на государственные займы покрываются на Командорах досрочно, и Алеутский район давно уже держит переходящее знамя Камчатского областного исполнительного комитета. Подписка на заем 1936 г. (выпуска четвертого года «Второй пятилетки») была закончена в два дня, дав 151% плана.

В результате значительного повышения культурности унанганов ликвидируются среди них последние остатки колониального наследства — дурные привычки и предрассудки. Почти ликвидировано укоренившееся среди населения «зюндоварение» (приготовление самогона из папоротника, ягод, хмеля и сахара). Почти полностью ликвидирована религиозность, еще не так давно очень сильная на островах. Обе церкви закрыты по инициативе населения;

[1] См. Гурьянова (№ 42), стр. 188.

осталось среди всех унанганов лишь несколько верующих стариков и старух.

С 7 ноября 1935 г. на острове выходит регулярно районная печатная газета «Алеутская звезда»; кроме того, на промыслах и в организациях выходит несколько стенных газет, среди которых выделяются по своему качеству школьные газеты «Дружные ребята» и «Молодая гвардия».

Видное место занимают в общественной жизни спорт и искусство. На островах организованы хорошие спортивные площадки, постоянно происходят состязания в стрельбе, в плавании на шлюпках, в лыжном беге. Активное участие принимают унанганы — и взрослые и дети — в драматическом и музыкальном кружках. Спектакли ставятся несколько раз в месяц. Отличающиеся прекрасным музыкальным слухом унанганы очень любят игру на струнных инструментах и пение. Возрождаются забытые национальные песни, танцы и игра на национальном инструменте «чаях».[1] Школьники отличаются большой способностью к рисованию; между ними возрождается известная в свое время художественная резьба по дереву и по камню.

Совершенно изменилась еще недавно такая отсталая женщина унанганка. Почти все женщины организованы и принимают участие во всех культурно-просветительных начинаниях и в общественной работе в школе, в сельсовете, занимаются в ликбезе и пр. Школу малограмотных и неграмотных посещают даже старухи. Многие женщины учатся на санитарных курсах, курсах кройки и шитья и пр. Значительная часть бывших домашних хозяек втянута уже в производство. На промыслах работают женские бригады по разделке и обработке рыбы и по заготовке мяса морских животных; участвуют женщины и в общепромысловых бригадах.

Руководителем всего социалистического строительства на Командорах является партийная организация островов, одна из старейших на всем Дальнем Востоке. Организовалась ячейка на острове Беринга еще в 1918 г. Во время хозяйничанья в Приморье белогвардейского правительства Меркулова, унанганы острова Беринга, руководимые партийной организацией, ожидая прихода белобандитских су-

---

[1] «Чаях» — барабан из сивучей кожи с тремя натянутыми струнами из жил кита.

дов, уходили в сопки и с оружием в руках следили за подходящими к берегам судами. Унанганы, видевшие в белогвардейцах таких же смертельных врагов, как и в хищниках-японцах, и «...показавшие и в прошлых веках своей жизни неукротимую волю к борьбе за национальную свою независимость, к борьбе со всеми эксплоататорами»,[1] твердо решили не пускать на родные острова белогвардейцев. Только убедившись в том, что судно не имеет каких-либо военных заданий, они спускались с гор и принимались за разгрузку судна. Партийная организация ВКП(б) насчитывала в 1928 г. 61 члена партии (56 на острове Беринга и 5 на острове Медный). Более молодая, возникшая в 1924 г., комсомольская организация — 36 членов. В 1932 г. партийный и комсомольский состав составляли уже 35% всего взрослого населения островов.

За истекшие годы созданы уже на островах многочисленные квалифицированные национальные кадры. В районном исполнительном комитете работают исключительно унанганы, в том числе 1 женщина.

Сельский актив вовлечен в работу двух секций — культурно-просветительной и торгово-кооперативной. Технические кадры, получившие квалификацию на организованных звероосовхозом курсах по звероводству и по техническим наукам, обеспечили местными работниками промыслы, плавучие средства, электро- и радиостанцию. В школах и ликбезах работают учителя унанганы. Командорский комсомол послал много своих членов в областную совпартшколу, в техникум, в вузы и в Институт народов севера.

Громадное развитие получили в последние шесть-семь лет на островах новые социалистические формы труда. Уже в 1930 г. социалистическое соревнование охватило песцовые промыслы. Заведующие ухожами, бригады и отдельные промысловики соревновались друг с другом в лучшем проведении подкормки и наблюдений над животными, в выполнении планов добычи и в лучшем качестве обработки шкурок.

Исключительным энтузиазмом встретили унанганы возникновение стахановского движения. Промышленники унанганы — партийные и беспартийные большевики, которые явились инициаторами стахановского движения на

[1] См. Ц. О. «Правда», № 231 от 22 августа 1937 г., передовая.

Год издания
первый

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
[illegible]

7 ноября
1935 г.
№ 1

АЛЕУТСКАЯ ЗВЕЗДА

Орган Алеутского РК ВКП(б), РК ВЛКСМ, РИК'а и Райпрофсовета

ДАЗДРАВСТВУЕТ 18 ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОИ ПРОЛЕТАРСКОИ РЕВОЛЮЦИИ В СССР!

ДАЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВО ВСЕМ МИРЕ!

Алеутский национальный район к 18-му Октября

Материальным выражением политики и руководства партии являются огромные достижения пролетариата нашего великого Союза ССР на экономическом и политическом фронтах, нерушимый все укрепляющийся союз национальностей народов СССР. И на наших островах, на крайней восточной окраине Союза, трудящиеся Алеутского национального района к 18 Октябрю приходят с значительными достижениями.

Производственные планы по району выполнены:

по песцу—107 проц., по котикам—11? проц.; по заготовке рыбной продукции на вывоз—113,6 проц., по заготовке кормов для песцов—104 600 штук или 103 проц., что дает рост против 1934 года в три раза; впервые осуществлена круглогодичная подкормка песцов, уход за молодняком летом, что дало возможность выявить приплод в среднем по островам 5,6 на одну пару песцов, против практических цифр прошлых лет 2–3.

В результате полного освоения капиталовложений в 1934–35 г. г. в сумме свыше 300 000 рублей, селения островов Беринга и Медного (Никольское и Преображенское) изменили свое лицо: вместо небольших дощатых домишек, наследия ушедшего хозяйствования капитализма, выросли большие двухквартирные, светлые, просторные дома 5 по о. Медному и 3 по о. Берингу, с общей жилплощадью 450 кв. метров. Расширяется электросеть в селении Никольском. Освещается 200 лампочек против 90 лампочек в 1934 г.

Выстроены две пекарни, две бани, два засольных сарая, две юрташки, две кормушки ловушки, переделаны три квартиры в семь юрташек капитально отремонтированы, оштукатуренные под лозунгом: „сделаем юрташки для промышленников светлыми, чистыми и уютными". Отремонтированы склады, мосты, амбулатория, устроены и оборудованы столовые на о. Медном и капитально отремонтированы ряд сооружений.

Развивается животноводство. План роста по рогатому скоту перевыполнен. Растет оленье стадо. Дав приплод только в текущем году 66 голов молодняка. В результате роста животноводства мясная и молочная проблемы на островах разрешены. Острова в текущем году совсем отказались от завоза мяса с материка.

Впервые на Командорских островах проведены опыты посева в широком масштабе картофеля и турнепса. Посеяно 5,2 га. Результаты урожая на хорошо сработанных участках, давшие сам 5–6, с очевидностью показывают возможность создания своей собственной островной базы и тем навсегда отказаться от завоза овощей с материка.

За последний год значительно поднялась производительность труда. Как результат широкого участия в соцсоревновании, ударничестве и как результат внедрения премиально-поощрительной системы оплаты труда и проведения бригадных методов в работе с доведением производственных планов до бригад, среднемесячная зарплата рабочих за 9 месяцев выросла до 266 рублей против 2?? рублей в 1934 г. или рост 22 проц. Улучшилось снабжение. Завоз топлива, горючего и товаропродуктов в текущем году выражается суммой 400 тыс. рублей против 157 тысяч в 1934 году.

Единственное хозяйство островов—Зверосовхоз „Командор" из убыточного стал хозяйством высоко рентабельным, впервые за ряд последних лет дал на первое января 1935 года 760 тысяч рублей прибыли, выходит с лучшими результатами в 1935 году.

Наряду с экономическим ростом, район имеет несомненный рост и на культурном фронте. Растет активность масс, как результат вовлечения широких масс населения в советское строительство, в общественную и производственную жизнь островов. Алеутская молодежь стремится к свету, к получению знаний, стремится в высшие школы. В текущем году отправлены на материк 13 человек, из них 2 человека в Москву—в пушной институт. В хорошо построенной школе обучается 42 человека детей, где дети имеют горячие завтраки. Школа всеми необходимыми учебниками и учебными пособиями полностью обеспечена. Имеется интернат для 23 детей школьников с полным пансионом. [illegible] культурное хозяйство островов. Впервые в текущем году открыт на о. Беринга ветсад.

Алеутский район досрочно перевыполнил план подписки на заем Третьего года Второй пятилетки и держит в своих руках переходящее Красное знамя Камчатской области.

Таковы результаты нашего островного роста района, с которыми мы приходим к 18-му Великому Октябрю.

Эти достижения есть результат умелого руководства коммунистической партии, результат неусыпной помощи, оказываемой островам Крайкомом партии и Камчатским обкомом партии и как результат активной борьбы трудящихся островов за островное хозяйство и мобилизацию своих сил вокруг решений XII съезда партии.

Но не мало у нас и крупных недостатков. Неудовлетворительно прошел промысел котиков (58 проц. [illegible]), плохо прошла подвозка, слаба трудовая дисциплина, отстает производительность труда и т. д.

Наши задачи в дальнейшем, на учете всех наших ошибок и достижений, по новому строить работу, поднять производительность труда, улучшить качество, как залог дальнейшего улучшения материально-бытового положения трудящихся Алеутского района.

Районное партсобрание

27 октября с. г. закончилось Районное партийное собрание, на котором присутствовали все коммунисты района. С большевистской критикой собрание отметило недостатки в работе парторганизации.

По докладу т. Антисова—очередные задачи районной парторганизации собрание приняло резолюцию о перестройке и усилению партийно-организационной и политико-воспитательной работы.

Резолюция принята в соответствии с указаниями ЦК в части о перестройке парработы, решения IV пленума Дальрайкома партии, по докладу Владивостокского горкома и IV пленума Камчатского обкома партии.

По докладу парторга о. Медный т. Ладыгина С. собрание отметило слабую работу парт группы, нарушение партдисциплины коммунистами, отсутствие политико-воспитательной работы.

Собрание постановило усилить руководство парторганизации и указало пути налаживания работы.

(Продолжение см. на 3 стр)

Газета «Алеутская Звезда»

островах и широко внедряли его в массы промысловиков, стали известны далеко за пределами своего района. Договоры о социалистическом соревновании были заключены уже между промыслами обоих островов — Беринга и Медного. В ответ на речь тов. Сталина о значении стахановского движения была организована стахановская бригада имени тов. Сталина, которая вывела из длительного прорыва промысел в ухоже Риф-Ключи. Для летней работы на отстающих ухожах образовалась сквозная комсомольская бригада. Стахановский трехдневник в память Ленинских дней в 1936 г. сменился стахановским месячником, проведенным на островах с 5 мая по 5 июня того же года.

В результате такого трудового подъема из года в год выполняются с превышением производственные программы островного хозяйства. Все планы по острову Медный за 1933—1935 гг. выполнены свыше чем на 100%. По острову Беринга план по песцовому промыслу выполнен на 107%, по заготовке рыбы — на 116%.

Годовщина стахановского движения была встречена на островах новым производственным подъемом. Планы по основным промыслам были выполнены унанганами досрочно и со значительным превышением. На этих главных участках лучшие промысловики работали подлинно по-стахановски и дали пушнину высокого качества. В результате этого были введены в 1936 г. новые методы по обработке шкур, которые дали возможность многим промышленникам выполнять нормы выработки на 300—400%.

Этой работой унанганов в послереволюционные годы был дан должный ответ на грубо шовинистическую клевету о лени, инертности и неуменье работать унанганов, клевету, которая, к сожалению, иногда просачивалась контрабандно и в советскую литературу. Унанганы проявляют исключительную волю к труду, к тому напряженному и опасному в командорских условиях труду — на промыслах, на разгрузке пароходов на рейде во время штормов, — который граничит с героизмом. Случаи гибели на промыслах редки, но - опасности, порою смертельные, — от обвалов снежных лавин и камней, от штормов, сбрасывающих людей с сопок, от жестокой пурги, — подстерегают промышленников на каждом шагу.

Унанганы дали много знатных людей, лучших сынов островов не только в области производства. Движимые горячей любовью к своему великому социалистическому оте-

честву, воскресившему угасавшую на краю советской земли народность, они добровольно встали на охрану границ своей родины.[1] Вспоминая до сих пор постоянные столкновения с японскими хищниками в дореволюционный период, они и в настоящее время видят в этих хищниках, подрывавших основной источник их существования, злейших врагов и особенно остро чувствуют военную угрозу, нависающую над пограничными тихоокеанскими водами. Вот почему командорские унанганы послали своих лучших сыновей в славный Камчатский ордена Ленина пограничный отряд. Вскрытие притаившихся врагов народа, подонков разбитых эксплоататорских классов — японо-германских фашистских агентов, троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, шпионов, диверсантов и убийц — усилило бдительность унанганов и их стремление стать в ряды защитников своей родины.

Великую Сталинскую Конституцию жители Командор встречают на исключительном подъеме. Забытая, брошенная на произвол судьбы окраина царской России стала неразрывным куском великой Советской земли. Социалистическое хозяйство островов находится в полном расцвете. Вымиравшие «зависимые инородцы» пережили полное возрождение, стали активными и сознательными участниками великой социалистической стройки и полностью приобщены к новой советской культуре.

---

[1] Малые народы севера Союза освобождены специальным постановлением Советского правительства от военной обязанности.

КАРАГИНСКИЕ ОСТРОВА

Острова Карагинские расположены в Беринговом море, в северных водах восточного побережья полуострова Камчатка, против перешейка, соединяющего Камчатку с азиатским материком. К этим островам относятся Большой остров Карагинский и лежащий к северо-западу от него остров Верхотуров (или Малый Карагинский остров). В административном отношении острова входят в Карагинский район Корякского национального округа.

От восточного побережья Камчатки Карагинские острова отделены одноименным проливом Берингова моря, расположенным к западу от линии, соединяющей два входные мыса — Озерной на юге и Говена (на одноименном полуострове) на севере. Часть Карагинского пролива, прилегающая непосредственно к материку, называется пролив Литке. Среди многочисленных бухт и заливов Карагинского пролива выделяется как удобная стоянка губа Карага, омывающая восточный берег самой узкой и самой низменной части полуострова Камчатка. Губа эта защищена от всех ветров и от океанской зыби, которая не доходит до Караги благодаря лежащему вблизи от нее, параллельно берегу материка, острову Карагинский.

Природные условия и естественные ресурсы

Остров Карагинский лежит между 58° 21′ и 59° 15′ сев. шир. и 163° и 164° вост. долг. от Гринича[1], против губы Карага, и отделен от материка проливом Литке.

[1] На острове определены следующие астрономические пункты: на южной оконечности — 58°28′ сев. шир. и 163°32′ вост. долг.; на северной оконечности — 59°13′ сев. шир. и 164°40′ вост. долг. от Гринича (экспедицией Литке в 1828 г.); в губе Ложных вестей на кошке — 59°00′24″,3 сев. шир. и 163°43′20″,4 вост. долг. (экспедицией Жданко в 1906 г.); там же — 59°0′1″,6 сев. шир. и 163°41′24″,2 вост. долг.; на мысе Плоский — 59°10′39″,2 сев. шир.

Проливом Литке является часть Карагинского пролива, заключенная между линиями мыс Озерной (на материке) — мыс Крашенинникова (на острове Карагинский) на юге и мыс Голенищева (на том же острове) — мыс Ильпинский (на одноименном полуострове) на севере. Южная и северная части пролива Литке почти одинаковой ширины — от 25 до 40 морск. миль. Средняя часть пролива, между почти параллельными берегами материка и острова, имеет около 30 морск. миль ширины, которая сокращается в самом узком месте пролива, близ середины острова (между мысом Кузьмищева на материке и мысом Семенова на острове), до 16 морск. миль. Длина пролива Литке, обусловленная протяжением острова Карагинский, достигает 55 морск. миль. Камчатское побережье пролива, лежащее севернее 59° параллели, изрезано многими бухтами и заливами, а островное имеет только одну укрытую бухту — губу Ложных вестей. Зимою в проливе Литке скапливаются пловучие льды, находящиеся все время в состоянии движения. Северные ветры нагоняют льды в пролив, а южные выталкивают их оттуда. Смена ветров происходит при этом так часто, что выбрать удобный момент для сообщения между материком и островом очень трудно. Только в исключительно суровые зимы, как, например, в 1930/1931 г., пролив целиком замерзает и делает возможным сообщение по льду. Нормально навигация протекает тут с июня по ноябрь.

Возвышенный и вытянутый по направлению с юго-запада на северо-восток остров Карагинский напоминает своими общими очертаниями — удлиненной формой с расширенной северной частью — рыбу, «голова» которой обращена к северо-востоку, «хвост» к юго-западу, а «спина с плавником» — коса у губы Ложных вестей — к материку. Начинаясь на севере узким выступом, остров постепенно расширяется в середине, достигая здесь ширины 50—60 км, затем постепенно суживается в юго-западном направлении. На расстоянии около 15 км от его южной оконечности восточный и западный берега максимально сближаются и образуют низменный узкий перешеек, менее 2 км шириною. Далее к югу остров снова расширяется. Южная

и 164°20′59″,7 вост. долг.; на острове Птичий — 58°51′12″,9 сев. шир. и 164°27′18″,9 вост. долг. и на северо-западной косе — 58°33′44″,8 сев. шир. и 163°23′14″,0 вост. долг. (экспедицией Б. В. Давыдова в 1920 г.).

часть острова, лежащая к югу от перешейка, выдается в море узким полуостровом в форме прямоугольного треугольника и заканчивается острым клином — мысом Крашенинникова.

Общее протяжение острова Карагинский от крайней южной точки — мыса Крашенинникова до крайней северной — мыса Голенищева — составляет 111 км; максимальная ширина — между мысом Семенова (на западном побережье) и мысом Низкий (на восточном побережье) — 60,5 км. Территория острова — свыше 2000 кв. км.

По своему рельефу — возвышенному и изрезанному — остров Карагинский напоминает Камчатку. Главный хребет острова начинается у мыса Голенищева на севере и пересекает остров в юго-восточном направлении к середине восточного побережья. Тянется он почти на всем протяжении острова. Достигнув восточного побережья, хребет этот направляется вдоль берега к югу, постепенно снижается и подходит к перешейку в виде холмов, сливающихся затем с низменностью. Этот, крутой и лишенный растительности, хребет служит главным водоразделом многочисленных рек и речек острова, впадающих в океан на восточном и западном побережье. Наибольшие высоты главного хребта, расположенные в центральной части острова, составляют около 900 м. Самая высокая точка — сопка Саконаваль (960 м). В южной части острова, недалеко от восточного побережья, лежит сопка Удобная (730 м), к северо-востоку от нее сопка Туманная (895 м) и к северу от последней — сопка Острая (835 м).

По обе стороны главного хребта идут многочисленные кряжи меньшей высоты.

Несмотря на общую свою гористость, остров разделяется по устройству поверхности на две резко отграниченные главным хребтом части — восточную возвышенную и западную низменную. Пространство к востоку от главного хребта, там, где расстояние между ним и берегом значительно, заполнено параллельно идущими менее высокими кряжами. В юго-восточной части острова возвышенности подступают к самому берегу и в большинстве случаев выдаются в море высокими крутыми мысами. Низменны тут только некоторые мысы, покрытые растительностью тундрового характера, но спускающиеся к морю все же довольно круто, и южный перешеек острова. От перешейка к южной оконечности (мыс Крашенинникова) снова по-

являются покрытые тундрой холмы до 210 м высотою. Западная часть острова образована более пологими склонами главного хребта, отступающего здесь от моря, и имеет значительно менее пересеченный рельеф. Между подошвами возвышенностей и линией побережья лежит ровное тундровое пространство, спускающееся к морю низменностями, среди которых лишь в некоторых местах высятся утесы от 15 до 30 м высоты.

Устройство поверхности острова Карагинский обусловило и различный характер его побережий. Характер этот, имеющий большое значение для мореплавания, отмечен еще первыми исследователями острова — Литке и Постельсом в 1828 г.,[1] указавшими, что «оба противоположные берега острова совершенно отличны в отношении наружности».[2]

Крайней южной точкой острова является мыс Крашенинникова, которым заканчивается безыменный полуостров. Дальше к северу на западном побережье, почти на половине расстояния от мыса Крашенинникова до мыса Голенищева, от берега отходит длинная коса (кошка), заканчивающаяся мысом Семенова. К северу от последнего выступает в море дальше всех других мысов этой части побережья мыс Плоский. Севернее этого мыса берег (до мыса Голенищева) изрезан очень слабо, и здесь можно отметить только мыс Пропущенный. Мысом Голинищева, скалистым и острым клином, конечной северной точкой выхода к морю главного хребта острова, заканчивается его западное побережье.

За мысом Голенищева расположены последовательно мысы Горбатый, Низкий, крайняя восточная точка острова Карагинский, Кекурный, Напрасный и Ровный. На расстоянии около 8 км к западу от мыса Ровный у самого берега лежит небольшой островок Птичий, еще недавно составлявший, вероятно, одно целое с островом Карагинский. Безлесный и покрытый густой травой островок изобилует птицами — чайками, бакланами и арами, образующими здесь громадные птичьи базары.

Перед перешейком, самой узкой частью острова, расположены на восточном побережье мысы Южный, Тонс и на южном треугольном отростке — мыс Слюнина. Заканчивается это побережье, как уже говорилось, мысом Крашенинникова, выступающим к югу острым углом.

---

[1] О Литке и Постельсе подробнее см. стр. 155.
[2] См. Литке (№ 91), ч. 2, стр. 135 и ч. 3, стр. 69.

Возвышенная восточная часть острова недоступна не только с моря, но и с суши, из внутренних его районов. Так, при перекочевках в некоторые годы животных (медведя, лисицы, горностая) на восточное побережье, местные охотники не ходят туда на промысел, считая эту часть острова недоступной.

Остров Карагинский, в сущности, совершенно лишен необходимых для навигации бухт и заливов, за исключением единственной бухты — губы Ложных вестей.

Несколько севернее 59°, почти на середине западного побережья, от острова выступает в море в юго-западном направлении несколько вогнутая к северу узкая и длинная коса, заканчивающаяся круто падающим в море мысом Семенова. В этом месте лежит самая узкая часть пролива Литке, достигающая между мысом Семенова и материком ширины в 15 морск. миль. Губа Ложных вестей лежит непосредственно к югу от кошки и образована этой кошкой и берегом острова. В северо-восточном углу губы, в месте соединения ее с берегом острова, лежит внутренняя лагуна.

Приливно-отливные течения в карагинских водах не отличаются силой. Скорость их достигает 1—1,5 морск. миль в час и увеличивается по мере приближения к берегу. Обычная высота приливов — 0,9—1,2 м, в губе Ложных вестей — 1,8 м; при сильных осенних ветрах она достигает 2,4 м и более.

Остров Карагинский богат внутренними водами. Направление и характер речных систем острова обусловливаются размещением его хребтов. Реки восточного и северо-восточного побережья из-за близости водораздельных хребтов сравнительно коротки по своему протяжению и вскоре после истоков приобретают горный характер. В бассейнах этих рек болот мало. На юго-восточной стороне острова постоянно встречаются реки, ручьи и водопады, стекающие между гор по многочисленным и глубоким расщелинам и ущельям. Не менее многочисленны мелкие бассейны и реки на западном побережье острова, достигающие в устье глубины — 1,5—1,8 м.

Самая большая река острова — Унунну-уаям (Унуннуаэм), впадающая в пролив Литке южнее губы Ложных вестей. Ее нымылланское (корякское) название означает «река половинная», так как река эта делит остров на две половины — южную и северную. Унунну-уаям впадает в море сравнительно узким руслом и образует небольшую

лагуну. В нижнем течении река на протяжении 5—6 км протекает по широкой болотистой долине с многочисленными озерами и ручьями. Выше, в верхнем течении реки, долину сжимают боковые отроги возвышенностей; болота и озерки исчезают, и берега становятся песчаными. Вершина Унунну-уаям подходит к восточному побережью острова недалеко от сопки Удобная. Зимой река полностью не замерзает, остаются естественные полыньи.

Южнее реки Унунну-уаям, на западном побережье острова, протекают реки: Келленга, впадающая в озеро Прерывающееся, Майна-Лимнит (Лимнит) и на расстоянии около 8 км от мыса Крашенинникова — безыменная широкая и большая река, берущая начало в нескольких озерах внутренней части острова.

К северу от реки Унунну-уаям протекает река Анатован, одна из самых больших рек острова. Вершина ее близка к восточному побережью, а впадает она во внутреннюю лагуну губы Ложных вестей. В долине реки — многочисленные озера; из притоков наиболее крупный правый — река Унту-уаям. Еще севернее, на том же западном побережье — реки: Кеттонетон (Кеттон), Маннюблокс и Летхотун.

Более крупные реки — Унунну-уаям, Анатован и Летхотун — образуют в своем нижнем и среднем течении широкие поймы с многочисленными старицами, озерами и болотами. Водоразделами этих рек являются постепенно поднимающиеся увалы, покрытые на северных склонах сухой тундрой.

На восточном, совершенно не исследованном, побережье острова протекают в южной его части (между мысами Южный и Тонс) река Ильхотун, далее к северу — реки Иваньуал, Яклаур и др.

Из многочисленных озер острова следует отметить озера Большое Ондатровое, Долгое и Прерывающееся, расположенные к югу от устья реки Унунну-уаям и являющиеся местом расселения ондатры.[1]

Большинство рек острова Карагинский имеет крупное хозяйственное значение, так как реки эти являются нерестилищами ценных тихоокеанских лососевых.

Прекрасной пресной водой остров обеспечен в изобилии и повсеместно.

---

[1] Об ондатровом хозяйстве см. ниже, стр. 184.

О. Карагинский

О. Карагинский. Тундра

О. Карагинский. р. Унунну-уаям

Угодья, населенные ондатрой

Климатические условия острова Карагинский типичны для средней полосы территории Камчатской области. Климат острова сравнительно мягкий, средне-годовая температура+2,0°, осадков и пасмурных дней очень мало, значительно преобладают ясные дни. Суровость придают климату обычные на Камчатке зимние пурги, достигающие на острове исключительной силы, заносящие целиком постройки и деревья и совершенно обнажающие открытые места. Среднее число дней с пургами составляет четыре в ноябре, четырнадцать в течение декабря — марта включительно и шесть в апреле.

Лето на острове теплое, ясное. Средняя июльская температура + 12,0°, абсолютный максимум (в июле) + 17,9°. Зима сравнительно мягкая и снежная, средняя январская —14,6°, абсолютный минимум (в феврале) —35,0°. Вегетативный период непродолжительный, начинается в конце июня и продолжается до середины сентября, составляя таким образом $2^1/_2$—3 месяца. В начале октября начинаются заморозки, в конце октября замерзают озера, а в начале ноября — реки. Снег выпадает на уровне моря в начале ноября и лежит до середины июня, очень редко сходит в конце мая. В ложбинах гор в течение всего лета сохраняются большие пятна снега, сливающиеся осенью с вновь выпавшим снегом. Реки очищаются от льда в начале июня. В зимние месяцы (ноябрь—апрель) преобладают северные и северо-восточные ветры, с мая месяца— юго-западные и северо-западные.

Остров Карагинский лежит в поясе вечной мерзлоты, южная граница которой проходит в соответственных районах материка по линии Ука (на юго-западе пролива Литке) — Тигиль (на охотском побережье полуострова Камчатка). Исследовавший остров в 1931г. М. П. Розанов [1] указывает, что в районе болот реки Унунну-уаям мерзлота прощупывается в конце лета в 75 см от поверхности.

Растительный покров острова Карагинский, несмотря на близость его к материку, был в прошлом изучен очень мало. Наиболее подробно растительность освещена в недавних работах М. П. Розанова и И. К. Шишкина. [2]

---

[1] О Розанове см. ниже, стр. 159.

[2] Нижеследующее описание растительности составлено по неопубликованной работе М. П. Розанова (рук. № 5) и по опубликованной Н. Е. Кабановым посмертной работе И. К. Шишкина (№ 184).

Общая климатическая обстановка Берингова моря — сильные ветры, холода, сырость и обильный туман — влияют на характер растительности острова. Как и материковые побережья Берингова моря, остров почти лишен лесной растительности, изобилует тундрой, кустарниковыми зарослями и сочными травами.

На берегах острова обычная растительность морского побережья — заросли морской ржи, лигуста, мертензия, лапчатки и др. Много выброшенных морем морских трав (зостеры) и водорослей (морской капусты).

Большая часть поверхности покрыта тундровой растительностью. Последняя заполняет не только низменности западной части острова, но и пространства между отдельными сопками (у подножия и на их склонах), а также возвышенности восточного побережья. Тундры в некоторых местах мокры, приближаются к болотам и почти непроходимы, в других — сухие. Сухие ровные или кочковатые тундры расположены обычно в западной части острова на слегка возвышенных и хорошо дренированных равнинах. Сухие пространства среди тундры, покрытые травою, являются прекрасными лугами. Среди растительности последних выделяются различные ягели, багульник, шикша, голубица. На всех тундрах — обильные заросли ягодников. Местами ягодники (морошка, голубица, брусника, шикша, жимолость, княженика) покрывают тундру сплошным ковром.

Чрезвычайно распространена и обильна на острове кустарниковая растительность, главным образом кедровник (кедровый сланец) и ольховник.[1] Кустарники составляют часть лесотундровой растительности, они опоясывают подошвы и склоны возвышенностей, покрывают повсюду речные долины, обрывы и террасы и составляют подлесок в незначительных лесных древостоях острова. Густые заросли кустарников, через которые трудно пробраться, начинаются уже в низменностях, расположенных между морским побережьем и подошвами гор. Господствуют тут кедровник и ольховник, меньше рябины, местами встречается береза. Выше по склонам возвышенностей — сплошные непроходимые заросли кедровника и ольховника; свободные от них

[1] Участник экспедиции Литке (№ 91, ч. III, стр. 69) натуралист А. Постельс указывал еще на присутствие на острове «сосны», а А. Кириллов (№ 73, стр. 185) — «карликовых сосновых кустов», за которые они принимали, очевидно, кедровый сланец.

поляны покрыты толстыми слоями мха с куртинами морошки. Кедровый стланец поднимается высоко по склонам главного хребта и особенно по его отрогам, но становится по мере подъема все ниже и ниже, пока не исчезает совсем, сменяясь травянистой растительностью.

Берега рек покрывают густые, довольно высокие в среднем течении, заросли ивы (тальника) и ольховника. Обычно кустарники продолжаются вдоль берегов рек почти до самого их истока, но, чем дальше вверх по реке, тем полоса их становится уже, а сами кустарники реже, пока не превращаются в низкорослые кустики. Под пологом кустарника встречаются буйные и высокие заросли злаков. Между полосами кустарников и подножьями водораздельных возвышенностей расположены часто моховые болота, покрытые редкой и низкой осокой, клюквой и др. Вдоль многочисленных ручьев и ключей, стекающих с понижений между склонами — «распадков» — и прорезающих эти болота, — густые и высокие заросли осоки с примесью цикуты и хвощей, достигающие особой пышности на болотных топях и вблизи озер.

Лесные древостои представлены на острове только одним видом — каменной (эрмановой, или горной) березы. Наиболее крупные лесные территории острова находятся на его западном побережье, на западных склонах средней части хребта до верховьев реки Майна-Леминт, в левобережье бассейна реки Унунну-уаям и в верховьях реки Анатован. Здесь тянутся с юга на север, полосою между возвышенностями, с небольшими перерывами березняки, переходящие на севере в ползучие кустарники (сланцы). Общая площадь этих состоящих из чистой каменной березы и носящих парковый характер лесков составляет около 40 кв. км. Березы довольно чахлые, невысокие, стволы их корявы и негодны для строительства. В подлеске — кустарники: ольховник, кедровник, рябинник, шиповник, можжевельник, жимолость, рододендрон. Травянистый покров — преимущественно папоротники и злаки. Многочисленные поляны покрыты высокими зарослями вейника.

Б. В. Давыдов отмечает присутствие древесной растительности и на восточной стороне острова. Южнее мыса Низкий, крайней восточной оконечности острова, подходящие к берегу холмистые (высотой 180—210 м) отроги главного хребта покрыты, по данным упомянутого автора, лесом, очевидно березовым. Далее к югу, в районе мыса

Ровный, которым начинается восточное побережье острова, и еще южнее, около следующего мыса Промежуточный, проходящие вблизи моря пологие склоны отрогов (высотою в 180—240 м) «одеты кустарником и мелколесьем».[1]

Водная растительность внутренних бассейнов острова очень бедна. В озерах и старицах, большей частью небольших и мелких, растут: водяные звездочки и сосенки, ряска, вахта, пузырчатки.

Многочисленные долины рек и выходы ключей на острове, а также некоторые сухие пространства среди тундры покрыты буйно растущими кормовыми травами.

По всему острову распространены в громадном количестве северные ягоды (шикша, брусника, голубица, жимолость, морошка, клюква, княженика, рябина).

В прибрежных тундрах и на горных склонах в конце лета — обилие грибов: в местах произрастания кедровника, на увалах — масленки и сыроежки, в тундрах — красные.

Следует отметить также богатые запасы морской капусты в прибрежных водах острова, в частности около мыса Крашенинникова. Заросли водорослей начинаются здесь, примерно, в 2,5 морск. милях от мыса и на протяжении 4 морск. миль тянутся непрерывной полосой, а далее на протяжении еще 4 морск. миль — отдельными пятнами. Видимо, водорослями покрыто здесь громадное пространство.

Растительные ресурсы имеют громадное значение для хозяйственного развития острова. На первом месте следует в этом отношении отметить березовые древостои и кедровые кустарники.

Березняки острова являются главными местами обитания соболя. Незначительные размеры естественно облесенных площадей, крайне медленная, повидимому, их возобновляемость, исключительная трудность искусственных насаждений в природных условиях острова — все это требует величайшей заботы о наличных его древостоях. Ни истребление их, ни даже простое использование их рубкой — недопустимы. Опасным с этой точки зрения является то обстоятельство, что на островах отсутствует другое, дре-

[1] См. Давыдов (№ 43), стр. 1447 и 1449. М. П. Розанов (№ 135) указывает, что на восточных, северных и северо-западных склонах хребта береза отсутствует.

весное топливо: кустарник на дрова мало годен, а плавникового (выбрасываемого морем) леса мало.

Орехи кедрового сланца служат богатой кормовой базой для наземных млекопитающих острова, составляющих его основное богатство, — соболя, лисицы, горностая, медведя и полевки. Последняя, в свою очередь, является ценной пищей для соболя и горностая.

Многочисленные ягельники, расположенные в разных местах острова, являются пастбищами северного оленя, которому они дают единственный зимний корм.

Находящиеся среди лесных группировок, наряду с их кустарниковыми подлесками, а также среди сухих тундр, на морском побережье и в долинах рек луга богаты кормовыми травами для домашнего скота. Некоторые луга являются прекрасными сенокосными угодьями. Из кормовых ресурсов следует отметить сильное распространение вейника (Лангсдорфа) и хвоща, широко используемых на Камчатке. Заросли крапивы, морской чины и водорослей могут обеспечить концентрированные корма.

Наряду с отмеченным обилием ценного ресурса питания — ягод и грибов, следует указать на распространенность на острове других полезных дикорастущих, являющихся также ресурсами питания. К ним принадлежат: черемша, сарана, овсянка, борщевик (сладкая трава), щавель, баранник и др.

Значительную ценность, в качестве возможной сырьевой базы для химического производства, представляют заросли морской капусты (ламинарии) в карагинских водах.

Наряду с этим заслуживает внимания сравнительная бедность водяной растительности внутренних водоемов острова, каковая растительность служит главной кормовой базой для ондатры.[1]

Животный мир острова Карагинский по своему видовому составу беден. Наземные млекопитающие представлены хищными и грызунами.[2] Из хищных обитают

---

[1] Об ондатре см. стр. 184.

[2] Лоции Берингова моря (Давыдов, № 43, стр. 1424; де Ливрон, № 88, ч. IV, стр. 138) указывают еще на наличие на острове и парнокопытных — северных оленей. Это обстоятельство никакими другими источниками не подтверждается и, очевидно, под этим следует понимать одомашненных северных оленей, действительно имеющихся на острове (см. стр. 172).

на острове: медведь, лисица, горностай, песец и соболь.[1]

Медведь (камчатский) распространен на острове значительно, особенно в менее доступной восточной его части. Лисица (главным образом красная) водится на острове повсеместно и в изобилии. Кормом ей служат орехи, ягоды, рыба, полевки, птицы и птичьи яйца, горностай, заяц, ондатра. Приносит она 4—5 щенков в год. Норится она в кустарниках, по берегам речек и на склонах оврагов, и отличается малой пугливостью. Карагинская лисица дает значительный процент шкурок темных окрасок (сиводушек, чернобурых, серебристо-черных). Мех ее отличается высокими достоинствами — мягкостью, пышностью и яркостью. Камчатские охотники и заготовители пушнины сразу отличают карагинских лисиц по этим качествам. Горностай живет в долинах рек, в зарослях тальника и осок и водится на острове в громадном количестве. Весь остров испещрен его следами. Зимой он забирается массами повсюду — в помещения факторий и комбината АКО, в жилые дома, где его часто и ловят. Песец на острове отчасти местного, отчасти завозного происхождения,[2] но его очень мало. Склонный вообще к миграции и плохо уживающийся с лисицами, он не оседает на острове и уходит на материк. Жители острова — нымылланы — рассказывают, что зимой и весною песец уходит на льдинах с острова. Сравнительно недавним обитателем острова является и соболь. На острове его, видимо, не было до конца XIX — начала XX столетия, когда завезенные с Камчатки и выпущенные на волю производители акклиматизировались и дали приплод. Повторный завоз соболя на остров был осуществлен уже после революции. Опыты пересадки оказались удачными, соболь успешно размножается и является в настоящее время хотя и немногочисленным, но постоянным обитателем острова.

Из грызунов на острове обитают заяц-беляк, в большом количестве, и три вида полевок (мыши). Все знакомые с островом лица отмечают колоссальное количество там полевки, заселяющей плотно все тундры, речные долины и другие районы острова. Норы полевок наблюдаются повсюду; один из исследователей острова наблюдал в траве

---

[1] По рассказам местного населения на острове живет, видимо, еще 1—2 экземпляра росомахи (см. Разумовский, № 132). А. Д. Батурин (№ 11, стр. 368) упоминает в числе наличных ресурсов острова выдру (речную), но это никем другим не подтверждается.

[2] О пересадке песца и соболя см. ниже, стр. 182—184.

многочисленные мышиные тропы, хорошо утоптанные, шириною до 1 м и протяжением в несколько десятков метров.[1] Полевки являются важным кормовым ресурсом для соболя и горностая.

Насекомоядные представлены на острове одним видом — бурозубой землеройкой.

Из земноводных встречается изредка в озерах острова тритон. Пресмыкающихся на острове нет совсем.

Орнитофауна острова и в видовом, и в количественном отношении очень бедна. Из постоянно в течение всего года живущих на его территории птиц следует отметить большие запасы белой и тундровой куропатки. Внутри острова, на болотах и по берегам рек и озер много перелетных гусей и уток. На морском побережье — большие птичьи базары океанических птиц: кайр, гагар, глупышей, бакланов и др. Гнездясь здесь громадными колониями, эти птицы выводят свою молодь.

Морские млекопитающие представлены в водах Карагинского острова главным образом ластоногими — настоящими тюленями (лахтак, обыкновенная нерпа, или акиба, крылатка, или полосатый тюлень) и ушастыми тюленями (сивуч). Нерпа и лахтак приходят на остров большими массами с весенними и осенними льдами и образуют в различных местах побережья, особенно на восточном берегу и на мысе Крашенинникова, свои лежбища. Некогда в карагинских водах водился и тихоокеанский морж. Это было отмечено Литке в 1828 г.,[2] а в середине XIX столетия Дитмар указывал на «сильное посещение острова моржами».[3] И лично посетившие Камчатку исследователи, и вся современная литература свидетельствуют, что еще в конце 90-х годов — начале XX столетия на острове существовали постоянные лежбища моржа и что там производился постоянный моржовый промысел.[4] Южная граница распространения тихоокеанского моржа постепенно передвигается к северу; вызвано это повсеместным хищническим истреблением моржа. Карагинские воды служили, видимо, долго тем южным пределом (кроме бухты Моржовая на

---

[1] См. у Разумовского (№ 132).

[2] См. Литке (№ 91), ч. II, стр. 130.

[3] См. Ditmar (№ 45), T. 2, S. 238.

[4] См. Кириллов (№ 73), стр. 185; Маргаритов (№ 95), стр. 83, 109, 132; Прозоров (№ 129), стр. 210; Слюнин (№ 153), т. I, стр. 210; Розанов (№ 135), стр. 8.

полуострове Камчатка), где сохранялись моржи. Излюбленным местом лежбищ были на острове мыс Семенова на песчаной косе и камни на мысе Крашенинникова. В настоящее время моржи сохранились в Карагинских водах только около острова Верхотурова.

Воды, омывающие остров Карагинский, изобиловали раньше и китами. Китобойный промысел играл большую роль в хозяйстве прибрежного населения Карагинского пролива еще в самом конце XIX столетия.[1] В результате хищнического истребления кит встречается там в настоящее время только случайно.[2]

Из рыбных богатств Карагинского острова следует, в первую очередь, отметить лососевых. Многочисленные реки и ручьи острова с песчаным и галечным дном являются богатыми нерестилищами как проходных (кета, красная, кижуч, горбуша, чавыча), так и пресноводных лососевых (голец, или мальма, кунджа). Особенно сильный ход лососевых наблюдается в реке Унунну-уаям. Из морских рыб карагинские воды богаты треской, сельдью, камбалой, вахней (навагой) и гигантом морских рыб — полярной акулой.

Ресурсы животного мира имеют решающее значение в экономике Карагинского острова. Промысловые животные — наземные и морские млекопитающие и рыба — были всегда и являются также и в настоящее время основным источником существования постоянного населения острова — нымыланов.

На сырьевой базе рыбных богатств развивается в настоящее время социалистическое хозяйство (рыбодобывающая и рыбообрабатывающая промышленность).

Главная же ценность острова — ценные пушные животные (соболь и лисица). Они послужили основой первоначальной организации советского островного хозяйства и должны предопределить все его дальнейшее развитие. Пушное звероводство призвано стать ведущей отраслью всего социалистического хозяйства острова.

В геологическом отношении остров совершенно не исследован,[3] и ничего поэтому не известно о его полезных

---

[1] См. Маргаритов (№ 95), стр. 109.

[2] В литературе имеются еще указания на обилие в Карагинских водах дельфинов — касатки (Литке, № 91, ч. II, стр. 134) и белухи (Слюнин, № 153, т. I, стр. 608).

[3] В текущем 1937 г. на Карагинском острове работает геологическая экспедиция Академии наук СССР (В. Д. Троицкий).

ископаемых. Некоторые литературные источники приводят непроверенные сведения о наличии на острове золотоносных россыпей [1] и каменноугольных месторождений. [2] В виду отсутствия на острове энергоресурсов нахождение угля имело бы большое хозяйственное значение. Постельс отмечал в свое время наличие в береговых песках полудрагоценных камней — различных самоцветов: халцедона, яшмы, сердолика, [3] распространенных и на полуострове Камчатка.

История исследований

Точное время открытия острова Карагинский неизвестно. Во всяком случае несомненно, что существование острова было известно на Камчатке и в Восточной Сибири еще до первой камчатской экспедиции Беринга (1725—1730).

Первый историк Сибири акад. Миллер рассказывает о циркулировавшем в Сибири сообщении о том, что около 1715 г. на Камчатке жил один выходец с американского побережья, рассказывавший, что «отечество его находится к востоку от Камчатки и что несколько лет тому назад захватили его и прочих его иноземцев при Карагинском острове, куда они приезжали за промыслом». [4]

Первые прямые указания на остров Карагинский и первые сведения о нем в литературе связаны с уже упомянутой первой экспедицией Беринга.

Отправившись из Нижне-Камчатска в июне 1728 г. на боте «Св. Гавриил» к северу, Беринг прошел мимо острова Карагинский и севернее последнего мимо «мыса Карагинский» (под таким названием фигурирует мыс Ильпинский на одноименном полуострове). Беринг, видимо, видел по пути остров Карагинский, но, не зная, что земля эта — остров, отметил в своем журнале «холм на берегу, от которого будто бы разделение земли». [5]

Вернувшись из своего плавания к Берингову проливу на Камчатку, Беринг, собирая различные сведения об американских землях и расстоянии их от Камчатки, узнал, видимо, приведенный выше рассказ Миллера об «американце»

---

[1] См. Полезные ископаемые Дальнего Востока (№ 124), стр. 280 и Анерт (№ 3), стр. 711.
[2] См. Кириллов (№ 73), стр. 185.
[3] См. Литке (№ 91), ч. III, стр. 70.
[4] См. Берх (№ 15), стр. 70.
[5] Там же, стр. 33.

и получил кроме того сообщение о том, что у жителей Карагинского острова найдены «весьма толстые еловые и сосновые бревны, каковых не растет ни в Камчатке, ниже в около лежащих местах. На вопрос: откуда получили лес сей? отвечали жители сего острова, что оный приносится к ним восточным ветром».[1] Эти сведения, наряду с другими, явились для капитана Беринга доказательством близости американских берегов к камчатским и были использованы им в докладе правительству.

По возвращении своем в 1730 г. в Петербург, Беринг представил донесение о первой экспедиции и «предложения», содержавшие перечень мер по устройству Камчатско-охотского края и проект организации новой экспедиции к берегам Америки. Мотивируя необходимость последней, Беринг указывал на близость Америки к Камчатке (150—200 миль) и в качестве одного из доказательств этого сообщал: «Выведывая, изобрел я, что далее ôста, то море волнами ниже подымается, також и на берег острова, именуемого Карагинский, великой сосновый лес, которого в Камчатской земле не растет, выбросило; и для того признаю я, что Америка, или оныя, между оной лежащия земли, не есть далеко от Камчатки, например 150 или 200 миль быть имеет».[2] В перечне упомянутых мер в пункте 8 также содержится прямое указание на остров Карагинский — об устройстве острога против Карагинского острова «для охранения коряк и юкагирей против чукчей».[3]

Следующие сведения об острове мы встречаем у автора классического описания Камчатки, участника второй беринговой экспедиции (1733—1743) С. Крашенинникова. Сам Крашенинников на острове не был, он доезжал только до селения Карага, лежащего на побережье Камчатки против острова, и сообщал о последнем следующее:[4] «Против устья Караги реки верстах в 40 от берегу находится Караганский остров, которого нижняя изголовь против Нынгына,[5] а верхняя против нижеописанного Коуту

[1] См. Берх (№ 15) стр. 70.

[2] См. Соколов (№ 158), стр. 435; Берх (№ 15), стр. 105; Донесение... Беринга (№ 49).

[3] См. Соколов (№ 158), стр. 430—431.

[4] См. Крашенинников (№ 81), т. I, стр. 59.

[5] Нынгын или Нунгын — река Панкара, впадающая в пролив Литке между реками Русакова и Уалкал-ваем (см. Крашенинников С. (№ 81), т. I, стр. 53).

носа.[1] На помянутом острову живут коряки ж, которых однако прочие за свой род не признавают, но называют их Ха́мшарен, т. е. собачьим отродьем: для того что по мнению их Кут[2] не сотворил там людей, но однех собак, которые потом в людей переродились. Ежели взять в рассуждение зверское и мерзкое житье их, то коряки матерой земли немного ошибаются в своем мнении: ибо житье карагинцов столько гнуснее коряцкого, сколько коряцкое политических народов. Что касается до их многолюдства, то считается их человек до ста и больше; но ясак платят токмо человек с тридцать, а прочие во время сбору по горам укрываются. С матерой земли переезжают к ним летом в лахташных байдарах, а зимой не ездят».

В течение следующих ста лет остров Карагинский остается совершенно забытым. Никто им не интересуется, и в литературе мы находим единичные и чисто случайные упоминания о нем — то в связи с зимовкою на острове промысловиков за пушниной, потерпевших около него аварию, то в связи с маршрутами путешественников того времени.[3]

Первыми научными сведениями об острове Карагинский мы обязаны известной кругосветной экспедиции Ф. Литке на шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 гг. Участниками экспедиции были: д-р Мертенс, натуралист и врач экспедиции, проф. А. Постельс, «минеролог и рисовальщик», и капитан Китлиц. Экспедиция Литке провела десять суток в карагинских водах в июне 1828 г., открыла губу Ложных вестей, о которой получила сведения от жителей камчатского побережья, произвела первую морскую опись острова, определила первые астрономические пункты и дала первое общее физико-географическое описание острова.

Сам Литке дал в своем описании острова сведения о его растительности, отметил распространенность ольховника, наличие «тучной зелени» и разных съедобных растений, «годных в похлебку и салат». Далее он указал на богатства животного мира острова — обилие пушных живот-

---

[1] Коуту нос — мыс к северу от реки Кичига (по Крашенинникову Кычигин или Воровская): «против сего носу лежит верхняя изголовь Карагинского острова» (там же, стр. 59—60).

[2] Кут, Кутха — одно из божеств мифологии камчатских народностей.

[3] См. Берх (№ 16), стр. 7—10; Лессепс (№ 86) ч. II, стр. 28, прим.

ных (медведя и красной лисицы), морских млекопитающих (касатки и тюленей), птиц, особенно морских (гусей, уток, куликов, ары), рыбы (лососевых, камбалы, наваги) и наличие на острове вечной мерзлоты.[1]

Другой участник экспедиции А. Постельс дал краткое описание поверхности, берегов и возвышенностей острова и его геологических пород, отметив наличие полудрагоценных камней.[2]

К. Мертенс производил на острове в течение недели первые ботанические сборы, давшие около 160—180 видов растительности острова. В своих работах об острове Карагинский[3] он отметил пышную растительность острова, богатый травянистый покров, непроходимые заросли кустарников, отсутствие леса, обилие съедобных дикорастущих, в частности ягод, и комаров и медведей, препятствовавших ботаническим сборам, а также перечислил отдельные виды растений и растительные группировки.

Материалы экспедиции Литке представляют до сих пор большую научную ценность для изучения природы острова Карагинский. Остров этот до экспедиции был в сущности известен только по названию, и поэтому совершенно прав Литке, указывая, что «Карагинские острова и окружающий их материк берег не были доселе видны ни одним из известных мореплавателей, кроме Синдта.[4] Беринг видел однажды сквозь туман один только пункт. Сказав сие, нет надобности присовокуплять, что положение их на карте не имело и тени сходства с истиною».[5]

Столь же прав Литке, когда, подводя общие итоги результатов экспедиции, он отмечает, что «были узнаны (исследованы) в подробностях острова Карагинские, до сих пор совершенно неизвестные».[6]

Экспедицией Литке ограничивается в сущности все

---

[1] См. Литке (№ 91), ч. II, стр. 128—135.
[2] См. Постельс (№ 126), стр. 69—71.
[3] Mertens (№ 99).
[4] Лейтенант Синдт, участник экспедиции Беринга, был впоследствии начальником чукотской экспедиции 1764 г., отправленной правительством для отыскания и описания американских берегов в широтах Чукотского носа. Синдт отправился из Охотска в 1764 г., зазимовал близ Тигиля (на западном побережье Камчатки), обогнул полуостров и повторно зимовал в Уке, близ острова Карагинский. В 1776 г. он отплыл в Берингов пролив. Американских берегов он не достиг, и результаты экспедиции были ничтожны.
[5] См. Литке (№ 91), ч. II, стр. 137.
[6] См. Lutké (№ 92), t. I, p. XVI.

научное исследование острова Карагинский в дореволюционную эпоху. На протяжении следующих ста лет с островом были связаны либо только специальные гидрографические работы, производившиеся в Тихом океане, либо случайные, почти не оставившие следов, посещения административных лиц и путешественников.

Так, в августе 1897 г. остров Карагинский посетили американцы Баррет Гамильтон и Г. О. Джонс, плававшие на судне «Линнет», и провели там день на охоте. Хотя в своей работе американские авторы и упоминают, что до них на остров Карагинский «не проникали научные экспедиции»,[1] но в области естественно-географического познания острова они ограничились очень немногим и не дали после Литке ничего нового. Работа эта, однако, представляет большой интерес в том отношении, что дает первые в литературе сведения по личным наблюдениям о населении острова, его быте и хозяйстве и первые, видимо, фотографии.[2]

В 1910 г. губу Ложных вестей посетил приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, оставивший в своей большой работе о Приамурье некоторые сведения о населении острова.[3]

В 1912 г. остров был детально исследован известным проф. С. А. Грюнером и сопровождавшим его И. Е. Ларионым. С. А. Грюнер оставил подробное физико-географическое описание острова (его рельефа и побережий, речных систем, почвы и растительности, с перечнем собранных им 145 видов растений) и хозяйства его населения, в частности оленеводства. Рукопись эта осталась, к сожалению, неопубликованной.[4]

В 1917 г. было произведено краткое исследование острова А. Д. Батуриным.[5]

Тихоокеанское побережье России оставалось не описанным до начала XX столетия. Лежащая к северу от острова Карагинский в одноименном заливе бухта Корфа была описана только в 1885 г. шкипером Геко (шхуна «Сторож»), а все побережье к югу от этой бухты до селения Карага обозначалось на картах еще до 1897 г. пунктиром.

---

[1] См. Barret-Hamiltone (№ 10).
[2] См. ниже, стр. 167.
[3] См. Унтербергер (№ 172), стр. 303.
[4] См. Комаров (№ 77), стр. 60.
[5] См. Батурин (№ 11), стр. 341.

Только после организации правительством отдельной съемки Восточного (Тихого) океана была, наконец, произведена съемка и опись острова Карагинский с противолежащим берегом полуострова Камчатки.

В результате в 1909 г. впервые на русском языке появилось подробное описание Берингова моря, его проливов, берегов и островов.[1] После перерыва, вызванного русско-японской войной, систематические работы гидрографической экспедиции Восточного океана были возобновлены и было описано, наконец, все восточное побережье полуострова Камчатки до острова Карагинский включительно. Результатом этих работ явились многочисленные карты и обширная лоция, составленная последним начальником экспедиции Б. В. Давыдовым.[2]

Подводя общие итоги исследованности острова Карагинский за весь дореволюционный период, следует констатировать крайнюю бедность результатов. За исключением специальных гидрографических работ, и то в самые последние предсоветские на Дальнем Востоке годы (1920), более всего была освещена растительность острова.[3] Важнейшие вопросы естественно-исторического характера — о других природных ресурсах острова, в частности о его животном мире, не говоря уже о населении острова, его быте, хозяйстве, социальной структуре и пр. — оставались совершенно не исследованными. Эта обойденность научными исследованиями острова Карагинский, наряду с большими исследовательскими работами, имевшими место на самом соседнем полуострове Камчатка, находит свое объяснение в общем историческом положении острова в дореволюционную эпоху. Лежавший в стороне от «столбовых» камчатских рейсов и доступный только в сравнительно короткие навигационные сроки, остров к тому же был лишен таких исклю-

[1] См. де Ливрон (№ 88), ч. IV.

[2] См. Давыдов (№ 43). Покойный Б. В. Давыдов был начальником экспедиции на канонерской лодке «Красный Октябрь», отправленной советским правительством в 1924 г. на остров Врангеля. Экспедиция сняла с острова нелегально промышлявших там хищников и подняла советский флаг.

[3] Многочисленные ботанические сборы, произведенные на острове доктором Мертенсом (1828), К. Д. Логиновским (1910), С. А. Грюнером (1911), В. Белоусовым и В. Скобуновым (1920) и шведской экспедицией Гультена и Малээа (1920—1922) и обработанные впоследствии акад. В. А. Комаровым и Гультеном, осветили в значительной мере картину растительного покрова острова. См. Комаров (№ 79).

чительных богатств, какие были, например, на Командорах. Его основные естественные ресурсы (рыба и пушнина) были несравненно доступнее и значительнее на самой Камчатке. Отсюда вытекало и отсутствие заинтересованности в острове Карагинский как у правительства, так и у русской буржуазии.[1] Как многочисленные научные экспедиции и отдельные исследователи, работавшие в Камчатско-охотском крае (Дитмар, Кенан, Тюшов, экспедиция Сибирякова, Джезуппа, Переселенческого управления, Географического общества и др.), так в равной мере и официальные лица, командированные для обследования Камчатского края или служившие там и оставившие литературные работы (Гондатти, Сильницкий, Олсуфьев, Козик), оставляли Карагинский остров вне поля своей деятельности.

Иной характер приобретают исследования острова в послеоктябрьскую эпоху. Задачей их является выяснение природных условий и естественных ресурсов острова для использования их в интересах социалистического его освоения. Эта целеустремленность, специфическая для всех послереволюционных работ, сообщает им действенный, непосредственно практический характер.

В период организации хозяйства на острове работала комплексная экспедиция бывшей Тихоокеанской научно-промысловой станции — В. И. Разумовский и Л. Д. Канакин (1928—1929). Остров был обследован многочисленными маршрутами, особенно по речным долинам, и впервые заснят полуинструментальной съемкой. Были произведены большие ботанические и фаунистические сборы и занесены на план площади разных угодий острова. Особое внимание было уделено внутренним водоемам острова для выяснения возможности акклиматизации ондатры. В итоге были выяснены большие перспективы развития на острове звероводческого хозяйства.[2]

В 1931 г. на острове работали Г. И. Розанова-Кошелева и М. П. Розанов. Главной задачей экспедиции было исследование ондатрового хозяйства острова. Изучался состав растительных и животных группировок в местах расселения ондатры и жизнедеятельность последней. Была определена кормовая база для ондатры и исследован ряд районов для выяснения возможности дальнейшего развития этого хо-

[1] Иностранные предприниматели относились к острову, как это видно будет в дальнейшем (стр. 163 и сл.), иначе.

[2] См. Разумовский (№ 132).

зяйства. Произведены большие ботанические сборы и дано общее естественно-географическое описание острова, в частности его животного мира и растительного покрова по зонам, охотничьего промысла и звероводческого хозяйства.[1]

Результаты этих последних экспедиций вполне достаточны для определения как общего, так и специального направления хозяйства острова и перспектив его развития.

Судьба острова до революции

На протяжении веков — со времени получения первых сведений о существовании острова Карагинский и до Великой Октябрьской революции — остров то бывал населен, то совершенно необитаем; то снова заселялся. Во всяком случае следует отметить, что сведения о населенности острова и его населении крайне скудны и неполны.

Несомненно то обстоятельство, что в период завоевания русскими Камчатки и в течение почти всего XVIII столетия остров Карагинский был уже населен. Приведенный нами выше рассказ «американца» — о пленении его жителями острова Карагинский, сообщения Беринга о нахождении у этих жителей выкидного леса, наконец, прямые указания такого исследователя, как Крашенинников, свидетельствуют непреложно об обитаемости острова в первой половине XVIII столетия.[2] Населяли остров нымылланы, перебравшиеся туда сородичи жителей из ближайших селений материкового побережья пролива Литке — Ука, Хайлюля и др., так как расселение основной народности полуострова Камчатка — ительменов (камчадалов) — кончалось гораздо южнее, на реке Озерная. На счет этнической принадлежности жителей острова мы имеем прямое указание Крашенинникова, который приводит и цифру численности населения — около 100 человек.[3]

Дальнейшие данные показывают, что остров оставался населенным и на протяжении ближайших пятидесяти-шестидесяти лет. В 1745 г., когда после открытий Берингових экспедиций нахлынули в восточные воды промышленники за пушниной,[4] отправился в плавание из Усть-Камчатка купеческий шитик[5] «Евдокия» под командова-

[1] См. Розанов (рук. № 5), Розанов и Розанова-Кошелева (№ 135).
[2] См. выше, стр. 153—155.
[3] См. Крашенинников (№ 81), т. I, стр. 59.
[4] Подробнее см. главу «Командорские острова», стр. 53.
[5] Шитик — небольшое двухмачтовое судно.

нием Михайлы Неводчикова. Промышленники открыли несколько островов Алеутской гряды и зазимовали на одном из них. В следующем 1746 г. судно отправилось обратно с богатой добычей. Глухой осенью «Евдокия» потерпела аварию около острова Карагинский, и команда ее зазимовала на острове. Исторические известия XVIII столетия сообщают, что зимовавшие промышленники «нашед некоторые шалаши, узнали по оным, что находятся на острове Караге. Жители сего острова, будучи уже тогда России подвластны, так как единоплеменники коряков, пособили им построить две байдары». На этих байдарах промышленники вернулись в 1747 г. на Камчатку и сообщили приведенные сведения.[1]

Наконец, последние данные за этот период содержат указания, что один из камчатских миссионеров, М. Лазарев, проник в 1794 г. на Карагинский остров и крестил там нымыланов.[2]

Данные за следующие тридцать лет, до экспедиции Литке, отсутствуют. Когда именно и в силу каких причин обезлюдел остров, покинули ли его жители или вымерли поголовно в результате тех или иных, нередких на Камчатке, бедствий, — совершенно неизвестно. Несомненно только, что на протяжении всего периода с 1828 г. до 90-х годов прошлого столетия он был необитаем.

Экспедиция Литке провела в карагинских водах и на самом острове десять суток и установила полную необитаемость острова. Участники ее не нашли на северо-западном побережье «нигде никаких следов обитаемости».[3] На северо-восточной стороне острова были обнаружены в нескольких местах на берегах рек развалины юрт и балаганов.[4] Мертенс в своем сообщении об острове также отмечает несколько раз его необитаемость и следы населенности в минувшие времена.[5] Сам Литке сообщает следующее:

---

[1] См. Паллас (№ 112), стр. 284—299; Берх (№ 16), стр. 7—10.

[2] См. Слюнин (№ 153), т. II, стр. 24.

[3] См. Литке (№ 91), ч. II, стр. 130. Все западное побережье острова никогда не было заселено и в настоящее время необитаемо. Это объясняется рельефом и бедностью промысловыми угодьями этой части острова, главным образом отсутствием рек — нерестилищ лососевых.

[4] См. Литке (№ 91), ч. II, стр. 131—133.

[5] Mertens (№ 99), стр. 63, 65—66.

«Острова были в старину обитаемы коряками, которых в половине прошедшего столетия насчитывали там до ста душ; ныне одни только развалины юрт свидетельствуют о бывшем некогда населении».[1]

Оставаясь продолжительное время необитаемым, Карагинский остров регулярно посещался для промысла населением соседних районов материкового побережья, так называемыми укинскими и олюторскими нымылланами.

Селением Ука, расположенным на юге одноименной губы, начиналось тогда на юге расселение оседлых нымылланов восточного побережья Камчатки. Укинцами первоначально назывались жители села Ука, а впоследствии и население всех соседних селений, расположенных по побережью пролива Литке к северу от Уки у устьев одноименных рек (Хайлюля, Ивашка, Дранка, Карага). Укинцы обживали, таким образом, всю южную часть побережья до Караги включительно.

К северу от укинцев, т. е. за Карагой, начиналось расселение олюторцев. Сначала так назывались оседлые нымылланы, осваивавшие бассейн реки Олюторка, впадающей в залив Корфа. Позже это название объединило и всех нымылланов, населявших северную часть побережья пролива Литке и побережья полуострова Говена и залива Олюторского (сел. Тымлат, Кичига, Анапка, Вивники, Ветвей, Тиличики, Култушное, Олюторское, Пахача и Апука). Почти все селения олюторцев тоже лежали на морском побережье, у устьев одноименных рек.

Основными занятиями этого оседлого приморского населения были рыбный и морской зверобойный промыслы. Наиболее ценную для натурального в тот период хозяйства нымылланов продукцию давали кит и морж, в обилии водившиеся в водах острова Карагинский. На последнем существовали в то время, как уже отмечалось,[2] постоянные лежбища моржа.

Исследовавший Камчатку в середине 50-х годов прошлого столетия Дитмар передает со слов олюторцев следующее: «На большом, покрытом высокими горами, острове Карага постоянных жителей нет, но он часто посещается олюторцами и укинцами ради очень добычливого боя моржей. По их словам, по всему берегу нигде нет так много

[1] См. Литке (№ 91), ч. II, стр. 137.
[2] См. выше, стр. 151—152.

моржей, как на этом острове, где теперь находят целые массы костей этих животных — остатки охоты, накопившиеся исстари. Да и большие клыки моржей будто бы валяются в большом количестве по берегам острова, так как спрос на них невелик, а самим туземцам некуда извести такую массу».[1]

Посетивший Камчатку в 1897 г. Слюнин указывал, что «не только жители селений Тымлаты и Караги, но и Олюторского и Вывнуки приходят для промысла на Карагинский остров, принадлежащий Петропавловскому округу».[2] Далее он описывал и самый промысел: «Из селений Караги, Кичиги и Олюторского ходят на байдарах (20 человек в каждой) на Карагинский остров и остаются там около месяца; бьют из ружья и носком,[3] за ремень которого удерживают зверя и убивают его на месте; совсем маленьких морженят не видят в июне».[4]

Моржовый промысел играл большую роль в хозяйстве укинцев и олюторцев еще в конце XIX столетия, но добывали они моржей уже только на острове Карагинский, так как в других местах моржи исчезли.[5]

Это исчезновение моржей, как и заметная убыль китов в карагинских водах, были вызваны хищническим истреблением животных со стороны американцев. Привлеченные обилием китов и моржей, американские промысловые шхуны появились здесь, видимо, в 40-х—50-х годах прошлого столетия. Стремясь исключительно к легкой и быстрой наживе, американские хищники применяли варварские методы массового уничтожения моржей. Они избивали их на лежбищах, не разбирая самок и молодняка, из продукции брали только самое ценное и транспортабельное — клыки (бивни) и шкуру, а остальное бросали на месте, заражая лежбища и распугивая животных.

---

[1] См. Дитмар (№ 44), ч. I, стр. 573, также стр. 333.
[2] См. Слюнин (№ 153), т. I, стр. 158.
[3] Носок — своеобразный метательный снаряд для охоты на морского зверя. Носок (спица) делается из моржовой кости, реже из оленьего рога, с металлическим наконечником, зазубренным на верхнем конце. Нижний конец укрепляется на древке (копье), соединенном с ним длинным ремнем, и при броске легко отделяется от древка. Вонзив сильным ударом носок в тело животного, охотник отпускает ремень, удерживающий носок вместе с раненым животным, а затем, когда последнее выбьется из сил, подтягивает его к себе и добивает.
[4] См. Слюнин (№ 153), т. I, стр. 608.
[5] См. Маргаритов (№ 95), стр. 109.

В помощь себе они привлекали обычно укинских промысловиков и попутно занимались торговлей с населением материка, выкачивая ценную пушнину и спаивая его спиртными напитками. В 60-х годах американцы устраивали целые экспедиции на остров Карагинский для избиения моржей, приносившие свыше тысячи пар клыков. Лежбища острова бывали сплошь покрыты трупами животных.[1] Этот хищнический промысел продолжался свыше 40 лет. Слюнин рассказывает об одном из таких налетов следующее: «В 1878 г. на Карагинский остров специально за промыслом моржей приходил на шхуне американец Пратт с довольно многочисленной командой, которая вместе с нанятыми инородцами селения Карагинского на мысе Семенова (на кошке острова Карагинского. — *М. С.*) добыла 1500 моржей. Вся эта масса трупов была оставлена на месте, издавая сильное зловоние, под влиянием которого, а также от беспрерывной пальбы из ружей, зверь с тех пор уменьшился на лежбище, не переставая, однако, привлекать иностранных хищников».[2] Еще в конце 90-х годов около острова, по рассказам населения Караги, промышляло ежегодно несколько американских шхун.[3]

Американцы прочно обосновались на карагинских побережьях. В селении Карага был организован постоянный торговый пункт одной фирмы из Сан-Франциско, а на берегу губы Ложных вестей построен деревянный барак для склада продукции. Этот барак стоял еще в 1897 г. в бытность там американского судна «Линнет».[4]

Морж, очень чуткое и типично стадное животное, как и все морские млекопитающие, мало плодовит и быстро истощается. Чуткость заставляет его при неосторожном промысле быстро уходить с давно насиженных лежбищ. Стадность создает возможность единовременного массового убоя животных. Естественно поэтому, что почти полувековое хищническое истребление моржей в карагинских водах уничтожило запасы их, и к началу XX столетия моржовый промысел уже совершенно прекратился на острове Карагинский.[5]

Почти аналогичная участь постигла и китовый промысел. Иностранные, главным образом американские, китобои

[1] См. Прозоров (№ 129), стр. 210.
[2] См. Слюнин (№ 153), т. I, стр. 608.
[3] Там же.
[4] См. Barret-Hamiltone (№ 10).
[5] См. Прозоров (№ 129), стр. 210.

устремились в тихоокеанские прибрежные воды в 40-х годах XIX столетия. Китобойный промысел принял вскоре грандиозные размеры. За тридцатилетний период (1853—1884) насчитывалось около 2400 американских судов, промышлявших на севере Тихого океана, преимущественно у русских берегов. Общая стоимость добытой американцами за этот период продукции оценивалась цифрой около 110 млн. руб.[1]

Тогда же китобои, занимавшиеся попутно и промыслом моржа, попали в карагинские воды, долго славившиеся обилием китов. Лучшим местом для китобойного промысла считались тогда районы между островом Карагинский и заливом Корфа и около западного побережья острова Беринга.[2] Особенно интенсивные размеры принял здесь бой кита в 60—80-х годах XIX столетия, затем, по мере истощения запасов, он стал уменьшаться. Слюнин сообщает, что еще в 1895—1897 гг. китобойные суда нанимали жителей материкового побережья и ходили к острову Карагинский. Из продукции они тоже брали только самое ценное — жир и ус, а тушами расплачивались с населением.[3] В эти годы выбивались, видимо, последние остатки мигрирующих здесь китов, так как жители острова говорили в 1897 г. американцам, что их соотечественники почти совсем истребили китов.[4] В самые последние годы XIX столетия американский промысел прекратился совершенно.

Китобойный промысел играл большую роль у укинцев и олюторцев еще в конце XIX столетия, а затем он окончательно прекратился. Приполярная перепись 1926—1927 гг. подтвердила отсутствие промысла за пределами Чукотско-эскимосского района Чукотского национального округа, к югу от залива Кресты, в северо-западной части Анадырского залива.[5]

Само собой очевидно, насколько тяжелы были последствия хищнического иностранного промысла китов и моржей для всего оседлого населения карагинского побережья и побережья Олюторского залива, которому эти промысловые объекты давали основные средства к жизни (жир,

---

[1] См. Сергеев (№ 145), стр. 364.
[2] См. Слюнин (№ 153), т. I, стр. 614.
[3] См. там же, стр. 613.
[4] См. Barret-Hamiltone (№ 10).
[5] См. Поселенные итоги туземной переписи 1926 г. (№ 125); Сергеев (№ 145), стр. 334 и 340—341.

мясо, сырье для обуви, одежды, байдары и пр.). К этому присоединились и результаты многолетней торговой эксплоатации (обмена пушнины), соединенной со спаиванием населения.

В конце 90-х годов прекращается продолжавшаяся, быть может, около ста лет (с конца XVIII столетия) необитаемость острова Карагинский. Весь следующий период до настоящего времени он уже является населенным.

Когда именно произошло заселение острова, в точности неизвестно, как неизвестны и причины, побудившие переселиться туда нымылланов. Первые литературные сведения о заселении острова мы встречаем в работах Амурской экспедиции и у Н. В. Слюнина. Первые сообщают, что около 1895 г. на остров перекочевало пять семейств нымылланов с табуном оленей.[1] Слюнин указывает в 1898 г., что «Карагинский остров... был совершенно пустынным; только в самое последнее время туда переселилось несколько семейств оленных коряков».[2]

Следует подчеркнуть, что этим новым населением острова явились нымылланы-оленеводы.

Вполне допустимо предположение, что первоначальное население острова (имевшееся там во всяком случае в XVIII столетии) состояло из безоленных оседлых нымылланов, привлеченных туда обилием морских животных и имевших дополнительный источник существования в богатом рыбном промысле. Косвенно такое предположение подтверждается и упоминаниями исторических источников о наличии у жителей «шалашей», а главное о распространенности у них байдар.[3]

Падение промысла на наиболее ценных и необходимых в натуральном хозяйстве нымылланов объектов — моржа и кита — не допускало переселения на остров оседлых нымылланов карагинского побережья, основной отраслью хозяйства которых был зверобойный промысел. И новыми жителями явились уже оленные нымылланы.

Путешественники, посетившие в 1897 г. остров и заставшие его уже населенным, передают рассказ жителей о том, что они пришли на остров с материка вслед за своими оленями по льду пролива и не смогли вернуться обратно.[4]

---

[1] См. Рубинский (№ 136), стр. 57.
[2] См. Слюнин (№ 153), т. I, стр. 419, также стр. 158.
[3] См выше, стр. 155 и 161.
[4] См. Barret-Hamiltone (№ 10).

Такое переселение представляется вполне вероятным. В камчатском оленеводстве не редки случаи, когда напуганные хищниками, особенно в период пург и штормов, олени отрываются от стада и иногда попадают на льды побережья. За одним из таких оторвавшихся поздней весною табунов и могли перейти на остров нымылланы; вернуться обратно на материк они уже не смогли, так как пролив Литке замерзает полностью только в редкие годы. Вполне вероятно и другое предположение, что оленеводы пришли сюда, привлеченные качеством девственных пастбищных угодий острова или спасая оленей от бескормицы либо губительной эпизоотии.

Первое и единственное в сущности за весь дореволюционный период описание населения острова Карагинский принадлежит упомянутой экспедиции 1897 г. — Баррет-Гамильтону и Г. О. Джонсу. На берегу губы Ложных вестей они нашли юрту и несколько разбросанных балаганов. Мужское население этого пункта состояло из 12 человек. Внутри острова, как предполагают путешественники, была еще одна «деревня», а на другой стороне острова — третья.[1] Сравнивая весь жизненный уклад населения острова и жителей селения Карага, которое только что посетили путешественники, они пришли к справедливому выводу о крайней отсталости островитян. Весь материальный быт, жизненный уклад и хозяйство были крайне примитивны и граничили в сущности с каменным веком. Путешественники отмечают полное отсутствие в обиходе населения каких-либо предметов европейского происхождения. Одежда и обувь были у них из шкур оленя и морских животных. Пищей служили ягоды и рыба. Предметы домашнего и промыслового обихода были также собственной выработки: мешки для хранения вещей и охотничьи сумки — из тюленьих шкур, ножи — из кости, хранилища для пороха — из рога оленя. Для передвижения служили лыжи американского типа и кожаные байдары. Огонь добывался при помощи трута и огнива. Население совершенно не знало русского языка, а слово «ром» было ему понятно.

[1] Термин «деревня» применен неправильно. Внутри острова, как это видно из дальнейшего текста, паслись в это время олени, и там, очевидно, было обычное стойбище оленеводов. Существование постоянного населенного пункта на восточной стороне острова также сомнительно. Оседлого населения, как мы уже указывали (стр. 161, прим.), там нет, а могло быть лишь временное стойбище оленеводов.

Это явилось очевидно наследием, доставшимся населению от спивавших его американцев. Говоря о хозяйстве населения, англичане упоминают о домашних животных — упряжных собаках и оленях. Последние встречались на расстоянии двух дней пути от берега (очевидно во внутреннем тундровом районе острова). Из промыслов указаны охотничий и морской зверобойный промысел. В единственной имевшейся в селении юрте англичане видели шкуры оленей, медведя, рыжей лисицы, тюленей и кита. Киты к тому времени были уже, по словам жителей, истреблены, и добыча являлась случайной. Описание особо подчеркивает крайнюю примитивность промысловых орудий. Добыча животных производилась при помощи капкана и копья со стальным наконечником. Кроме того, имелись два «приспособления для стрельбы», действовавших посредством трута (очевидно подобие кремневого ружья). Авторы подчеркивают, что употребляют термин «приспособление для стрельбы» умышленно, желая, видимо, оттенить архаичность этого оружия.

Следующее сообщение о населении острова относится уже к 1910 г. и принадлежит генерал-губернатору Приамурья — Унтербергеру. На острове жило тогда около 70 нымылланов — «все родственники старика Семена, которые у него и служат пастухами при оленьих табунах». Этот старик Семен и является, по словам автора, «владельцем стада оленей численностью до 4000 штук». Олени выпасались за хребтом, на восточной стороне острова, где есть хорошие корма. Промышляло население медведей, лисиц, горностаев и нерп, соболь был выбит.[1]

Автор лоции Берингова моря Б. В. Давыдов нашел на острове Карагинском в 1920 г. два населенных пункта: первый — «немногочисленные, без обитателей, летники» — на косе губы Ложных вестей и второй — на песчаном мысе в середине западного побережья, южнее губы Ложных вестей, «где стоят несколько юрт и в них проживает не более десяти человек, являющихся повидимому единственными жителями острова».[2] Автор не учел наличия оленеводов во внутренних районах острова.

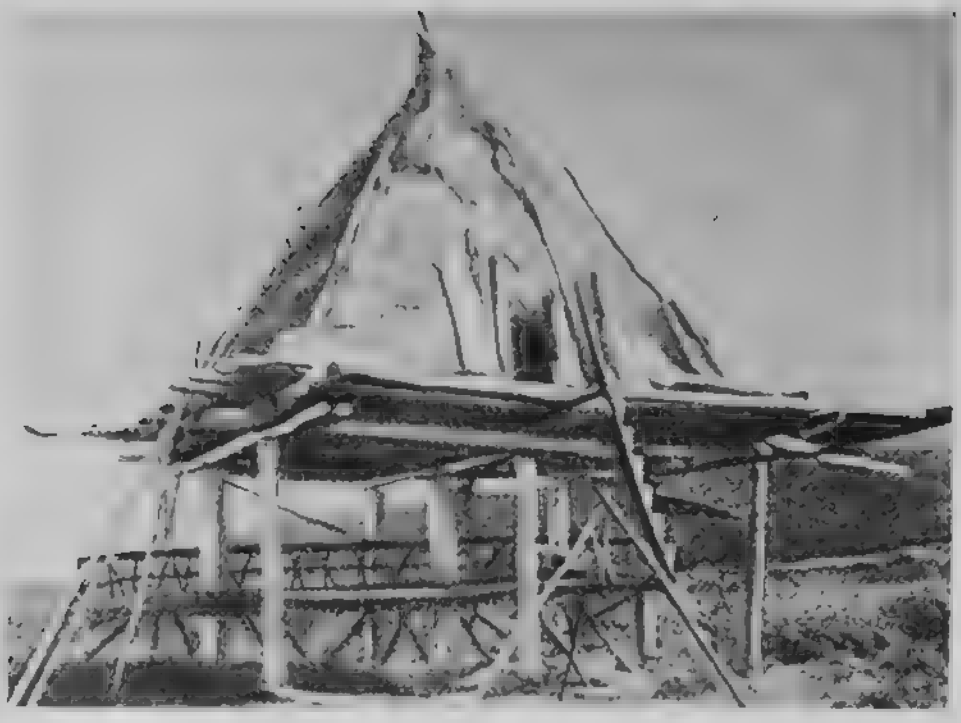
Приведенные сведения (Баррет-Гамильтона и Джонса, Унтербергера и Давыдова) позволяют сделать попытку об-

---

[1] См. Унтербергер (№ 172), стр. 303.
[2] См. Давыдов (№ 43), стр. 1424, 1434 и 1437—1439.

О. Карагинский. Нымылланы на борту английского парохода. 1897 г.

О. Карагинский. Нымыллан на борту английского парохода. 1897 г.



О. Карагинский. Балаган нымылланов

О. Карагинский. Разделка убитого оленя

щей характеристики хозяйства и общественного уклада населения острова в последний предсоветский период (1897—1920).

На острове жили, видимо, две различные хозяйственные группы нымылланов: оседлые, занимавшиеся рыболовством и морским промыслом, и кочевые — оленеводы. Подсобной отраслью хозяйства у первой, а, быть может, и у второй группы была охота. По своему укладу хозяйство обеих групп было почти полностью натуральным, замкнутым, но с развитым, обычным у всех нымылланов и луораветланов (чукчей) Камчатской области, постоянным обменом между кочевой и оседлой группой хозяйств. Кочевые снабжали оседлых необходимой для них продукцией оленеводства (мясо и шкура оленя), а оседлые оленеводов — продукцией рыбного и морского промысла. Товарным, да и то в некоторой своей части, был только охотничий промысел. Продукция рыболовства, морского промысла и оленеводства шла целиком на внутреннее потребление.[1] Продукция пушного промысла — соболь, лисица и, возможно, песец и горностай — сбывалась на сторону далеко не регулярно. Покупателями этой пушнины были американские шхуны, оруд овавшие на всем карагинском побережье и заходившие на остров,[2] а также могло быть и оседлое население ближайших пунктов материка. Эти операции с пушниной, во всяком случае в первое время, были случайными, иначе американцы не констатировали бы в 1897 г. полное отсутствие у населения покупных предметов, в частности мало-мальски сносного охотничьего вооружения.[3] Сообщение Амурской экспедиции о ежегодном приходе на остров Карагинский американской шхуны для скупа соболей относится к более позднему времени, когда соболь успел расплодиться на острове.[4]

Возможно и другое предположение, что все хозяйства островных нымылланов принадлежали к одному так называемому смешанному типу. Часть членов одних и тех же

---

[1] Об отсутствии вывоза с острова продукции оленеводства имеется прямое указание в трудах Амурской экспедиции — см. Рубинский (№ 136), стр. 57.

[2] Выше уже отмечалось нахождение в сел. Карага американской фирмы (см. стр. 164).

[3] Американцы видели у них порох, пули и пресловутое «приспособление для стрельбы» (см. стр. 168).

[4] Соболь впервые был завезен на остров в 1897 или в 1901 г. (см. ниже, стр. 182).

хозяйств занималась морским и рыболовным промыслом и жила постоянно или в течение промыслового сезона на побережье,[1] другая часть — выпасала оленей во внутренних районах острова.[2] Такой тип хозяйства, часто неправильно называемый «полуоседлый», встречается у нымылланов Пенжинского и Олюторского районов Корякского национального округа. Но и такой тип хозяйства не изменяет приведенной выше характеристики как самого содержания хозяйства (производства), так и его уклада.

Заметки Унтербергера дают нам некоторое представление и о производственных отношениях населения Карагинского острова. Если верно то обстоятельство, что все население являлось *родственниками* владельца 4-тысячного поголовья оленей, «старика Семена», и работало у него *пастухами* (т. е. батраками), то налицо характерная картина последних стадий разложения родовых отношений и возникновения классового общества. Налицо уже имущественное неравенство в результате появления частной собственности на основные средства производства — оленей — и сосредоточения их в руках вырастающего кулацкого хозяйства и связанные с этим неравенством отношения эксплоатации чужого труда. Но все эти отношения прикрыты еще формою отживающих родовых отношений, которые связывают «старика Семена» и его «родственников-пастухов», впавших в силу отсутствия у них оленей в экономическую зависимость от владельца стада. Такие социальные отношения вполне соответствуют описанному нами выше хозяйству нымылланов острова, которое, будучи полуохотничьим (промысловым) и полускотоводческим, характеризуется крайне низким уровнем развития производительных сил. Хозяин — владелец оленного поголовья — осуществлял, конечно, и функции торгового посредника в обмене пушнины. Такая картина псевдо-патриархальных отношений, очень типичная для нымылланского и луораветланского кочевого (оленеводческого) общества, наблюдалась в тундровых районах Камчатского края еще в 1930—1931 гг., в период развертывания там национального строительства.[3]

Подводя общие итоги обзору судеб острова за весь до-

---

[1] Американские авторы отмечали наличие «балаганов», а Давыдов — «летников», т. е. временных жилищ (см. стр. 167—168).

[2] На это указывали и американские авторы, и Унтербергер (см. стр. 168).

[3] См. Сергеев (№ 145), стр. 170—186.

революционный период его истории, следует констатировать его полную заброшенность. Царскую администрацию Дальневосточного края не интересовали ни сам остров, ни появившееся на нем население.

Не говоря уже о полном отсутствии каких-либо забот культурно-просветительного характера или медицинской помощи, администрация эта не считала нужным обратить внимание даже на экономическое положение населения и усиливающееся падение промыслов. На острове не было даже отечественной торговли, и население либо полностью было лишено возможности сбыта своей продукции, либо вынуждаемо обращаться для реализации ее (пушнины) к иностранцам.

В 1910 г. остров посетил, как указывалось, генерал-губернатор края, отметивший между прочим падение соболиного промысла и необходимость повторного завоза на остров соболя.[1] Но единственным «результатом» этого посещения была, видимо, постройка в следующем 1911 г. на средства казны небольшой церкви и дома для причта на западном побережье острова.[2]

При таких условиях отсутствовали, само собой разумеется, какие-либо перспективы развития местного хозяйства. Хозяйство нымылланов продолжало оставаться крайне примитивным и натуральным. Доходность его оставалась на низком уровне, обеспечивавшем лишь сохранение существования. Да и никаких стимулов к поднятию этой доходности не было, так как отсутствовала какая-либо возможность сбыта промысловой продукции. Амурская экспедиция обратила внимание на то, что, несмотря на успешное развитие оленеводства на острове, администрация не принимает никаких мер к вывозу с острова продукции оленеводства.[3] Аналогично обстояло дело и в рыболовном, и в морском промыслах, полностью натуральных отраслях хозяйства.

Но хозяйство населения острова было не только бесперспективно, оно было и значительно подорвано. Администрация края была бессильна прекратить даже незаконное хищничество иностранцев не только в территориальных водах России, но и на суше — на самом острове Карагинский. Совсем не боролась она с контрабандной скупкой

[1] См. Унтербергер (№ 172), стр. 303.
[2] См. Давыдов (№ 43), стр. 1434.
[3] См. Рубинский (№ 136), стр. 57.

пушнины, производившейся совершенно открыто работавшими по всему карагинскому побережью иностранными фирмами, несмотря на то, что эта скупка сопровождалась обычным спаиванием и разорением туземного населения. Правящие круги оставались безучастными к этому хищничеству, хотя на него обращали внимание правительственные экспедиции, посещавшие край. Так, д-р Слюнин, объехавший карагинское побережье в 1896—1898 гг. указывал, что «ввиду ежегодного прихода сюда американских шхун для моржевого промысла на Карагинском острове, Карагинская бухта, как и все это побережье, заслуживает большого внимания»; далее, говоря об обилии моржей в местных водах, он отмечал, что «это богатство, как и всякое другое, на здешних безлюдных берегах расхищалось и теперь расхищается хищниками-американцами».[1] Результатом этого хищничества было, как уже указывалось, полное истребление наиболее ценных ресурсов острова — моржа и кита, и иссякновение соответственных источников дохода у населения.

Особенно тяжело отразился на положении населения период интервенции, когда полностью прекратились какие-либо торговые связи с островом и когда общая заброшенность его достигла крайних пределов. Именно в этот период попавшими на остров хищниками был окончательно выбит соболь — чуть ли не единственный источник товарного дохода у населения. Тогда же, видимо, сильно упало и оленеводство острова,[2] так как, будучи совершенно лишено одних ресурсов (моржа, кита) либо средств добычи других ресурсов (охотничьих припасов), население оказалось вынужденным усиленно потреблять оленную продукцию.

Ко времени советизации острова (1923—1924) и организации здесь советского хозяйства (1926—1927) остров оказался уже сильно разоренным.

Социалистическое освоение

За истекшие годы социалистического строительства остров Карагинский получил совершенно новый облик. В первую очередь нужно отметить, что единственным укла-

[1] См. Слюнин (№ 153), т. I, стр. 462 и 608.
[2] См. ниже, стр. 174.

дом всего островного хозяйства является социалистический, так как все его хозяйство — и государственное и местного населения — целиком относится к социалистическому сектору.

Рассматривая историю островного хозяйства в советскую эпоху и современное состояние экономики острова, мы остановимся сначала на хозяйстве населения острова и затем на государственном островном хозяйстве.

Население острова состоит в настоящее время из постоянного, основного населения — нымылланов и временного — сезонных и срочных служащих и рабочих АКО. Летом число временного населения увеличивается в результате приезда сезонных рабочих до 400 человек. На зиму на острове остается не более 200 человек вместе с членами семей.

Приполярная перепись 1926—1927 гг. установила на острове три постоянных населенных пункта: близ устья реки Унунну-уаям — 2 хозяйства, в губе Ложных вестей — 5 хозяйств и в 25 км к северу от губы — 2 хозяйства. Все население этих 9 хозяйств состояло из 59 нымылланов (30 мужчин и 29 женщин).[1] Летом 1936 г. на острове были те же 9 хозяйств и 69 человек населения.[2]

И данные приполярной переписи 1926—1927 гг. и местной переписи 1935 г., и имевшие место обследования острова (произведенные М. П. Розановым и Г. И. Розановой-Кошелевой в 1931 г.), и последние материалы (П. Н. Мартыщенко, 1934—1936) устанавливают совершенно идентичный тип хозяйства островных нымылланов.

Хозяйство это типично комплексное, промыслово-оленеводческое. Всеми промыслами занимаются все 9 хозяйств острова. Сельским хозяйством — посевами (огородами) и животноводством[3] — население не занимается совершенно.

[1] См. Список населенных мест Дальневосточного края (№ 160), стр. 210; Поселенные итоги (№ 125), стр. 14.

[2] Все приводимые здесь и ниже данные о современном состоянии населения относятся к июлю 1936 г. и получены автором лично от заведывающего пушно-оленеводческой базой Карагинского комбината АКО П. Н. Мартыщенко, которому автор и приносит свою благодарность. См. также Мартыщенко (№ 97, рук. № 3).

[3] При современном крайне экстенсивном состоянии северного оленеводства, когда, по удачному выражению северных работников, «не олень ходит за человеком, а человек за оленем», мы не можем отнести северного оленя к числу чисто домашних животных. О правильности этого положения свидетельствует и неуклонно применяемый термин «одомашненный» олень.

Ни по данным переписей, ни в настоящее время у них нет совершенно ни посевов, ни домашнего скота и птицы. Занимаются они, как и все, особенно оседлые северные народности, только собаководством, причем по переписи 1926—1927 гг. подавляющая часть всех собак — ездовые (56 из общего количества 71). Отраслями хозяйственного комплекса являются рыбный, пушной и зверобойный (морской) промыслы и оленеводство. Основной доход населению дают оленеводство и рыбный промысел, а источниками товарного (денежного) дохода являются пушная и рыбная продукции. По своей форме хозяйство нымылланов острова — типичное смешанное хозяйство. Все хозяйства, объединенные в один колхоз,[1] занимаются и промыслами, и оленеводством; в результате часть рабочей силы занимается промыслами, связанными с оседлостью (рыболовством и морским), а другая часть выпасает оленей.

Оленеводство появилось на острове вместе с переселением нымылланов (около 1895 г.). Условия острова — полная обеспеченность поголовья и летними, и зимними пастбищами, девственный характер зимних пастбищ, отсутствие эпизоотий и хищников-волков — оказались весьма благоприятными для роста стада, и поголовье чрезвычайно расплодилось. В предвоенные годы оно достигало во всяком случае нескольких тысяч голов.[2] В период войны и особенно интервенции имело место резкое снижение поголовья, так как отсутствие других ресурсов вынудило нымылланов затронуть основное стадо. В период переписи 1926—1927 гг. на острове было только 480 оленей,[3] летом 1936 г. — около тысячи голов. Как и повсеместно на севере, оленеводство дает нымылланам мясо, жир и сырье для выделки обуви и одежды.

Охотничьи ресурсы острова составляют пушные животные (лисица, соболь, горностай, песец), медведи, зайцы и птицы. Рассматривая охотничий промысел населения, следует иметь в виду, что в течение некоторого периода добыча всех пушных животных, за исключением горностая,

[1] См. ниже, стр. 178—179.

[2] Унтербергер (№ 172, стр. 303) приводит для 1910 г. цифру 4 тыс. голов, Грюнер (см. Комаров, № 77, стр. 60) для 1912 г. — 16 тыс. голов. Само собой разумеется, что либо первая цифра преуменьшена, либо вторая преувеличена, но размер в пределах нескольких тысяч, повидимому, бесспорен. См также Рубинский (№ 136), стр. 57.

[3] См. Итоги переписи (№ 70), табл. I—I, стр. 20—25.

была запрещена полностью или ограничена строгим нормированием.[1] Охота на медведя, зайца и птицу — все время свободна. Размеры охотничьего промысла как за дореволюционный период, так и за последнее время видны из следующих данных:[2]

Добыча охотничьего промысла (число хвостов)

Виды животных	Промысловые сезоны								
	1914/1915 г.	1915/1916 г.	1916/1917 г.	1924/1925 г.	1925/1926 г.	1926/1927 г.	1927/1928 г.	1928/1929 г.	1930/1931 г.
Лисицы	47	80	37	56	51	65			
В том числе:							запрет промысла		
Чернобурые . .	6	6	1	3	5	5			
Сиводушки . . .	14	29	16	15	20	28	запрет		50
Красные	27	45	20	33	26	32	промысла		30
Горностаи	76	56	37	—	50	75	50	280	100
Белые песцы . . .	12	17	6	-	5	4	запрет промысла		
Медведи	19	15	8	5	7	15	в среднем по 20 голов		

Основными объектами пушного промысла являются, как это видно из таблицы, лисица и горностай. Обращают на себя внимание большая устойчивость промысла лисицы и исключительно высокие размеры добычи наиболее ценных темных ее окрасок (чернобурой и сиводушки), превышающие во много раз соответственные показатели по материковым районам Камчатской области.

Резкое повышение добычи горностая в 1928/1929 г. объясняется тем, что, в связи с повышением заготовительных цен на его шкурку и завозом достаточного количества огнеприпасов, охотники увеличили размер промысла. Падение добычи в 1930/1931 г. имело место в результате неурожая в западной части острова кедрового ореха и уменьшения количества полевок — главных пищевых ресурсов горностая. Последний перекочевал за главный хребет, в

[1] О нормировании охотничьего промысла, см. ниже, стр. 177 и 181.

[2] См. Батурин (№ 11), стр. 342; Розанов и Розанова-Кошелева (№ 135); Поселенные итоги (№ 125), стр. 14; Итоги переписи (№ 70), табл. I — I, стр. 20—25.

восточную часть острова, где был урожай орехов, но охотники туда не пошли.[1]

Промысел соболя, объявленный в 1928 г. под запретом, выражался в период 1915—1918 гг. в размере только 20 хвостов в год. Затем он стал падать в виду почти полного истребления соболя в период интервенции.

Объектами рыболовного промысла населения являются исключительно лососевые как проходные (кета, красная, кижуч), так и живущие в местных двух реках (голец или мальма). Продукция рыбного промысла в год приполярной переписи выразилась в 7 тыс. штук кеты, $3^1/_2$ тыс. штук гольца и 800 штук кижуча. Шла она в те годы полностью для внутреннего потребления — на питание населения и на корм собакам.

Объектами морского зверобойного промысла являются только тюлени — различные нерпы (обыкновенная, или акиба, пестрая, или ларга) и лахтак (морской заяц). Добыча в год переписи составляла 120 нерп и 30 лахтаков.

Советизация острова застала хозяйство нымылланов столь же примитивным, каким его нашли американцы в 1897 г., с тою существенной разницей, что это примитивное, т. е. необеспеченное и неустойчивое, хозяйство было значительно подорвано падением основных промыслов населения, особенно оленеводства. Задачи национальной политики партии требовали немедленного принятия мер, в первую очередь по восстановлению и укреплению этого хозяйства и, далее, по коренной его технической и социальной перестройке.

Проводившаяся на протяжении первых лет целая система разнообразных мероприятий преследовала именно эту цель — восстановление хозяйства населения.

Полное прекращение хищнического промысла пришлых охотников и нормирование промысла пушных животных имели своим последствием восстановление и умножение природных запасов этих животных и повышение добычливости промыслов.

Оказание в течение нескольких лет кредитной помощи населению при снабжении его предметами первой необходимости и промысловым снаряжением позволило ему стать на ноги, усилить промысловую деятельность, восстановить оленье поголовье. К той же цели была направлена и вся

[1] См. Розанов М. П. (рук. № 5).

торговая (снабженческо-заготовительная) работа на острове. Ассортимент завозимых товаров состоял из необходимых для населения продуктов питания, широкого потребления и технического снаряжения. Товары отпускались населению по строго нормированным ценам, значительно более низким, как и во всей Камчатской области, чем на материке. Заготовительная деятельность преследовала цель увеличить выход товарной продукции из хозяйства нымылланов, улучшить туземное потребление путем замены обычного крайне примитивного ассортимента культурными «европейскими» средствами потребления и повысить общую доходность этого хозяйства. В этом направлении была построена и вся система цен. Повышение цен на промысловую продукцию и понижение цен на завозимые товары способствовали выходу сырья из хозяйства нымылланов. Так, цена на лисицу (красную) была повышена до 30 руб., на горностая до 4 руб. 50 коп., на медведя до 40 руб.

Несмотря на то, что в первые годы основным направлением островного хозяйства было выбрано пушное звероводство и в силу этого был запрещен промысел почти всех пушных животных, в отдельные годы, в зависимости от материального положения нымылланов, разрешался отстрел заповедных животных. Это имело, между прочим, место в 1931 г., когда был разрешен промысел не только красной лисицы, но и сиводушки.[1]

Дальнейшей задачей являлось техническое перевооружение промыслов нымылланов — замена первобытных орудий промысла более совершенными. Уже перепись 1926—1927 гг. отметила у населения острова значительное количество новых, отсутствовавших у них ранее, орудий и средств промысла. В упомянутых 9 хозяйствах, насчитывавших 13 мужчин в возрасте от 18 до 59 лет, перепись учла:[2] 3 гладкоствольных и 12 нарезных ружей, 6 сетей, 1 баркас и 2 бата.[3] Это снаряжение, значительно увеличившееся в последние годы, и регулярное снабжение населения охотничьими припасами и проч. сильно повысили производительность промыслов. Морской промысел, кото-

---

[1] См. табл. на стр. 175.

[2] См. Поселенные итоги (№ 125), стр. 14; Итоги переписи (№ 70), табл. I—I, стр. 20—25.

[3] Бат — долбленая лодка из ствола дерева.

рый ранее был незначителен и случаен, так как в результате плохой вооруженности населения (байдара и носок) полностью зависел от состояния льдов у острова (близости их к берегу), приносит в настоящее время сотни голов морского зверя в промысловый сезон. Также увеличилась эффективность и рыбного промысла, и охоты. Наличие в достаточном количестве настоящих ружей, а не двух на все население «приспособлений для стрельбы», и обеспеченность боеприпасами значительно увеличили добычу животных, ранее промышлявшихся очень незначительно — медведя и горностая,[1] и сделали возможным опромышление новых объектов — зайца и дичи, добываемых в настоящее время в значительном количестве.

Укрепление хозяйства нымылланов выразилось не только в восстановлении и расширении старых, разрушенных в досоветский период, источников дохода, но и в появлении новых. Перепись 1926/1927 г., зарегистрировав показатели промысловой деятельности населения острова, отметила, что у него нет «никаких других заработков».[2] В настоящее время появились и эти заработки от работы в Комбинате АКО.

Значительный подъем всех промыслов населения способствовал разрешению важнейшей задачи — восстановлению основной отрасли хозяйства нымылланов — оленеводства. Повышение валовой доходности и увеличение товарной продукции промыслов (рыболовства, охоты и морского промысла) прекратили то проедание основного поголовья, которое послужило причиной катастрофического падения оленеводства перед советизацией острова. За девять лет (1926/1927—1936) оленное поголовье нымылланов увеличилось с 480 до 1 тыс. голов (на 108%).[3]

Это сильное развитие всего хозяйственного комплекса нымылланов является результатом того обстоятельства, что техническая перестройка хозяйства сопровождалась его социальной реконструкцией.

Первоначально коллективизация проводилась, согласно общепартийным директивам о коллективизации на крайнем севере, в форме простейшего производственного кооперирования. Образованное товарищество обычного северного типа объединило в первое время только часть хозяйств

[1] См. табл. на стр. 175.
[2] См. Поселенные итоги (№ 125), стр. 14.
[3] См. выше, стр. 174.

нымылланов. Сильное укрепление хозяйства населения и значительное повышение его культурного уровня позволили перейти к более высокой форме колхоза — артели. В то же время процесс коллективизации охватил постепенно все нымылланские хозяйства. В настоящее время все постоянное население острова (9 хозяйств — 69 человек) объединено в одну северную смешанную артель «Новый товарищ», и Карагинский остров является, видимо, единственным национальным районом крайнего севера Союза, где коллективизация осуществлена в размере 100%.

В результате технической и социальной реконструкции хозяйства нымылланов и рациональной организации труда в колхозе сильно повысилась как общая доходность хозяйства, так и товарность его продукции. Бюджет населения выразился в 1935/1936 г. в 70 тыс. руб., что составляет около 8 тыс. руб. на хозяйство и свыше 1 тыс. руб. на одного едока. Карагинский островной колхоз вступил, таким образом, уже в зажиточную жизнь. Перепись 1926—1927 гг. констатировала полное отсутствие товарной продукции, за исключением пушнины.[1] В настоящее время товарной стала и часть продукции рыбного и морского промысла, сдаваемая населением в факторию АКО.

В 1936 г. на острове проведено первоначальное землеводоустройство. Помимо своей непосредственной задачи — обеспечения комплексного хозяйства нымылланов всеми необходимыми промысловыми угодьями (рыболовными, охотничьими и пастбищными) — оно должно было размежевать на острове сферы хозяйствования комбината АКО, с одной стороны, и постоянного населения — с другой, а также и гарантировать последнее от возможного нарушения его прав.

Истекшие годы социалистического освоения острова неузнаваемо изменили весь быт нымылланов и сильно повысили их культурный уровень. Успешно разрешена одна из ответственнейших задач национальной политики на Севере — проблема перехода кочующих к оседлости. Происшедшие в результате социально-технической реконструкции хозяйства нымылланов изменения в самом хозяйственном комплексе (усиление значения тех промыслов, которые связаны с оседлостью) и рациональная организация труда в едином на острове колхозе обеспечили переход на осед-

[1] См. Поселенные итоги (№ 125), стр. 14.

лость оленеводческих хозяйств. Уже местная перепись 1935 г. отметила оседлый образ жизни подавляющей части хозяйств, входивших в колхоз «Новый товарищ». В 1936 г. оседлыми стали уже все нымылланы. Все население поселилось вместе и зимою живет в постройках бывшего зверопитомника АКО,[1] в $1^1/_2$—2 км к северу от устья реки Упунну-уаям. Пастухи со стадом оленей находятся в это время на зимних пастбищах, в 12 км к югу от губы Ложных вестей. Жилыми строениями являются там три юрты, сбитые из выброшенного березняка. Летом все население переходит на нерестовые реки, где занимается ловом рыбы и заготовкой юколы.[2] Живет оно здесь в домах и юртах. Кроме трех капитальных домов в зимнем поселке, в других местах сооружены постоянные домики (рубленые, засыпные) — зимою для охоты, летом для рыбного промысла.

Значительно повысившаяся материальная обеспеченность населения изменила весь его материальный быт. О прежней нужде и хроническом недоедании не осталось и помина. В основной набор питания нымылланов твердо вошли новые «европейские» продукты — хлеб, рис, растительное масло, на котором они жарят рыбу. Одежда тоже «европейская»; своя туземная употребляется только на промыслах.

Быстро преодолевают нымылланы острова Карагинский и свою культурную отсталость. Перепись 1926/1927 г. не нашла среди них ни одного грамотного, то же констатировал и М. П. Розанов в 1931 г.[3] Неграмотным был в его бытность и весь состав национального совета. В настоящее время подавляющее большинство нымылланов грамотно (неграмотных только 15% населения — часть стариков и женщин). На острове работает школа, охватившая всех детей, и постоянный пункт ликбеза, охвативший даже стариков; медицинское обслуживание обеспечено фельдшерским пунктом комбината АКО. Значительны достижения и на антирелигиозном участке работы. Только в виде исключения сохранились среди некоторых стариков пережитки старых предрассудков, остатки шаманства, обрядности праздников, рождений и похорон. Эти пережитки

[1] См. ниже, стр. 187.

[2] Юкола — вяленая рыба — общепринятый у населения Камчатской области способ заготовки рыбы.

[3] См. Поселенные итоги (№ 125), стр. 14; Розанов (рук. № 5).

практикуются только в скрытом виде и тщательно скрываются даже от собственной молодежи.

Значительно повысилась вместе с общекультурным уровнем и политическая активность населения. Усилилась работа островного национального совета, руководимого нымылланом Е. И. Котловым, комсомольцем, окончившим областную совпартшколу в Петропавловске-на-Камчатке.

Начало организации Карагинского государственного островного хозяйства было положено Дальгосторгом в 1926—1927 гг., спустя несколько лет после советизации острова (1923). В эти первые годы на острове около устья реки Унунну-уаям имелась только фактория, организованная для снабжения населения и приема от него пушной продукции. В 1928 г. остров был передан в ведение АКО, и направлением всего островного хозяйства было выбрано пушное звероводство.

Пушное звероводство было первоначально организовано на острове в двух формах — вольного и клеточного, причем главное внимание было уделено клеточному звероводству.

Объектом вольного звероводства явились местная карагинская лисица (чернобурая, сиводушка и красная), соболь, песец и впоследствии ондатра. С самого начала своего хозяйствования на острове АКО запретило промысел всех животных, кроме медведя и горностая. Это сыграло огромную роль в умножении запасов наиболее ценных животных. Все меры по вольному разведению и ограничились по существу только охраною животных — запретом промысла и последующим нормированием отстрела (лисицы) и установлением сроков охоты. Для зимней подкормки лисиц были устроены одно время (1929) три кормушки, куда помещалась юкола.

Главным объектом являлась лисица. После продолжительного запуска она сильно размножилась и ныне заселяет остров повсеместно. Поверхность и растительный покров острова благоприятны для жизни лисицы. На острове много излюбленных лисицею мест — открытых тундр и кустарников.

Кормовая база очень велика и обеспечивает полностью наличное поголовье. На восточное побережье острова выбрасывается много морского зверя; значительны и местные животные и растительные ресурсы, служащие кормом лисицы, — горностай, заяц, ондатра, полевка, рыба, птица,

птичьи яйца, орехи, ягоды. Добытые экземпляры лисицы отличались высокой упитанностью; даже у убитых весною, в марте, животных наблюдалось достаточно жира. Лисье поголовье острова является, как уже указывалось, исключительно ценным и редким по составу своих расцветок — обилию чернобурок и сиводушек. Местное население и посетившие остров исследователи определяют соотношение различных окрасок в стаде в 20% чернобурки, 30% сиводушки и 50% красной. В 1930—1931 гг. был разрешен промысел сначала красной, а затем и сиводушки,[1] промысел чернобурых был запрещен. Общее поголовье лисицы на острове определялось в 1936 г. приблизительно в 300 экземпляров, в том числе до 70 экземпляров чернобурой. П. Н. Мартыщенко полагает, что наличные кормовые ресурсы острова позволяют довести количество лисиц минимально до 600 экземпляров.

Второй объект вольного звероводства — соболь — был завезен сюда впервые в конце 90-х годов XIX столетия или в начале 900-х годов,[2] видимо в связи с состоявшимся тогда переселением на остров нымылланов. Завезено было всего 6 экземпляров, в том числе 4 самки. Соболь хорошо расплодился благодаря благоприятным для него условиям острова. В довоенные годы он регулярно промышлялся нымылланами, сдававшими, видимо, добычу американским контрабандистам. Еще в 1915—1918 гг. размеры промысла достигали 20 хвостов в год. За время хищничества в период интервенции запасы соболя были почти полностью истреблены приходившей на остров японской шхуной. Ко времени организации хозяйства АКО соболь был уже почти выбит; на острове оставалось 2—3 пары соболей. В 1928 г. были завезены АКО добытые на материке живьем 10 укинских соболей очень высокого качества,[3] а в 1930 г. еще 3 самки укинских соболей. Одновременно с 1928 г. промысел соболя был запрещен совершенно. За время с 1928 г. был произведен один отстрел — в 1935 г. — 7 экземпляров и в 1936 г. отлов 2 соболей для

[1] См. выше, стр. 177.

[2] Об этой первой пересадке соболя на остров см. у Емельянова (№ 57), стр. 301, Разумовского (№ 132), Розанова (рук. № 5), Рубинского (№ 136), стр. 57. Старожилы острова передавали в 1928—1929 гг. В. И. Разумовскому, что соболь водился на острове и раньше первой пересадки.

[3] Соболь, водящийся в районе селения Ука, известен по качествам своего меха как один из лучших камчатских соболей.

исследования; тогда же случайно попались в капканы, поставленные на горностаев, еще 2 соболя. Запрет остается в силе и по настоящее время. По данным 1929/1930 г. на острове насчитывалось около 50 соболей, в 1936 г. — около 250—300.

Несмотря на несвойственную ему зону обитания, соболь, как это видно из предыдущего, успешно размножился на острове. Обычным местом обитания соболя считается глухая тайга и таежные речки. На Карагинском острове тайгу заменяют ему обильные кедровые и ольховые кустарники-сланцы и многочисленные в верховьях рек каменистые россыпи. По описанию нымылланов, соболь встречается по всему острову: живет в хребтах, на склонах каменистых сопок и в предгорьях, где есть заросли кустарника, но предпочитает древостои из каменной березы. Летом и осенью соболь обеспечен в изобилии разнообразными кормами — полевками, зайцем и птицей, рыбой и растительными. Основным питанием ему, как и лисице, служат полевка, белая и тундровая куропатка и заяц. Несмотря на значительное истребление куропаток лисицами, соболем, песцами и полевками, они размножаются на острове в огромном количестве. Рыбой соболь питается во время ее нереста в реках острова; на морском побережье кормом служат выбрасываемые морем туши ластоногих. Осенью любимым кормом соболя являются ягоды и орехи, изобильные на острове. Иначе обстоит дело с зимним питанием соболя. После выпадения снега, а еще сильнее в конце зимы (феврале, марте), пищевые ресурсы истощаются, и соболь начинает голодать. Отдельные особи, что совершенно несвойственно дикому и сторожкому зверьку, подходят к складам фактории в поисках пищи. Нымылланы рассказывают, что соболь забирается даже в юрты, где рвет одежду и погрызает алыки,[1] и в юкольники, где уничтожает юколу. Такой голодовкой объясняется, между прочим, и факт попадания соболя в марте 1936 г. в капканы для горностаев, поставленные в тальнике около юрт. Так как пушно-звероводческое хозяйство АКО не производит подкормки соболей, само население подкармливает их юколой и икрой.

Следует отметить также наличие на острове многочисленных конкурентов и врагов лисицы и соболя — как мле-

[1] Алык — собачья упряжь.

кормящих, так и пернатых. Из первых наиболее вредоносен горностай как серьезный истребитель полевок, к тому же водящийся на острове в исключительном изобилии.[1] Ничтожную роль как конкурент играет песец, живущий на острове в крайне ограниченном количестве. К пернатым относятся несколько видов ястребов, совы, вороны и орланы. Наиболее опасным и крупным конкурентом из них является ворон, живущий на острове в громадном количестве и сильно истребляющий полевок, а также молодняк зайца и куропатки. Много вреда приносит он и нымылланам истреблением юколы.

Следующим объектом вольного звероводства является белый песец. Запасы его на острове были невелики, и промысел его составлял всего несколько хвостов в год. В 1928 г. АКО завезло на остров 8 пар командорского белого песца. Но условия Карагинского острова оказались мало благоприятными для обитания песца. Природная склонность песца к миграции при возможности для него зимою сообщения с полуостровом Камчатка заставляла его уходить с острова. Этому способствовали также недостаток зимних кормов и заселенность острова лисицами, жестокими конкурентами песца. Увеличение в силу запрета промысла количества лисиц усилило, видимо, уход песца с острова на материк. В 1931 г. на острове оставалось всего два гнезда песцов на косе губы Ложных вестей. Место это тоже неблагоприятно для жизни песца, так как в этом районе происходит прогон оленьих стад, промысел нымылланов на нерпу и перелетных гусей, а также сбор плавника и пр. Кроме того, на этой же косе живут и красные лисицы, конкуренты песца.

В 1928 г. АКО была выпущена на остров партия ондатры, вывезенной из штата Онтарио.[2] Выпущена

[1] В. И. Рубинский, исходя из скромных размеров добычи горностая за период 1914—1928 гг., считал запасы его на острове ограниченными. Между тем эти размеры промысла объясняются отнюдь не ограниченностью запасов, а значительным недопромыслом. Недостаток охотничьих припасов и низкая цена на шкурку ограничивали размеры промысла. Это подтверждается значительным ростом добычи в последующие, после пребывания на острове В. И. Разумовского, годы (см. табл. на стр. 175). Все посетившие остров в последние пять-шесть лет отмечают исключительное обилие там горностая. П. Н. Мартыщенко, в частности, считает возможным легко увеличить добычу до 500 горностаев в год.

[2] Ондатра — мускусная крыса, называемая американским выхухолем. Распространена на севере Америки до границы лесов. В Аме-

ондатра (33 экземпляра) была в наиболее благоприятном для нее районе — в низовьях реки Унунну-уаям, в соседних старицах и озере, получившем с тех пор название Большого Ондатрового. Ондатра быстро освоилась, приспособилась к местным условиям, размножилась, заселила весь район нижнего течения реки Унунну-уаям и прошла вверх по течению до лежащих там болот и озер. Небольшое количество ондатры проникло в бассейны соседних рек.

К 1931 г. ондатра заселила сравнительно плотно на 4 км вверх по течению оба побережья реки Унунну-уаям и устроила на болоте небольшой городок из 16 хаток. Отдельные особи проникли в среднее течение реки Анатован на северо-западе и в устье реки Майна-Лимнит на юге. В этих районах повсюду были устроены норы ондатры — с многочисленными входными отверстиями, с сетью многоэтажных галлерей и с внутренними гнездами. Домики на болоте были сделаны из мха и ила и достигали высоты 1 м. Видны были и канавки, прорытые ондатрой для снабжения водою нор и мест жировок.

Выращенная в американских питомниках ондатра была первое время очень мало пуглива и легко доступна для наблюдений, затем совершенно отвыкла от людей, одичала и стала очень пугливой. Наблюдать ее, равно как и произвести необходимый отлов для исследований, было в 1931 г. уже очень трудно.

Несмотря на благоприятные результаты акклиматизации ондатры в первое время, эта отрасль пушного звероводства не имеет больших перспектив на острове Карагинский.

Специально обследовавший ондатровое хозяйство в 1931 г. М. П. Розанов, определив заселенность острова ондатрой и емкость его для дальнейшего заселения, пришел, по целому ряду соображений, к выводу о нецелесообразности разведения ондатры на острове. Прежде всего неблагоприятно для обитания ондатры самое устройство

рике ондатра, дающая на экспорт, главным образом в Англию, несколько миллионов шкур в год, разводится в огромных масштабах. Отличаясь плодовитостью и быстро размножаясь, ондатра занимает в американской пушной промышленности место нашей белки. В виду некоторой опасности со стороны ондатры для сельского хозяйства, разведение ее наиболее целесообразно на изолированных пространствах. В СССР разведение ондатры началось в 1928 г. (на Соловецких островах) и приняло значительные размеры (Архангельская область, Коми АССР, Восточная и Западная Сибирь).

поверхности острова. Рельеф острова — возвышенный, гористые части и тундровые пространства для расселения ондатры непригодны, низменностей с подходящими для нее озерами и болотами мало, и они сводятся к тем речным долинам, где ондатра уже расселена (реки Унунну-уаям, Анатован и Майна-Лимнит). Имеющиеся в районах обитания ондатры кормовые ресурсы недостаточны для дальнейшего ее разведения. Главные кормовые ресурсы — осока и хвощ — зимою дают недостаточное питание. Они не развивают больших корней с запасами крахмалистых веществ, помимо этого корни их располагаются в верхних промерзающих зимою слоях почвы и трудно доступны для ондатры. Наземная часть осоки и хвоща в малоснежную и морозную осень и в начале зимы отмирает и непригодна для питания. Таким образом, обеспеченность ондатры кормами в течение продолжительных и суровых зим — недостаточна. Кроме того, на острове имеется много конкурентов и опасных врагов ондатры. К первым принадлежит чрезвычайно обильная полевка, обитающая на тех же болотах и питающаяся теми же растениями, что и ондатра. Наиболее серьезными врагами, истребляющими ондатру, являются красная лисица и пернатые (полярная сова, соколы, вороны). Уничтожают ее и песцы, правда, немногочисленные на острове, и, вероятно, горностай и соболь. Далее М. П. Розанов отметил, что ондатра, расселение которой расположено около нерестилищ лососевых, может, со своей стороны, причинять вред рыбному хозяйству острова.

П. Н. Мартыщенко сообщил нам следующие, относящиеся к 1934—1936 гг. сведения об ондатровом хозяйстве. Летом на Б. Ондатровом озере было около 200 домиков ондатры, а всего, при среднем размере гнезда в 6—8 хвостов, не менее 1—1,5 тыс. ондатры. Особенно много ондатры гибнет зимой и весной от нападений пернатых хищников, в частности воронов, и бродячих собак. Очень много ондатры гибнет от птиц в теплые зимние и весенние дни, при таянии снега, когда она выходит наружу из своих норок. Собаки душат ондатру главным образом весною, во время гона.

Пересадка на остров песца и ондатры была произведена без предварительного исследования природных условий острова специалистами. Животные эти были завезены сюда в 1928 г., до обследования В. И. Разумовского и

М. П. Розанова. Результатом этого явилась неудача опытов АКО.

Объектами клеточного звероводства были на острове местные и привозные американские лисицы. Первоначальная организация питомника относится к 1928 г., когда мымылланами был произведен отлов живьем местных лисиц (сиводушек и чернобурых). Неблагоприятные условия содержания (скверное помещение и питание) вызвали гибель в течение первого года 24 лисиц. В 1929 г. был выстроен в полутора километрах от фактории, к северу за рекой, настоящий питомник с 28 клетками (на 14 пар лисиц), и на остров прибыл специальный звероводь. К осени 1929 г. в питомнике находилось 16 местных лисиц, в том числе 4 серебристо-черных. Позднее осенние и зимние пурги и снегопады, достигающие на острове исключительной силы, совсем занесли питомник и совершенно разрушили все клетки. Половина животных погибла, уцелело 8 лисиц, в том числе 4 серебристо-черных. Оставшиеся животные болели вследствие недостатка питания (мяса и овощей). Животные оставались совершенно дикими, приплода не давали.

В 1930 г. питомник был заново перестроен на 90 пар животных, и туда было помещено 50 пар американских серебристо-черных лисиц (с острова Эдуарда), содержавшихся раньше в питомнике АКО во Владивостоке. Прибыл и специалист зоотехник. В 1931 г., благодаря организованному зверосовхозом подсобному хозяйству, было налажено правильное питание животных. Зимою 1930/1931 г. повторилось разрушение питомника пургами и снегами. Катастрофа произошла как раз в момент щенки. Половина клеток была погребена под снегом. В результате пришлось произвести сильное уплотнение животных, местные (карагинские) серебристо-черные лисицы были забиты, а 50 американских пар с приплодом были помещены в уцелевшие 45 клеток. Персонал питомника в крайне тяжелых условиях разгребал иногда круглыми сутками снежные завалы, весь уход за животными — чистка клеток, кормление — был чрезвычайно затруднен. Только эта напряженная, граничащая с героизмом работа сделала возможным сохранение всех американских лисиц. Несмотря на всю неблагоприятную обстановку, 14 самок дали потомство от 2 до 6 щенков, а всего 58 щенков, из которых выжило 57.[1]

[1] См. Розанов (№ 135).

Крайние трудности содержания питомника в зимних условиях острова, в частности неблагоприятная обстановка щенения, вызвали со стороны АКО переброску всего племенного материала сначала в петропавловский на Камчатке питомник, а затем на материк.

Вторым объектом клеточного звероводства был на острове Карагинский соболь. В том же питомнике содержалась всего одна пара соболей в качестве контрольных к соболям шантарского питомника. В 1930/1931 г. приплод был, видимо, съеден очень дикой самкой. Соболи были также вывезены с острова, и питомник был ликвидирован окончательно. Этим был положен конец клеточному звероводству на острове.

С 1931 г. коренным образом изменяется направление островного хозяйства. АКО, в сферу деятельности которого входит освоение острова, открывает здесь рыбные промыслы, реорганизуемые затем в комбинат. С этого времени ведущей отраслью хозяйства становится рыбная промышленность, а звероводство, оставшееся в форме вольного разведения пушных животных, сначала превращается во второстепенную отрасль, а затем ликвидируется полностью.

Карагинский рыбокомбинат АКО имеет две базы — центральную в губе Ложных вестей и вторую в северной части острова. Основным и в сущности почти единственным объектом промысла является треска. О распространенности этой исключительно питательной рыбы в карагинских водах было известно давно, но места ее нереста, как и вообще образ жизни, были совершенно не исследованы. Научно-поисковая экспедиция Тихоокеанского института рыбного хозяйства в Беринговом море в 1931 г. осветила вопрос о нерестилищах трески в районе острова. Около острова была найдена икра трески, а за несколько лет до этого В. Е. Розановым были добыты там же ее мальки. Лов трески организован комбинатом в активной форме, и размеры его составляют около 15 тыс. центн. в год.

Для обеспечения нужд хозяйства и населения комбината организовано несколько подсобных отраслей хозяйства — небольшой конный транспорт, животноводческая ферма (150 свиней, 6 голов рогатого скота и куры) и оленеводство. Последнее добилось значительных результатов и представляет крупную отрасль хозяйства комбината.

Первоначально (в 1927—1928 гг.) на остров было завезено небольшое стадо оленей, которое должно было обес-

печить питание для лисиц питомника. Поголовье оленей составляло в 1932 г. 420 голов. Ликвидация питомника позволила прекратить в течение нескольких лет систематический убой оленей на мясо и ограничиться убоем старых и выбракованных быков. В результате стадо достигло к 1934 г. 814 голов. Использование стада ограничивается в настоящее время потребительскими нуждами комбината, и при сравнительно высокой для камчатского оленеводства плодовитости (54% против 43% по всей области) стадо непрерывно растет. Летом 1936 г. размеры его достигали 1200 голов. Обслуживается стадо тремя пастухами, местными нымыланами, и выпасается отдельно от коллективизированного.

Оленеводство и вольное звероводство были организационно объединены в пушно-оленеводческой базе Карагинского комбината. В 1936 г. эта база ликвидирована, то есть ликвидирована по существу важнейшая отрасль хозяйства — пушное звероводство.

Беспризорное состояние вольного звероводства в первый период освоения, чисто вредительские «опыты» в области клеточного звероводства, приведшие к гибели ценного племенного материала, и последовавшая в 1936 г. ликвидация ведущей отрасли хозяйства — явились несомненно результатом подрывной работы врагов народа, орудовавших в АКО. Японская разведка, орудующая на Дальнем Востоке, смыкается в первую очередь с антисоветскими контрреволюционными элементами внутри СССР — троцкистскими, зиновьевскими, бухаринскими предателями нашей Родины. Эти шпионы и диверсанты составляли «... основную и самую драгоценную агентуру для японского империализма, благодаря тому, что, маскируясь партийными билетами, они проникали на наиболее ответственные участки».[1] Вскрытое недавно в АКО японское шпионско-диверсионное гнездо лишний раз иллюстрирует это положение.

Перспективы развития

Избранное вначале пушно-звероводческое направление хозяйства острова Карагинский было совершенно правильно. Но практиковавшиеся в первые годы освоения вре-

[1] См. Ц. О. «Правда», №№ 187 и 188 от 9 и 10 июля 1937 г., «Подрывная работа японской разведки».

дительские формы и способы ведения звероводства (завоз песца, развитие клеточного звероводства, игнорирование больного и т. д.) выразились в конечном итоге в нерентабельности пушного хозяйства. Последняя послужила, вероятно, формальною причиною сначала для отказа от этого доминирующего направления хозяйства и перехода к рыбной промышленности, а в последнее время и для полной ликвидации звероводства.

Между тем, как это неоднократно указывалось в литературе,[1] ведущей отраслью, определяющей все дальнейшее развитие островного хозяйства, должно быть избрано пушное звероводство. Основной принципиальной задачей являются поэтому скорейшая ликвидация последствий вредительства и изменение направления островного хозяйства.

Природные условия острова Карагинский исключительно благоприятны для вольного разведения лисицы и соболя, которые и должны стать основными объектами звероводства. Громадная ценность карагинского лисьего стада, в силу обилия и высокого содержания в его составе ценных раскрасок, неоднократно отмечалась нами.[2] Успех пересадки соболя и свидетельство об этом населения острова подтверждают благоприятность островных условий для жизни этого животного. Основой вольного звероводства острова и должны быть местные карагинские, но отнюдь не привозные, лисица и соболь. Но вольное звероводство должно быть организовано на рациональных началах, а не ограничиваться, как это имело место, одним запретом или ограничением промысла, т. е. фактическим оставлением на произвол судьбы живущих на свободе животных. В первую очередь должно быть проведено полное охотоустройство острова. На основе точной съемки необходимо составление карты всех промысловых угодий. Учет наличного стада животных и выяснение кормовых запасов позволят определить промысловую емкость острова и рациональные нормы отстрела. Одной из главнейших задач является организация подкормочной системы. Сеть ловушек-кормушек обеспечит не только зимнее питание лисицы и особенно соболя, но и реальный учет и рациональный отлов живот-

[1] См. Батурин (№ 11); Разумовский (№ 132); Розанов (рук. № 5); Розанов и Розанова-Кошелева (№ 135); Рубинский (№ 136); Сергеев (№№ 144—148).

[2] См. выше, стр. 150 и 182.

лых.[1] Продукция островного хозяйства (оленеводства, морского зверобойного промысла, животноводческой фермы и отходы рыбокомбината) обеспечит регулярную зимнюю подкормку животных.

Дальнейшие меры по рационализации вольного разведения животных должны выразиться в регулировании состава поголовья и в повышении качеств его племенного состава. Необходим, в частности, отстрел малоценной красной лисицы, нарушающей чистоту дорогих цветных раскрасок (сиводушки и серебристо-черной) и являющейся, кроме того, их конкурентом по питанию.

Что касается других пушных животных — белого песца и ондатры, то от дальнейшего завоза их на остров и разведения следует, повидимому, отказаться и ограничиться нормированием промысла. Песец, как непостоянный житель острова, мало пригоден для разведения. На ондатру, в виду ее массовой гибели от хищников, должен быть открыт регулярный и нормированный промысел. Эти объекты явятся дополнительными отраслями островного хозяйства.

Меры в отношении других животных, населяющих остров, должны определяться исключительно интересами разведения главных объектов — лисицы и соболя. Животные, служащие для них кормовыми ресурсами (полевка, заяц, куропатка), подлежат охране; поэтому промысел их должен быть нормирован. Конкуренты по питанию и прямые хищники (пернатые, горностай, медведь) подлежат либо полному уничтожению, либо количественному сокращению. Из хищных пернатых необходимо истребление ворона, живущего на острове в громадном количестве и причиняющего большой вред пушному хозяйству. Промысел на горностая должен быть значительно увеличен, и это приостановит его дальнейшее размножение.

Вопрос об акклиматизации новых видов может быть разрешен только после предварительного исследования и со строгим учетом интересов разведения главных объектов. Акклиматизация может преследовать цель либо прямого увеличения объектов пушного хозяйства, либо умножения и улучшения кормовой базы наличных животных. Специалистами отмечалась желательность пересадки на остров американской норки, выдры и грызунов — белки, бурундука, камчатского сурка (тарбагана) и камчатского суслика (ев-

[1] См. главу «Командорские острова», стр. 118 и сл.

ражки). Возможность акклиматизации выдры отмечается П. Н. Мартыщенко, указывающим на наличие двух подходящих для поселения выдры рек. Акклиматизация мелких грызунов (бурундука, тарбагана и евражки) значительно увеличила бы и внесла бы разнообразие в кормовые ресурсы лисицы и соболя. Несмотря на отсутствие на острове хвойных лесов, может оказаться возможной пересадка белки, этого обычного спутника соболя.[1] Белка послужила бы не только новым ресурсом питания для основных объектов, но и новым промысловым объектом для нымыллано в острова.

Основным условием организации пушного хозяйства является исключительно бережное отношение к чрезвычайно ограниченным по своим размерам лесным древостоям острова.[2] Опасность истребления их грозит со стороны пришлого населения острова, а не его постоянных обитателей, нымыллано в. Последние, как и все северные народности, относятся исключительно бережно ко всем естественным ресурсам острова, в частности к его древостоям. Иначе ведет себя временное население комбината. П. Н. Мартыщенко отмечает вырубку березняков зимою на дрова, что грозит их уничтожением.

Что касается клеточного звероводства, то оно должно быть ограничено исследовательскими опытами в области изучения основных объектов вольного звероводства, улучшения племенного материала и пр.

Трудовыми ресурсами для ведения звероводческого хозяйства должно явиться постоянное население — нымыллано, которые дадут квалифицированные кадры звероводов.

Помимо организации пушного звероводства необходимо максимальное развитие на острове как всех существующих уже, так и новых отраслей хозяйства.

Значительное расширение должно получить оленеводство, перспективы развития которого на острове отмечаются всеми исследователями. Эти перспективы лучше всего подтверждаются уже имеющимся опытом оленеводства у нымыллано в и у комбината АКО. Пастбищные угодья острова использованы лишь в незначительной их части. Южная часть острова, изобилующая прекрасными

[1] Характерным в этом отношении является поселение белки в Петропавловском районе Камчатской области, где также отсутствуют хвойные леса, но изобилует кедровый стланец.

[2] См. выше, стр. 147—148.

зимними пастбищами, не освоена совершенно. По мнению П. Н. Мартыщенко, летняя кормовая база обеспечивает поголовье в 15 тыс. оленей, зимняя — 8 тыс. Современные размеры поголовья достигают только 2200 голов (1000 голов у нымылланов и 1200 голов у комбината АКО). Поэтому даже при современном техническом уровне оленеводства возможно увеличение всего островного стада на 6 тыс. голов.[1] При таком размере поголовья продукция его не только обеспечит полностью все потребности пушного хозяйства, комбината АКО и нымылланов острова, но и даст значительный товарный выход.

Значительное развитие должен получить на базе дальнейшего технического перевооружения и зверобойный промысел.

Несомненно отсталым участком является в настоящее время сельское хозяйство, полностью отсутствующее у нымылланов, а у комбината ограниченное одним животноводством. Естественная обстановка острова, в частности наличие богатых пастбищных и сенокосных угодий, позволяет значительно увеличить поголовье рогатого скота. Развитие мясо-молочного животноводства должно опять-таки полностью удовлетворять все потребности пушного хозяйства, комбината АКО и нымылланов. Огородничество отсутствует даже в хозяйстве АКО. Комбинат делал неоднократные попытки развития овощеводства, но из-за скверной обработки земли они не принесли результатов. Между тем на единственном имеющемся на острове огороде (П. Н. Мартыщенко) прекрасно вызревали ежегодно картошка, капуста, брюква, а в 1935 г. — и овес. Интересы остающихся на зимовку работников комбината требуют развития огородничества в системе АКО. Еще актуальнее внедрение сельского хозяйства (молочного животноводства и огородничества) в хозяйстве нымылланов острова, давно перешедших к оседлому образу жизни.

Организация постоянного сбора дикорастущих ягод, грибов и яиц морских птиц увеличит ресурсы питания населения острова и доходность островного хозяйства.

Всестороннее развитие промыслов и организация предприятий по первичной обработке местного сырья ускорят заселение острова постоянными кадрами. Последнее необ-

[1] Окончательное разрешение вопрос о пастбищных угодьях острова и о возможных максимальных размерах стада должен получить в работах землеустроительной экспедиции 1936 г.

ходимо, прежде всего, в интересах ликвидации ежегодно практикующегося комбинатом сезонного завоза рабочих.

Отсутствие на острове энергетических ресурсов и даже источников отопления диктует необходимость исследования многочисленных запасов торфа. Еще А. Постельс отметил более ста лет тому назад, что «все низменности юго-западной части острова покрыты пластом турфа (торфа. — *М. С.)*, которого толщина местами доходит до двух футов».[1]

Остров Верхотуров (Малый Карагинский)

Остров Верхотуров, или Малый Карагинский,[2] лежит в проливе Литке на расстоянии около 50 км к северу от острова Карагинский. Пролив между Карагинскими островами достигает в ширину около 22 морск. миль при максимальной глубине в 60—65 м. От мыса Ильпинский, лежащего на одноименном полуострове к северо-востоку от острова Верхотуров, он отделен проливом шириною в 12 морск. миль, изобилующим рифами и банками.

Остров Верхотуров, небольшой, возвышенный и голый, имеет форму усеченного конуса, заканчивающегося плоскогорьем, максимальная высота которого достигает 300 м. Окружность острова у основания достигает около 8 км,[3] протяжение в поперечнике не более 1 км. Побережья острова, усеянные подводными и надводными камнями, малодоступны; почти со всех сторон, кроме северо-западной, берега его обрываются в море крутыми, почти отвесными скалами. На северо-западном побережье к морю подходит низменность с кошкою. В водах, омывающих остров, разбросано много отдельных скал. Растительный покров острова Верхотуров составляют только травы и ягодники. Более крупных наземных млекопитающих на острове, видимо, нет, кроме белого песца, но зато воды его изобилуют ластоногими. Летом все южное побережье острова занято громадными лежбищами нерпы и залежками лахтака, менее распространены сивуч и морж. Повсеместно в водах и на побережьях острова масса водоплавающей птицы.

Остров Верхотуров стал, видимо, известен завоевателям Камчатки, как и остров Карагинский, в начале

[1] См. Литке (№ 91), ч. III, стр. 71.

[2] Иногда встречается и третье название — Каменный остров (см. Берх, № 15, стр. 34).

[3] По лоции де Ливрона (№ 88, ч. IV, стр. 141), Литке определял окружность острова около 16 км (№ 91, ч. II, стр. 136).

XVIII столетия. Название свое он получил от погибшего там приказчика Протопопова по прозвищу Верхотуров. Первый историк Сибири, акад. Г. Миллер, сообщает, что Верхотуров отправился в 1705 г. морем из устья реки Олюторка на юг к реке Камчатка. Прибыв к устью реки Туплаты[1] и увидев на близлежащем небольшом, крутом и скалистом острове нымылланский острог, Верхотуров напал на него. Сражавшиеся ожесточенно нымылланы убили в бою Верхотурова и большинство его подчиненных.[2]

Следующие известия об острове Верхотуров мы встречаем в трудах участников второй беринговой экспедиции, первых исследователей Камчатки — С. Крашенинникова и Г. Стеллера. Стеллер сообщал, что напротив Олюторской губы лежит остров длиною в 2 мили, на котором в большом изобилии водятся исключительно черные лисицы. Соседние нымылланы (олюторы) тщательно скрывали от русских существование острова; лисиц на острове они — из суеверной боязни — промышляли с большой бережливостью.[3] Крашенинников, приводя это сообщение Стеллера, прибавлял со своей стороны, что «сей остров без сумнения есть Верхотуров, ибо других островов, кроме его и Карагинского, никто не знает».[4]

Первыми достоверными сведениями об острове Верхотуров мы обязаны также экспедиции Литке, которая произвела в июне 1828 г. общую опись острова. Сам Литке дал в своей работе описание острова и сообщил о нем следующее: «От северо-западной стороны протянулся низменный мыс, на котором видны кресты, балаганы и развалины юрт, следы посещений олютор и камчадал, кои переезжают на сей остров для промысла чернобурых лисиц и иногда для сего тут зимуют. Зверь этот до сих пор исключительно тут водится, на Карагинском острову нет его вовсе и на соседственном матером берегу весьма немного. Суеверная какая-то боязнь, заставляющая олютор, по словам Стеллера, беречь сего зверя, изъясняет, может быть, то странное обстоятельство, что его о сю пору на столь малом пространстве совершенно не извели».[5]

---

[1] Очевидно, речь идет о современной реке Тымлат (Тамлат), впадающей в пролив Литке на одной широте с островом Верхотуров.
[2] См. Müller (№ 104).
[3] См. Steller (№ 195), S. 124.
[4] См. Крашенинников (№ 81), т. I, стр. 60—61.
[5] См. Литке (№ 91), ч. II, стр. 133—137.

Эти скудные сведения о далеком прошлом острова Верхотуров указывают, во всяком случае, что остров этот был обитаемым в период русского завоевания Камчатки. Населявшие его нымылланы-олюторы либо были истреблены завоевателями, либо покинули его в виду полной беззащитности острова во время нападений. Литке застал остров в 1828 г. необитаемым; таковым с тех пор он остается и до настоящего времени.

При разработке общего плана развития островного хозяйства Дальнего Востока проектировалось в свое время обследование (в 1928 г.) острова Верхотуров для целей звероводства, но обследование это не состоялось.[1]

При организации хозяйства на острове Карагинский в 1928 г. АКО выпустило на остров Верхотуров 6 экземпляров белого песца.[2] Песцы сильно размножились, но зимою, с подходом льдов к берегам острова, они часто, в виду недостатка кормов, перебираются на материк. Летом песцы обеспечены пищей вполне достаточно (яйцами и молодняком морских птиц, выбросами моря и пр.). В 1930 г. на острове насчитывалось 4 пары песцов, летом 1936 г. приблизительно столько же (8—10 экземпляров). Черно-бурой лисицы на острове не сохранилось. Местное население материкового побережья давно не посещает острова, заходят сюда только ловцы трески Карагинского комбината, бесцельно беспокоящие морских животных на лежбищах.

В 1935 г. на острове производились заготовки морской птицы для комбината, с 1936 г. они запрещены.

Пути освоения острова Верхотуров обусловливаются, по нашему мнению, включением его в систему единого комплексного хозяйства Карагинских островов. Только такое включение даст возможность освоить и этот второй остров, который по своим размерам и сравнительной бедности природными ресурсами остается в настоящее время вне поля зрения хозяйственных организаций. На острове Верхотуров должна быть организована база морского зверобойного промысла и, возможно, рыбного промысла. Дополнительными объектами освоения явятся богатые ягодники острова, морские птицы и их яйца, которые дадут добавочный источник питания населению Карагинских островов.

---

[1] См. Батурин (№ 11), стр. 370 и 382.

[2] Этими и дальнейшими данными мы обязаны П. Н. Мартыщенко (№ 97, рук. № 3).

ШАНТАРСКИЕ ОСТРОВА

Среди немногочисленных вообще, если не считать Курильской гряды, островов Охотского моря выделяется своими размерами и большим хозяйственным значением Шантарский архипелаг, расположенный к северу от Тугурского залива между 136°30′ и 138°25′ вост. долг. и 54°20′ и 55°15′ сев. шир. Группа Шантарских островов, лежащая на сравнительно близком расстоянии от материка, как бы преграждает прямое (по меридиану) и широкое сообщение залива Тугурский с водной поверхностью собственно Охотского моря.

Шантарский архипелаг состоит из 12 больших и малых островов, перечисляемых в нисходящем порядке их размеров: Большой Шантар, Феклистов, Малый Шантар, Беличий, Прокофьева, Кусова, Сахарная голова, Пгичий, Утичий, Южный, Средний и Северный (последние 3 острова расположены в непосредственной близости от восточного побережья острова Беличий).

В административном отношении Шантарские острова входят в Тугуро-Чумиканский район Нижне-Амурской области Дальневосточного края.

Шантарское море

По имени архипелага получило свое название и Шантарское море (залив или губа), соответственная акватория части Охотского моря, заключенная между островами Феклистов, Б. и М. Шантар и линией, соединяющей материковые мысы Сенека, Б. и М. Дуганджа с западной оконечностью острова Феклистов. При таком отграничении, все острова, лежащие вне указанных границ, относятся уже не к Шантарскому морю, а к бассейнам Удской губы или Тугурского залива. Поэтому не причисляются обычно к Шантарскому архипелагу и сравнительно крупный остров Медвежий (Игорбак), лежащий в восточной части южного побережья Удской губы, к западу от мыса М. Дуганджа.

и расположенные между островами Медвежий и Сахарная голова острова Сивучьи камни, состоящие из двух отдельных островов и двух групп камней.[1]

Выделение Шантарского моря в самостоятельный бассейн оправдывается как сравнительной обособленностью этой части Охотского моря, так и резким своеобразием наблюдаемых в этом районе явлений.

Шантарское море соединено с Охотским несколькими проливами. Самый большой из них, расположенный между островами Феклистов и Б. Шантар, носит название пролив Северный. Между островами Б. и М. Шантар лежит пролив Северо-восточный, а между материковым побережьем (северным берегом полуострова Тугурский) и южными оконечностями островов М. Шантар, Беличий и Южный — пролив Линдгольма.

В навигационном отношении Шантарское море характеризуется небольшими глубинами, значительными подводными опасностями, чрезвычайно сильными течениями (между островами) и очень тяжелым ледовым режимом.

Исключительной силы достигают в районе Шантарского моря, особенно в проливах между островами, течения, усиливаемые громадной, в пределах до 7,3 м, амплитудой приливов и отливов.[2]

Общий круговорот вод Охотского моря направляется против часовой стрелки. Достигнув меридиана Тауйской губы, течение начинает склоняться к юго-западу; оно омывает остров Ионы, лежащий на меридиане Сахалина, подходит к северным побережьям Шантарского архипелага и Удской губы и далее заворачивает на восток вдоль юго-западного морского побережья. Большие заливы и губы Охотского моря подвержены, видимо, мало влиянию этого главного течения, и в них наблюдаются свои собственные периодические течения, совершенно ослабляющие силу общего течения.

Шантары расположены на пути следования приливной волны в Удскую губу и Тугурский залив. Приливы в последних достигают больших величин, и через район архипелага должны пройти, в короткий срок чередования приливов и отливов (6 часов), огромные массы воды. Отсюда ясно, что Шантарское море, являющееся промежуточным

[1] См. Давыдов (№ 43), стр. 223, 226 и 273; де Ливрон (№ 88), ч. III, стр. 95—97.

[2] Там же, стр. 26—29, 193—194, 274—280.

бассейном между Удской губой и Тугурским заливом, с одной стороны, и Охотским морем, с другой, будучи соединено с последним сравнительно узкими проливами, характеризуется исключительно сильными и переменными по направлению периодическими течениями.

Стремительный напор воды в проливах образует многочисленные сулои[1] и водовороты, производящие сильный, издалека слышимый шум.

Шантарское море характеризуется также, как уже упоминалось, очень своеобразным и тяжелым ледовым режимом.[2]

Несмотря на значительные морозы в большей части бассейна Охотского моря, середина его никогда не замерзает; побережья же его покрываются льдом с ноября по апрель включительно. Лед образуется близ берегов и не распространяется далеко вглубь моря, ограничиваясь, видимо, прибрежной акваторией не свыше 40—50 морск. миль. Заливы и бухты, лежащие в западной части Охотского моря — Удская с Шантарским морем, Тауйская и др. — покрываются льдом на всей своей поверхности.

Нарастание льда продолжается до марта; к середине апреля температура воздуха поднимается уже выше 0°, и развитие ледяного покрова приостанавливается. В мае начинается таяние льдов. Происходящее одновременно вскрытие многочисленных рек и речек, впадающих в Охотское море, способствует нарушению связи между ледяным покровом и берегом, лед взламывается ветрами и получает свободу передвижения. Общее круговое течение вод Охотского моря относит этот более или менее разломанный лед сначала в западном, а затем в юго-западном направлении, в район Удской губы и Шантарского моря, где он и держится продолжительнее, чем в других районах Охотского моря. Таким образом в Шантарском море и особенно в районах к северу, северо-востоку и востоку от одноименного архипелага скапливаются громадные массы льдов не только местного происхождения, но и наносные, из Охотского моря. Эти последние льды как бы закупоривают соб-

---

[1] Сулои — водоворот, образовывающийся в результате противоположных морских течений.

[2] См. Давыдов (№ 43), стр. 17—19, 187, 231—232, 280—281, 371—373; де Ливрон (№ 88), ч. III, стр. 18; Слюнин (№ 153), т. I, стр. 156, 235; Линдберг и Дулькейт (№ 89), стр. 82—83.

ственный ледовый покров Шантарского моря и сильно задерживают сроки окончательного исчезновения льдов.

Скопившиеся в районе Шантаров льды, часто целые ледяные поля, тают очень медленно и разрушаются главным образом ветрами. Часть льдов выносится идущим от Шантаров на восток течением к северо-восточной оконечности Сахалина, спускается к югу вдоль восточного побережья этого острова и выносится затем через пролив Лаперуза и южные Курильские проливы. Происходит это обычно в конце мая, первой половине июня. В районе Шантарского архипелага льды держатся упорнее всего, и, как правило, море здесь освобождается совсем только к концу июля. В благоприятные годы плавание возможно уже в середине июля, в особо же тяжелые — Шантарское море недоступно для судов в течение всего навигационного периода. Так, известный исследователь Сибири акад. Миддендорф смог достигнуть Шантарских островов в 1844 г. только в августе месяце. Моряк Старицкий, плававший в 1896 г. к северо-западной оконечности Сахалина, наткнулся здесь в середине августа на необозримые массы льда. В 1915 г. транспорт гидрографической экспедиции Восточного океана «Охотск» установил в самом конце августа, что весь район к востоку от Шантарских островов до Сахалинского залива включительно был забит льдами. Г. У. Линдберг и Г. Д. Дулькейт указывают, что для губы Якшина (на острове Б. Шантар) отмечено в 1924/1925 г. 238 дней со льдом, а в 1925/1926 г. — 257. Плававшие в районе Шантаров мореходы систематически указывают, что в Тугурский залив, освобождающийся от льдов гораздо раньше Удской губы и Шантарского моря, невозможно пройти с севера в результате тяжелого состояния льдов Шантарского моря.

Состояние льдов в Шантарском море находится в почти исключительной зависимости от ветров. Чем сильнее и продолжительнее были ветры весною и в первой половине лета, тем меньше вероятность встречи льдов в юго-западной части этого моря. Особенно разрушительное действие производят на ледяной покров северо-восточные штормы, которые усиливают кроме того и восточное течение, относящее льды к Сахалину.

Весною и в первую половину лета (с апреля по середину июля) район Шантарских островов подвержен обычно сильным туманам, заволакивающим архипелаг часто на до-

вольно продолжительное время. Происхождение этих туманов объясняется присутствием в Шантарском море массы льдов, приносимых из Охотского моря, и выходом на поверхность, под влиянием сильных приливных течений, глубинных охлажденных слоев воды. В конце июля, в связи с возникновением сухих юго-западных и западных ветров, туманность значительно слабеет, а вскоре исчезает совершенно.

Лучшим временем для плавания в районе Шантарских островов считается август; море обычно в это время свободно от льда, туманов почти не бывает, ветры не достигают большой силы, — стоит преимущественно ясная погода.

В сентябре месяце наблюдается уже переход к зимнему режиму ветров. Начинают преобладать западные и особенно северо-западные ветры, которые резко увеличиваются и в силе, и в повторяемости. С конца сентября по ноябрь включительно стоит обычно очень бурная погода с сильными штормами северо-западного и северо-восточного направления.

Природные условия и естественные ресурсы Шантарских островов

Общее расположение островов, включаемых в Шантарский архипелаг, по описанию лоций, следующее.[1] При отграничении прямыми линиями всего занимаемого островами пространства, получается фигура, напоминающая своими очертаниями треугольник, обращенный своею вершиною к югу (к полуострову Тугурский), а основанием к северу (к Охотскому морю). Основание этого треугольника составляют северные берега островов Феклистов и Б. Шантар; восточную сторону треугольника — лежащие около острова Б. Шантар острова Прокофьева и Кусова и далее к югу острова Северный, Средний и Южный (расположенные около восточного берега острова Беличий). Западную сторону треугольника составляет линия, идущая от мыса Сенека (на материке) на острова М. Шантар (мыс Юго-западный), Птичий и Сахарная голова. Близ вершины треугольника, в непосредственной близости от материка, расположены острова М. Шантар и Беличий, а в центральной части архипелага, на линии остров Пти-

[1] См. Давыдов (№ 43), стр. 191, 271—272.

чий — мыс Радужный (на острове Б. Шантар) — небольшой островок Утичий.

По своим общим очертаниям вся группа Шантарских островов представляется скорее холмистой, чем гористой.[1] Хотя отдельные высоты и превышают 600 м, но в большинстве своем всё возвышенности сглажены и носят сравнительно мягкие очертания. Большинство островов покрыто густым «красным» лесом (смешанного состава с преобладанием хвойных), и тем резче — на общем фоне архипелага — выделяется совершенно голая, довольно значительная по своим размерам поверхность острова Кусова, побережья которого, в отличие от других островов, почти не изрезаны.

Все большие острова Шантарского архипелага изобилуют реками и источниками, почва на них плодородная и растительность пышная и богатая. Средние по своим размерам острова представляют собою, в большинстве случаев, отдельные возвышенные массивы, круто спускающиеся в море, но и эти острова обычно лесисты. Самые мелкие острова носят характер скал, которые обычно заострены и лишены растительности; у своих берегов они обставлены обычно множеством отдельно стоящих камней и кекуров.

Береговая линия островов в подавляющей своей части скалистая и обрывистая. Низменных участков на морском побережье мало, представлены они или устьевыми пространствами речных долин, или так называемыми песчано-галечными лайдами и косами наносного происхождения, заваленными обычно плавниковым лесом.

Общие размеры площади всего архипелага достигают 2412 кв. км; 90% этой площади падает на два наиболее значительные острова — Б. Шантар и Феклистов.

Перейдем к краткому обозрению отдельных, входящих в группу островов.

1. Остров Б. Шантар

Самый большой из островов архипелага расположен в его северо-восточной части. Длина острова Б. Шантар достигает 56 км., максимальная ширина 45 км, общие размеры территории — 1790 кв. км.[2]

[1] См. Давыдов (№ 43), стр. 272; Шильдкнехт (№ 183), стр. 9—10.

[2] На острове Б. Шантар определены нижеследующие астрономические пункты: мыс Филиппа — 54°37′ сев. шир. и 137°42′,5 вост.

Строение и характер побережий острова и направление его главных речных систем определяются расположением главных возвышенностей. Многочисленные кряжистые возвышенности, идущие в разнообразных направлениях на побережьях и во внутренних районах острова, являются в большинстве случаев отрогами главных хребтов — Сталинского, Восточного и др. Сталинский хребет начинается у мыса Кусова (на восточном побережье) и тянется на северо-запад поперек острова. Хребет этот является водоразделом двух главных речных систем острова — южной и северной. Не доходя до середины западного побережья, Сталинский хребет распадается на две цепи. Одна из последних направляется на север и выходит к морю у мыса Северо-западный, другая тянется к юго-западу и заканчивается мысом Радужный. На восточном побережье острова наиболее значительная цепь (хребет Восточный) тянется вдоль побережья на северо-восток, к мысу Северо-восточный. На юг направляется сравнительно невысокая цепь, заканчивающаяся мысом Филиппа, наименее высоким из всех мысов острова.

Низменностей на острове мало; в большинстве случаев они расположены по речным долинам, многие из которых заболочены и покрыты тундровой растительностью.

Береговая линия острова Б. Шантар достигает 270 км и выдается в море четко выраженными оконечностями — упомянутыми мысами Северо-западный, Северо-восточный, Филиппа (крайняя южная оконечность острова) и Радужный (крайняя юго-западная оконечность). Берега острова, за редкими исключениями, всюду обрывисты, скалисты и мало изрезаны. Наиболее силен излом побережий острова в его южной части, где в сушу вдается огромная губа Якшина, отграниченная двумя крайними входными мысами (Радужный с запада и Филиппа с востока).

На расстоянии около 1,5 морск. миль от мыса Филиппа расположена в море небольшая группа «Камней Диомида».

долг.; бухта Базисная — 54°37′53″,0 сев. шир. и 137°41′53″,3 вост. долг.; мыс Радужный — 54°45′21″,3 сев. шир. и 137°14′31″,2 вост. долг.; в 4 км. южнее мыса Северо-западный — 55°9′31″,0 сев. шир. и 137°33′5″,6 вост. долг.; мыс Северо-западный — 55°9′31″,0 сев. шир. и 137°33′,0 вост. долг.; мыс Боковикова — 55°9′ сев. шир. и 137°58′,2 вост. долг.; мыс Северо-восточный — 55°1′,8 сев. шир. и 138°15′,2 вост. долг.; в 5 км от мыса Северо-восточный, на восточном берегу — 54°59′50″,1 сев. шир. и 138°11′35″,0 вост. долг.; мыс Кусова — 54°48′,0 сев. шир. и 138°0′,9 вост. долг.

Внутренней бухтой губы Якшина является лежащая на западном побережье мыса Филиппа бухта Базисная. К северу от этого мыса последовательно расположены на восточном побережье губы мысы Малый Анаур (около устья одноименной реки), Олай и Большой Анаур (около устья одноименной реки). На западном побережье губы выступает мыс Топазный.

На западном побережье острова выдается несколько южнее 55° сев. шир. мыс Горбатый. На северном берегу расположены мыс Северный, крайняя северная оконечность острова, и мыс Боковикова, лежащий между мысами Северный и Северовосточный и разделяющий побережье на две очень пологие и большие впадины. К юго-востоку от мыса Боковикова расположен небольшой скалистый островок Камень Лев, покрытый редколесьем.

Восточное побережье, протяжением 56 км от мыса Северо-восточный (на севере) до мыса Филиппа на юге, изрезано более сильно, чем западное и северное.

На этом (восточном) берегу расположены мысы Раздельный, Крутой, Кусова и бухты Приглубая и Открытая.

Как уже упоминалось, направление главных хребтов острова определяет собою два основных внутренних водных бассейна — губы Якшина на юге и озера Большое — на севере.

Из многочисленных рек, речек и ключевых ручьев, впадающих в губу Якшина, заслуживают быть отмеченными следующие (с юго-запада на северо-восток): реки Нерпичья (Кангалас), Митина, Якшина, Амука (Омука), ключи Вельботный, Безымянный, Лесосечный, Скалистый, реки Б. и М. Анаур. Наиболее значительны по размерам — ширине, глубине и длине — реки Якшина и Б. Анаур.

Река Якшина берет свое начало в поперечном хребте острова. Общее протяжение ее около 35 км. Протекает она по сравнительно обширной долине (шириною от 2 до 10 км), уходящей от устья вглубь острова в северо-восточном направлении. На своем протяжении, особенно в нижнем течении, река Якшина принимает много притоков, из которых наиболее значительны: ключ Песцовый, ручьи Борисова и Юрточный, река Крутая, ручей Пищуха (правые), реки Покосная и Инна и ключ Бурундук (левые). Все эти горные притоки не глубоки, быстроводны, многоводны в половодье, но не велики по протяжению (8—12 км). Для плавания ни притоки, ни сама река Якшина недоступны, максимальные глубины последней 3 м, средние — 1 м.

Б. Анаур берет начало также на Сталинском хребте и впадает в губу Якшина на восточном ее побережье, в 4 км к северу от реки М. Анаур. Протекает Б. Анаур на протяжении всего своего течения (25 км) по сравнительно широкой долине и принимает в себя многочисленные, особенно с правой стороны, притоки. Наиболее значительный приток — река Крупенина, впадающая с левой стороны. Река Б. Анаур значительно многоводнее, глубже и шире, чем Якшина, и доступна в нижнем течении для плавания на лодке.

Река М. Анаур,[1] длиною около 12 км, протекает по узкой долине и впадает в губу Якшина около одноименного мыса, в 11 км от мыса Филиппа. С обеих сторон река принимает в себя много горных притоков. Судоходного значения не имеет.

Истоки реки Амука лежат в отрогах Сталинского хребта; впадает она в губу Якшина несколько восточнее реки Якшина. Несмотря на многочисленные в верховьях притоки, Амука еще более мелководна. Длина ее около 15 км.

К северной речной системе острова Б. Шантар принадлежат реки, впадающие в озера Большое и Большой и Малый Омокой.

Наиболее крупной рекой острова, если не по протяжению, то по водности, является река Средняя (Оленья),[2] берущая свое начало в западных хребтах и впадающая в южный угол озера Большое. Длина реки Средняя около 30 км. Из многочисленных притоков этой реки наиболее значительны правые притоки — Тугутка, длиною в 6 км, и Средняя, с многочисленными притоками и судоходная; и левый приток река Тундровая, длиною около 20 км. На протяжении первых 14 км своего течения река Средняя отличается сильным течением, незначительной шириной (4—6 м) и принимает в себя лишь небольшие притоки-ключи. При выходе реки в более широкую и пологую долину, ширина ее увеличивается, она становится извилистой и, приняв с левой стороны крупный приток — реку Тундровая и ряд других значительных притоков, образует большое количество протоков. Ширина ее увеличивается здесь до 25—30 м, глубина до 3 м. Долина реки расширяется (местами до

---

[1] По Козьмину (см. ниже, стр. 232) названия рек Б. и М. Анаур—Б. и М. Анабар (№ 1, стр. 43).

[2] По Козьмину (№ 1, стр. 48) и Миддендорфу (№ 100, стр. 111) название реки Оленья — Средняя. Эвенкийское (тунгусское) название — Тавалаки.

4 км) — заболачивается, появляется много озерков и болот. Все нижнее течение реки доступно для плавания на лодках.

Реки Б. и М. Омокой, незначительные по своему протяжению (первая около 12 км и вторая — 7 км), имеют горный характер и впадают в одноименные озера в северо-восточной части острова.

На восточном побережье наиболее значительны по своим размерам ключи «Японский барак», Широкий и Березовый.

Характерной особенностью большинства рек острова, как и вообще Камчатско-Охотского края, является наличие в их низовьях высоких и длинных намывных кос, расположенных по обеим сторонам устья и загораживающих последнее. Эти косы представляют собою как бы барьеры, причем лежащие за ними низменные места заливаются водою в большие приливы. Особенно типичными в этом отношении являются реки Якшина, Амука, Б. Анаур.

Зимою реки острова не покрываются сплошным льдом, в устьевых пространствах образуются наледи, достигающие иногда значительных размеров.

На северо-восточном побережье расположены три значительных озера — Большое, Б. и М. Омокой.

Озеро Большое лежит в обширной долине, далеко заходящей вглубь острова. Вода в озере — солоноватая. В озеро впадает несколько рек — Средняя (Оленья), Входная, Абубакирова и др. Озеро Большое образовалось, видимо, недавно на месте значительной морской бухты. Оно отделяется от моря узким, образовавшимся под влиянием прибоя и морских отложений, валом, закрепленным поселившимся здесь кедровым сланцем. В северо-восточной части озеро соединено с морем узким проходом. Приливное течение и осолонение заметны только в северной части озера.

Аналогичного происхождения и два другие озера — Б. и М. Омокой. Вода в этих озерах сильно солоноватая.

2. *Остров Феклистов*

Второй по своим размерам (393 кв. км) остров Шантарской группы — Феклистов — лежит в западной части архипелага.[1] По своим очертаниям он напоминает сидящее

[1] На острове Феклистов определены следующие астрономические пункты: в северо-восточной части вершины бухты Энгельма — 54°56′0″,4 сев. шир. и 136°46′18″,2 вост. долг.; мыс Белый — 55°6′,4 сев. шир. и 137°9′,1 вост. долг.; мыс Покатый — 55°6′,5 сев.

на задних лапах четвероногое животное, обращенное головою к соседнему острову — Б. Шантар. Между передними и задними лапами врезывается вглубь южного побережья громадная губа Лебяжья.

По устройству своей поверхности остров Феклистов гористый, с максимальными высотами в 460 м. Северо-западная, западная и юго-западная части острова выполнены одним общим, растянувшимся вдоль побережий хребтом, посылающим отроги во внутренние районы острова. Восточная и юго-восточная части острова тоже заполнены вдоль побережий довольно значительными возвышенностями. Восточные и западные массивы соединены друг с другом поперечным хребтом, расположенным в широтном направлении.

Возвышенности острова сглажены, округлены, и потому общий вид его холмистый.

Общее протяжение береговой линии острова — около 96 км. Берега, за редкими исключениями, возвышенны. Сравнительно значительные низменные участки встречаются только на южном и северном берегах.

Губа Лебяжья — обширный вытянутый по параллели залив — замыкается на востоке мысом Сухотина и на западе мысом Входной. Внутренними бухтами губы Лебяжья являются расположенные с юго-запада на северо-восток бухты Энегельма, Соболева (Соболь) и Россета. Бухта Энегельма расположена между мысами Арка и Красный. Соседняя бухта Соболева отделяется от бухты Россета возвышенным полуостровом. Внутренней частью бухты Россета является незначительная бухта Медвежья.

В обширной губе Лебяжья расположен ряд небольших островов. В непосредственной близости к мысу Арка лежит в юго-западной части губы скалистый островок Арка. Свое название этот островок и мыс получили от находящегося на острове сквозного прохода в виде арки. Севернее мыса Арка, почти у середины западного побережья бухты Энегельма, расположен скалистый островок Шилова. Этот вытянутый в широтном направлении и окруженный камнями островок носит также название острова Брандта. В восточной части губы, при входе, лежит третий остров — скалистый и высокий островок Сухотина, длиною до 1 км при максимальной ширине 0,5 км. Островок этот, называемый

шир. и 136°56′,5 вост. долг.; мыс Западный — 54°57′,8 сев. шир. и 136°40′ вост. долг.

на старых картах островом Бурнашева, покрыт густым лесом.

На восточном побережье острова Феклистов, очень однообразном и мало изрезанном, расположены мысы: Красный (одноименный с мысом губы Лебяжья), Приметная скала и Белый, крайняя северо-восточная оконечность острова. Северное побережье отграничивается от западного мысом Покатый, крайней северо-западной оконечностью острова. На западном, совершенно не изрезанном, высоком и скалистом берегу выделяется мыс Западный.

Многочисленные хребты, расположенные вдоль побережий и во внутренних частях острова, дают начало многочисленным рекам и ручьям. Наиболее значительная речная система связана с бассейном губы Лебяжья. В бухту Энгельма этой губы впадает река Медвежья, длиною 12 км, в бухту Соболева — одноименная река, длиною 6 км, и в бухту Медвежья бухты Россета — река Беличья, такой же длины. Впадающая в бухту Россета река Климовского [1] (Лебяжья) — самая крупная река острова. Река Климовского образуется несколькими сливающимися речками и ключами; она протекает по широкой долине и достигает в длину 10 км.

На западном побережье протекают ключи (с юга на север): Травяной, Каменный, Водопой, Поворотный и др. На северном берегу наиболее значительна река Лисья с ее притоком — ручьем Топкий. Несколько рек, протекающих на восточном побережье острова, безымянны.

Пресноводные озера в тундровом окружении расположены на острове в долинах рек Климовского и Соболева.

3. *Остров М. Шантар*

Третий по своей величине остров — М. Шантар — лежит в южной части группы и вытянут в долготном направлении. [2] Длина его достигает 20 км, максимальная ширина (в северной части) — 7,5 км, общие размеры террито-

[1] У Давыдова (№ 43, стр. 325—326) ошибочно — река Калиновского.

[2] На острове М. Шантар определены следующие астрономические пункты: Мыс Успения — 54°33′,6 сев. шир. и 137°37′ вост. долг.; бухта Абрек — 54°23′45″,4 сев. шир. и 137°36′21″,8 вост. долг.; мыс Северо-восточный — 54°29′,5 сев. шир. и 137°39′,5 вост. долг.; бухта Лагерная — 54°32′30″,7 сев. шир. и 137°35′18″,0 вост. долг.

рии — 112 кв. км. Крайними оконечностями острова М. Шантар являются мысы: Успения (северная оконечность), Северо-восточный (на восточном побережье), Гайковского (юго-восточная оконечность), Энегельма (юго-западная оконечность), Юго-западный и Горбатый (на западном побережье). В южной части остров перехвачен узким, около 1 км, перешейком. В самой крайней южной части остров раздваивается наподобие развилины с широкой западной и узкой восточной частью. Между этими отростками лежит бухта Абрек.

Возвышенности острова носят холмистый характер, не превышают 215 м и только в центральной части достигают 290 м.

Побережья острова обрывистые, а у мысов скалистые. Главная бухта острова — Абрек (названная английскими моряками Long's Harbour) — лежит в юго-восточной части острова и отграничивается входными мысами Энегельма на Западе и Гайковского на востоке. На западном побережье расположена к северу от мыса Горбатый бухта Лагерная.

Больших рек на острове нет. Есть довольно много речек и ключей, берущих свое начало главным образом в заболоченных тундрах внутренних районов острова. Наиболее значительны: река Абрек, длиною около 5 км, впадающая в одноименную бухту, ключи Крутой, Базовый, Малый, Большой и Северный (на западном побережье) и несколько безыменных ключей на восточном побережье острова.

Несколько небольших озер расположено в заболоченных низменностях прибрежной полосы. В большинстве своем они заливаются во время приливов и соленоводны. В районе восточного побережья лежит одно пресноводное озеро.

4. *Остров Беличий*

К востоку и несколько южнее острова М. Шантар лежит крайний юго-восточный остров архипелага — Беличий.[1] В очертаниях этого острова, как и М. Шантара, характерен узкий перешеек, сжимающий восточное и западное побережья острова и разделяющий последний на два массива. Длина острова около 20 км, средняя ширина 4—6 км, общие размеры — 70 кв. км.

[1] На острове Беличий определены следующие астрономические пункты: Мыс Обрывистый — 54°28′,8 сев. шир. и 137°49′,8 вост. долг.; к востоку от этого мыса — 54°29′0″,8 сев. шир. и 137°51′12″,7 вост. долг.

Поверхность острова возвышенная, высоты его значительнее, чем острова М. Шантар: в северной части они достигают 330 м, а в южной — 305 м. Склоны сглажены, вершины округлены.

Побережья острова повсюду высоки и скалисты. Крайней южной оконечностью острова является мыс Южный, лежащий на одном меридиане с мысом Сенека (на полуострове Тугурский). Между мысами Южный (острова Беличий) и Сенека (на материке) заключена самая узкая часть пролива Лингольма (2 морск. мили). Северо-западную оконечность образует мыс Обрывистый, а крайнюю северную — мыс Северный. Последний является одновременно восточным входным мысом пролива Опасный, разделяющего острова М. Шантар и Беличий. На восточном побережье выступает мыс Высокий, в 7,5 км к югу от него мыс Крутой.

Рек на острове Беличий нет, на разных побережьях его протекает около десятка ключей. Наиболее значителен из них ключ Единственный около мыса Высокий.

В восточной части перешейка расположено солоноватое озеро с размерами зеркала 300 × 50 м.

5. *Остров Прокофьева*

Остров Прокофьева лежит на северо-восток от мыса Северо-восточный острова Б. Шантар и отделен от последнего проливом Восточный, шириной до 2 морск. миль. По своим очертаниям остров Прокофьева — неправильный четырехугольник с длиною до 6,5 км, при средней ширине в 4,5 км. Общие размеры площади острова — 22,5 кв. км.

Поверхность острова гористая с максимальными высотами в 760 м. Крутые скалистые побережья изрезаны очень слабо, идут большей частью прямыми линиями и резко изламываются лишь у крайних безыменных мысов острова. В северо-западной и северо-восточной частях острова протекает несколько незначительных речек.

6. *Остров Кусова*

Остров Кусова расположен в 7,5 морск. милях к юго-востоку от одноименного мыса на острове Б. Шантар. Весь остров является, в сущности говоря, одним круто поднимающимся из моря возвышенным массивом овальной формы

с заостренными вершинами и закругленными склонами.[1] Высота главной возвышенности острова достигает 640 м. Длина острова — 4,5 км, максимальная ширина — 3 км, вся площадь 14 кв. км. Берега острова высокие, скалистые. Растительность представлена ползучими кустарниками.

7. *Остров Сахарная голова*

Остров Сахарная голова лежит к западу от острова Феклистов, на одной параллели с мысом Западный, и отделен от него проливом Узкий, шириною 4 морск. миль. Длина острова — 4,5 км, максимальная ширина — 2 км.

Высоты западной части характеризуются плоскими возвышенностями, не превышающими 180 м. Восточная часть представляет собою отдельную заостренную возвышенность, высотою до 300 м, правильной конической формы с крутыми склонами. Возвышенность эта напоминает очертаниями сахарную голову, чем и объясняется название острова.

Побережья острова повсеместно высокие и скалистые.

8. *Остров Утичий (он же Рогатка)*[2]

Перед входом в губу Якшина в 4 морск. милях к юго-западу от мыса Радужный расположена небольшая группа скалистых островов, носящая общее название острова Утичий. Группа эта состоит из двух островков и отдельно стоящего кекура, расположенных на одном общем основании — рифе. Общая площадь всей группы — 2 кв. км. Первый юго-западный островок по своим размерам больше второго: длина его около 0,75 км, максимальная ширина — 0,50 км. Северная, наиболее возвышенная часть этого острова (до 180 м) поросла лесом. Южная часть раздваивается в форме вил, отчего и этот первый островок, и вся группа получили название Рогатка.[3] Главный, северный, массив островка соединен с раздвоенным южным скалистым перешейком. Островок орошен двумя ручьями — в юго-во-

---

[1] Координаты острова Кусова — 54°43′,1 сев. шир. и 138°13′,1 вост. долг.

[2] Этот же остров именуется иногда в литературе неправильно Мутихангда, или Эге, или М. Эге, каковые названия относятся к следующему острову Птичий (см. Давыдов № 43, стр. 297; де Ливрон, № 88, ч. III, стр. 95 и 101).

[3] Этот первый юго-западный островок группы назван у Миддендорфа (№ 100, стр. 215) Нихсикан.

сточной и северной частях. Второй островок группы отстоит от южного на 0,5 морск. мили. По своим размерам он меньше, высота его ниже (107 м). Островок этот, лишенный пресной воды, местами зарос кедровым стлаником.

9. *Остров Птичий*

Небольшой остров Птичий [1] лежит в 5,5 морск. милях к юго-западу от острова Утичий. От побережья материка (мыса Никта в северо-западном углу Тугурского залива) остров отделен проливом в 6 морск. миль шириною. Длина острова 3 км, средняя ширина — 1,5 км.

10—12. *Острова Северный, Средний и Южный*

Эти три небольших возвышенных острова прилегают с восточной стороны к острову Беличий. Друг от друга они отделены вполне мореходными проливами.

Остров Северный лежит на параллели мыса Высокий, на расстоянии 1 морск. мили от берега. Он вытянут в северо-восточном направлении и покрыт редким низкорослым лесом. Возвышенности острова достигают 110 м и обрываются во все стороны высокими скалистыми побережьями. На большинстве карт остров этот показан безымянным.

Следующий к югу остров Средний лежит в 0,75 морск. мили к юго-востоку от мыса Крутой. Узкий и сплошь возвышенный (до 93 м), остров этот покрыт редколесьем. Общая площадь его 2 кв. км. Берега повсюду скалистые и обрывистые. Бывший также безымянным на старых картах остров Средний был назван китобоями Stinker-island.

Что касается общей климатической обстановки Шантарских островов, то, в первую очередь, необходимо отвергнуть часто встречающееся мнение о крайней суровости этой обстановки. Так, известный исследователь Камчатско-Охотского края д-р Слюнин назвал в свое время (1896) эти острова «царством сырого холода и непроглядных туманов». [2] По мнению позднейшего исследователя — О. В. Маркграфа (1911—1912), климат Шантаров более суров,

---

[1] По Миддендорфу (№ 100, стр. 109) название острова Мутихангда (эвенкийское), или Эге, или М. Эге (якутское). Козьмин (№ 1, стр. 51) называет его островом Утичий. См. также де Ливрон (№ 88), ч. III, стр. 95, 101 и сл.

[2] См. Слюнин (№ 153), т. I, стр. 260.

чем климат селения Аян, лежащего на 2° севернее, или даже Охотска, расположенного более чем на 4° к северу. Между тем работа гидрометеорологической станции на острове Б. Шантар и данные научно-промысловой экспедиции 1924—1926 гг. показывают обратное. Средняя годовая температура Охотска — 5°, Аяна — 3,8°, а Шантарских островов — 2,6°. Этими же данными устанавливается, что климатические условия архипелага несравненно лучше, чем это предполагалось раньше: значительное количество ясных дней и штилей, сравнительно высокие температуры воздуха и др.[1]

Климат островов по имеющимся материалам должен быть охарактеризован как умеренно-морской.[2] Специфическими факторами, влияющими на этот климат, являются географическое положение островов в зоне муссонов северо-восточной Азии, с одной стороны, и ледовый режим Шантарского моря, с другой. Оба эти момента были уже охарактеризованы выше.[3] Здесь уместно лишь подчеркнуть громадное влияние на климат состояния льдов в омывающих архипелаг водах Охотского и Шантарского морей. Ледяной покров, задерживающийся здесь особенно продолжительное время, отражается непосредственно на климате островов: значительно уменьшается обычное умеряющее и смягчающее действие моря, снижается температура воды и воздуха, вызываются туманность и влажность и пр. Исключительное обилие в районе архипелага в весенне-летний период туманов, непосредственно связанных с наличием льдов, отмечалось неоднократно в литературе. Производивший первую опись островов поручик Козьмин (1829—1831) сообщал, что в течение его двадцатидневного плавания в районе Шантаров туманы были «почти беспрерывные» и что отправленные на остров Б. Шантар промышленники прозвали этот остров «Туманною колониею». Упомянутый уже Н. В. Слюнин писал о Шантарах следующее: «даже в тихие и жаркие июльские дни эти острова пред-

---

[1] См. Шишкин (№ 185), стр. 19; Производ. силы (№ 130), вып. V, стр. 183. О Маркграфе см. ниже, стр. 234—235.

[2] Нижеприводимые данные являются результатами работ метеорологической станции Дальневосточного геофизического института, открытой на острове Б. Шантар в 1926 г., экспедиции Дальрыбы и Дальгосторга 1924—1926 гг. и систематических наблюдений, ведущихся на островах с 1931 г.

[3] См. выше, стр. 199—201.

ставлялись нам (1896) окутанными туманной пеленой, не поднимавшейся выше Шантарских гор». [1]

Но эта исключительная туманность присуща островам только в весенне-летний период, пока окружающие острова воды не очистятся окончательно от льдов. Это подтверждается значительным количеством ясных дней на островах в остальные периоды. Максимум ясных дней — до 18—20 в месяц — приходится на декабрь—февраль месяцы, минимум — на март и апрель, когда иногда бывает всего 5—7 ясных дней в месяц.

Температуры поверхности воды, по произведенным в губе Якшина наблюдениям, в продолжение 6 месяцев в году — ниже 0°, особенно низки они в период декабря — февраля, когда происходит процесс замерзания. В остальное время, особенно в течение июня — сентября, температуры достаточно высоки. [2]

Замерзание рек происходит на острове Б. Шантар во второй половине октября, вскрытие рек — в начале мая,

Средние месячные температуры воздуха [3]

Месяцы	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Январь	—	— 18,9	— 20,6
Февраль	—	— 20,3	— 19,2
Март	—	— 14,6	— 14,4
Апрель	—	— 3,1	— 1,7
Май	—	+ 4,0	+ 6,9
Июнь	—	+ 8,6	+ 11,2
Июль	—	+ 14,0	—
Август	—	+ 14,4	—
Сентябрь	—	+ 8,9	—
Октябрь	—	+ 0,9	—
Ноябрь	— 8,3	— 7,4	—
Декабрь	— 15,4	— 14,8	—

[1] См. Ал. Ск. (№ 1), стр. 51—52; Слюнин (№ 153), т. I, стр. 260; см. также Давыдов (№ 43), стр. 280—281, 361; де Ливрон (№ 88), ч. III.

[2] См. Линдберг и Дулькейт (№ 89), стр. 83—84.

[3] Там же, стр. 83—84. По наблюдениям клипера «Абрек», плававшего в Шантарском море в 1885 г., максимальная температура августа составляла + 15°, минимальная + 4,5° и средняя + 8,5°, в сентябре, соответственно, + 12°, + 3° и + 6,5° (см. де Ливрон, № 88, ч. III, стр. 96).

окончательное освобождение их от льда — в конце мая. Озеро Большое покрывается льдом в конце октября — начале ноября, очищается от льда во второй половине мая — начале июня.

Средние температуры годовых сезонов следующие: весна — 5,1°, лето + 12,3°, осень + 0,7°, зима — 18,2° (С).

Как уже упоминалось, по температурным показателям климат Шантаров мягче климата соседних районов материкового побережья.

Времена года наступают на островах со значительным опозданием. Скопление льдов Охотского моря и местных в шантарских водах сильно отодвигает наступление весны и замедляет ее развитие. Весна наступает в первой половине мая, но до конца этого месяца, пока совсем не сойдет снег, развитие растительности происходит очень медленно. Полный разгар весны наступает в середине июня. Лето на островах очень короткое и из-за наличия льдов в это время сопровождается обилием туманных и облачных дней. Температура воздуха сильно понижается как под влиянием льдов, так и частых северо-восточных ветров. Начинается лето в последней трети июня и продолжается до второй половины августа. Настоящим «летом» является на островах осень — мягкая, солнечная и сравнительно продолжительная, затягивающаяся с августа иногда на весь сентябрь. Этот период, совпадающий с навигационным, является лучшим временем на островах. Туманов в это время очень мало, сильные ветры отсутствуют, много солнечных ясных дней. Зеленый покров сохраняется очень долго. Цветущие растения встречаются до второй половины сентября, засыхание и отмирание побегов у трав и опадение листвы у кустарников и деревьев затягиваются до первой половины октября. Зимою снежный покров достигает значительных размеров: 1—1,5 м толщины. Пурги и метели бывают довольно сильны и продолжаются иногда несколько дней. Зимние месяцы с обилием ясных солнечных дней считаются, наряду с осенними, лучшим временем года на островах.

Климатические условия вполне обеспечивают развитие на островах овощеводства и полеводства. Общее количество летних теплых дней достигает 115—120, сумма среднесуточных температур в течение вегетационного периода достигает 1200—1300°. При этих условиях вполне возможно

вызревание на островах не только корнеплодов, но и некоторых зерновых культур.

Почвы Шантарских островов слагаются из мощных оподзоленных суглинков, сопутствующих еловым лесам, из сильно оподзоленных наносов вдоль многочисленных песчано-галечных лайд и грив морских побережий и торфянистых почв низменных тундровых пространств.

Переходя к описанию растительного покрова Шантарских островов, следует, в первую очередь, отметить отсутствие островного эндемизма.[1] На островах представлены все наиболее характерные виды кустарниковой и древесной растительности охотской флористической области (аянская ель, каменная береза, сердцелистная ива, кедровый стланец, рябина и др.).

Видовой состав шантарской растительности не богат: в настоящее время известно 195 видов для острова Б. Шантар, 38 видов для острова Феклистов и 40 видов для острова Птичий. Но пышность развития растительности островов давно уже привлекала внимание исследователей.

Наиболее изучена растительность главного острова (Б. Шантар); изучение остальных островов еще только начинается.

И. К. Шишкин распределяет растительный покров Шантаров на следующие группы:

1) еловые леса
2) лиственничные леса
3) моховые болота
4) заросли травянистой растительности
5) урема по берегам рек
6) растительность скал и обнажений
7) растительность морского побережья
8) заросли кедрового сланца.

1) Еловые леса наиболее распространены на острове Б. Шантар, где покрытая ими площадь достигает 450—500 кв. км. На острове Феклистов они распространены гораздо меньше и притом преимущественно в южных районах. На остальных островах ель встречается только в составе смешанного леса. На водоразделы еловые леса не заходят, но часто спускаются почти до самого моря.

Формирующая эти леса аянская ель достигает нередко высоты 15—18 м, при толщине ствола на высоте груди

[1] См. специальную работу Шишкина (№ 185).

в 60—80 см. В закрытых речных долинах и по тальвегам горных рек наблюдаются почти чистые еловые древостои, на горных склонах — в смеси с лиственницей, белой и каменной (эрмановой) березой. Кустарники развиты в еловых лесах сравнительно слабо и представлены главным образом ольховником, рябинником, кедровым стлацем. Кроме того здесь встречаются багульник, бузина, шиповник, диервилла, смородина. Травянистый покров разнообразен и состоит из папоротников, плаунов и различных высокостебельных и низкорослых трав.

2) *Лиственничные леса* на всех островах распространены гораздо больше, чем еловые, и составляют до двух третей всех островных древостоев. Покрывают они речные долины, горные увалы и невысокие водоразделы. Крупные по своим размерам лесные массивы расположены в северных районах островов Б. Шантар и Феклистов. Значительные площади лиственничных лесов находятся и на других островах (М. Шантар, Беличий, Прокофьев, Птичий, Средний, Южный).

При благоприятных условиях роста, высота даурской лиственницы достигает на острове Б. Шантар 15—20 м, толщина ствола 60—75 см, а на острове Феклистов, соответственно, 20—25 м и 75—80 см. Лиственница образует часто почти чистые древостои, реже примешаны к ней: на ровных местах — аянская ель и белая береза, на горных склонах — каменная береза. Кустарники в лиственничных лесах представлены кедровым стлацем, ольховником, ерником, кустарничками — багульником, голубикой, реже — шиповником, рябинником, рододендроном, жимолостью, смородиной и др. Травянистый покров распространен на значительных площадях.

Состояние хвойных лесов архипелага к моменту советизации островов было неблагополучным. Помимо большого количества старых беспорядочных вырубок наблюдались громадные пространства сплошных гарей. От палов сильнее всего пострадали леса острова Б. Шантар, меньше — островов Феклистов и М. Шантар. Еловые леса затронуты палами гораздо сильнее, чем лиственничные. Многие тысячи гектар ельников выгорели полностью.

Это состояние лесных ресурсов островов является целиком результатом хищничества, имевшего место в период «беспризорного» положения островов до революции. [1]

[1] См. ниже, стр. 244.

Следует отметить также значительное распространение на Шантарах лиственных древесных пород — белой и каменной березы, осины и тополя. Белая береза является одною из обычных лесных пород на острове Б. Шантар; она распространена и на других островах. Отдельные экземпляры эрмановой березы, тоже значительно распространенной на островах, достигают 15 м высоты и 60 см в диаметре.[1] Осина встречается часто на склонах увалов, на буреломах и палах, а тополь по берегам рек и ручьев.

3) Моховые болота, или «моховые мари» (сфагновые торфяники), занимают на большинстве островов значительные пространства. Особенно они распространены в северо-восточной части острова Б. Шантар, где тянутся местами непрерывно на 4—5 км. Небольшие площади марей наблюдаются на всех более крупных островах группы.

Растительный покров марей состоит из мхов и мелких кустарников и полукустарников. Здесь встречаются багульник, шикша, голубика, болотный мирт, клюква, жимолость, морошка. Иногда к ним присоединяются карликовые ивы, чахлые кусты кедрового стланца, низкорослой лиственницы и ерника. Травянистая растительность марей очень бедна.

4) Заросли травянистых растений занимают часто значительные пространства в нижних течениях рек, между полосой урёмных зарослей и ближайшими облесенными площадями. Распространены эти заросли на большинстве островов, а особенно сильно на острове Б. Шантар.

На периферии более крупных участков травянистых зарослей и на небольших участках последних обычно произрастают отдельные экземпляры белой березы и лиственницы, а также группы ольховника и других кустарников, что сообщает местности парковый характер.

5) Урёмные заросли располагаются по берегам рек и речек узкой каймой, расширяющейся по мере приближения к устью реки. В состав урёмных зарослей входят тополь и ивы с ольховником; иногда урёмный лес сменяется урёмными кустарниками: жимолостью, спиреей, рябинником. Зарослям сопутствует разнообразная травянистая растительность, в том числе много высокостебельных.

6) Растительность скал и каменистых обнажений, многочисленных как на морских побережьях островов, так и во внутренних районах, слагается из представителей травяни-

[1] См. Миддендорф (№ 100), стр. 533; Слюнин (№ 153), т. I, стр. 307.

стой, кустарниковой и древесной растительности — каменной березы, можжевельника, шиповника, багульника и спиреи.

7) Растительность морских побережий покрывает песчано-галечные гривы и лайду вблизи устьев более значительных рек.

8) Заросли кедрового сланца («бадаран») распространены на островах повсеместно от уровня моря до вершин наиболее значительных возвышенностей. В северных районах островов и на выступающих в море мысах полоса кедровника спускается очень низко, почти до самого берега моря. В южных частях заросли располагаются обычно на высоте 150—200 м над уровнем моря, ниже — только отдельными пятнами. В защищенных от ветра районах кедровник образует густые заросли до 2—2,5 м высоты, на открытых местах он произрастает небольшими пятнами или отдельными экземплярами, высотою не более 40—50 см.

Спутниками кедрового сланца являются мхи и лишайники, иногда цветковые растения, а из кустарников — ерник, ольховник, рододендрон, можжевельник, багульник, спирея и голубика.

Заросли кедрового сланца также очень сильно пострадали от пожаров дореволюционного времени.

Из морской растительности следует отметить громадные заросли ценных водорослей — морской капусты, — расположенные в нескольких бухтах Шантарских островов (в губах Якшина и Лебяжья, бухта Абрек и др.). По указанию участника Шантарской экспедиции Тихоокеанского института рыбного хозяйства (ТИРХ) 1927 г. И. Г. Закса «по самому скромному расчету заросли морской капусты в губе Якшина покрывают площадь около 5500 га».[1] Общие размеры зарослей морской капусты в районе Шантарских островов достигают 7 тыс. га, а вместе со смежными районами — до 28 тыс. га.

Растительные ресурсы Шантарского архипелага представляют выдающуюся ценность и займут видное место в хозяйственном развитии островов.

В первую очередь заслуживают быть отмеченными крупные (по местным масштабам) лесные богатства. Общая лесопокрытая площадь островов достигает около половины всей их территории — 1200 кв. км, в том числе на острове

[1] См. Закс (№ 61), стр. 62, 94.

Б. Шантар — 900 кв. км, острове Феклистов — 100 кв. км, М. Шантар — 45 кв. км и на остальных островах (Беличий, Утичий, Птичий, Прокофьева, Средний, Южный) — 150 кв. км. Особую ценность представляют хвойные леса, насчитывающие большое количество прекрасной строевой древесины.[1] Последняя сосредоточена, по ориентировочным подсчетам, на территории около одной трети всей лесопокрытой площади островов — 350 кв. км.

Многочисленные и высококачественные луговые угодья островов обеспечивают развитие значительного по своим размерам скотоводства. Низменные луговые пространства в речных долинах, особенно богатые заросли травянистой растительности в нижнем течении рек, являются прекрасными пастбищами. Многие участки представляют собою хорошие, не требующие мелиорации, сенокосные угодья и допускают возможность механического сенокошения. Общие размеры луговых угодий на всех островах достигают нескольких сот квадратных километров. Особенно значительны эти угодья на главных островах архипелага — Б. Шантар и Феклистов. На первом из них они наиболее распространены в долине реки Б. Анаур, на втором — в системе рек Климовского (Лебяжья), Беличья и др. Есть луговые угодья и на других островах группы.

Развитие оленеводства обеспечивается большим распространением на островах зимних кормовых угодий — ягельников. Последние занимают значительные участки в районах распространения хвойных лесов, на склонах возвышенностей и на горных отрогах. Общие размеры ягельников составляют на острове Б. Шантар — 350 кв. км, на острове Феклистов — 150 кв. км. Распространены они и на островах М. Шантар и Беличий.

Значительны на островах запасы грибов и разнообразной ягодной растительности — брусники, клюквы, шикши, голубики, жимолости, рябины, морошки, смородины и прочих полезных дикорастущих (сараны, черемши, сельдерея, лука, ревеня и др.). Заросли кедрового сланца приносят значительное количество кедровых орехов.

Наземные млекопитающие представлены на Шантарских островах 17 видами. Из отряда насекомоядных живут на островах в большом количестве три вида бурозубок: сред-

---

[1] См. Heine (№ 180), B. III, S. 149; Давыдов (№ 43), стр. 283, 319; Устюжанинов (рук. № 6).

няя восточно-сибирская, когтистая и тонконогая малая. Отряд летучих мышей представлен двумя видами: восточносибирская усатая ночница и восточный ушан. Из грызунов водится в ограниченном количестве на всех островах восточный бурундук, три вида полевки (рыжая амурская, рыже-серая и шантарская крысоголовая), сахалинская белка (количество которой на островах Б. и М. Шантар, Феклистов и Беличий достигает нескольких тысяч) и восточная летяга. Бо́льшим количеством видов представлены хищные. Медведь распространен на четырех крупных островах (Б. и М. Шантар, Феклистов и Беличий) и, возможно, представлен здесь особою формою. Иногда встречаются очень крупные экземпляры — до 250 кг веса и более 2 м длины. Лисица, обитающая на тех же островах, встречается двух расцветок — красная и сиводушка (последняя в малом количестве). Лисица и медведь переходят зимою с острова на остров и на материковое побережье. На островах Б. Шантар и Феклистов обитает выдра. На четырех главных островах распространен горностай — самый мелкий из водящихся в СССР подвидов, выделенный в самостоятельный подвид, называемый шантарским горностаем. Наиболее сильно распространен он на острове Б. Шантар, на остальных островах его значительно меньше. Соболь, отнесенный к сахалинскому подвиду, обитал раньше на островах Б. Шантар и Феклистов. К 1913 г. на последнем он был окончательно истреблен; в настоящее время он распространен на островах Б. и М. Шантар и Феклистов. Излюбленными местами обитания соболя на островах служат смешанные елово-лиственничные леса с примесью лиственных пород и с кустарниковым подлеском. Кормовая база соболя очень разнообразна, ее составляют полевки, белка, лягушки, рыбы, птицы, землеройки (бурозубки), бурундук, ягоды, кедровые орехи. Главными конкурентами соболя являются на островах горностай, кедровка и лисица; врагами-истребителями соболя — россомаха, лисица, орел, крупные совиные, возможно медведь. По качеству своего меха шантарский соболь принадлежит к лучшим кряжам.[1] Экспедицией 1924—1926 гг. и наблюдениями И. Н. Устюжанинова в 1931—1933 гг. отмечено присутствие на острове Б. Шантар единичных экземпляров рос-

[1] См. Дулькейт (№ 50), стр. 9—10, 13; Слюнин (№ 153), т. I, стр. 319; он же (№ 155), стр. 124.

сомахи. По словам промышленников соседних районов — эвенков и якутов, в 1920—1921 гг. россомахи на острове не было. Очевидно, подобно медведю и лисице, она переходит на острова зимою с ближайшего материкового побережья.[1] Ввиду большой вредоносности россомахи для островного хозяйства, были в свое время приняты меры к ее истреблению.

Морские млекопитающие представлены в шантарских водах китообразными (китами и дельфинами-белухою) и ластоногими — настоящими тюленями (лахтаком или морским зайцем, обыкновенной или кольчатой нерпой — акибой и пестрой нерпой — ларгой).[2] Белуха встречается наиболее часто в проливах Линдгольма и Северный (у мыса Радужный), косяки ее достигают в этих местах десятков голов.[3] Лежбища лахтака есть на островах Феклистов, Птичий, Рогатка (Утичий) и на близлежащих к архипелагу «Сивучьих камнях».[4] Лежбища акибы и ларги известны, помимо указанных четырех островов, еще на островах Б. Шантар и Средний.[5]

До настоящего времени установлено до 40 видов рыб, водящихся в районе архипелага.[6] Главное промысловое значение имеют морские рыбы и проходные лососевые. Пути миграции проходных лососевых в шантарских водах не изучены, но установлен ежегодный приход туда горбуши, кеты и кижуча. Горбуша приходит для нереста в реки о-вов Б. и М. Шантар, Феклистов и Беличий. На острове Б. Шантар она является одним из основных промысловых объектов, источником питания для населения и корма для пушных животных. Заходит она во все большие реки и озера этого острова, которые являются, судя по описанию Линдберга и Дулькейт, прекрасным полем для

---

[1] См. Дулькейт (№ 51), стр. 17; Устюжанинов (рук. № 6), также Гончаров (№ 33), стр. 30.

[2] Слюнин отмечал в свое время присутствие на Шантарах и ушастых тюленей-сивучей (см. № 153, т. I, стр. 329). Это подтверждала и экспедиция Амуррыбаксоюза 1931—1932 гг.

[3] См. Давыдов (№ 43), стр. 195, 283; Дулькейт (№ 52), стр. 39.

[4] Два небольшие островка, названные «Сивучьи камни», лежат вне Шантарского моря, в 11—12 морск. милях к юго-западу от острова Феклистов.

[5] О млекопитающих Шантарских островов см. специальную работу проф. Огнева (№ 109).

[6] См. специальную работу Линдберг и Дулькейт (№ 89).

наблюдения процессов размножения рыбы.[1] Из морских рыб самым важным промысловым объектом служит навага (вахня), держащаяся периодически у берегов о-вов Б. и М. Шантар и Феклистов. В большом количестве появляется у островов азиатская корюшка (огуречник) и колюшка (хахальца), встречается также несколько видов бычков, звездчатая камбала, мойва (уёк), зубатка и красноперка, служащая промысловым объектом. Сельдь найдена впервые в шантарских водах в 1927 г. На острове Б. Шантар она встречается в единичных экземплярах в губе Якшина и в озере Большое, на острове Феклистов большое количество ее установлено в бухте Россета. Из морских лососевых имеет практическое значение кунджа, держащаяся во время отсутствия льдов у берегов и в устьевых речных пространствах на островах Б. и М. Шантар и Феклистов.

Из пресноводных, постоянно живущих на островах рыб имеют промысловое значение налим, известный в реках Б. Шантара и Беличьего, ленок (Б. Шантар) и голец (мальма), распространенный на островах Б. и М. Шантар и Феклистов.

Амфибии представлены на острове одним видом лягушек (травяная) и сибирским четырехпалым тритоном, встречающимся и на Камчатке; рептилии — восточно-азиатской континентальной гадюкой, присутствие которой установлено для острова Б. Шантар.

Птичье царство на островах достаточно разнообразно. Морские птицы представлены чайками, топорками, арами, бакланами, крохалями, утками, гусями и др. Побережья многих из островов населены громадными птичьими базарами. Из многочисленных зимующих на островах птиц (клесты, синички, кедровки, снегири, дятлы и др.) промысловое значение имеет белая куропатка. Из хищных встречаются полярная сова, филин, ворон. Весною прилетает на Шантары более 135 видов птиц, в том числе белоплечий орел, орланы, белый лебедь-кликун, гуси и утки.

В геологическом отношении Шантарский архипелаг не исследован совершенно, и потому сведения об его полезных ископаемых отсутствуют.

Неоднократно, начиная с 80-х годов XIX столетия, циркулировали слухи о богатых золотых месторождениях,

---

[1] См. Линдберг и Дулькейт (№ 89), стр. 10—15.

находящихся на островах. Газета «Сибирский листок» сообщала в 1895 г., что «на Шантарских островах открыты недавно необычайно богатые золотые россыпи и туда будут вскоре командированы горные инженеры».[1] В задачи организованной в 1895 г. комитетом Сибирской железной дороги экспедиции «для обследования золотоносных районов Сибири» (под руководством К. И. Богдановича) входило, между прочим, и исследование Шантарских островов, но произведено оно не было.[2] Неоднократно упоминавшийся нами крупный знаток Камчатско-Охотского края А. А. Прозоров сообщал в начале текущего столетия, что по слухам, ничем не подтверждаемым, на Шантарах есть золото, а генерал-губернатор Приамурской области Унтербергер, посетивший острова в 1910 г., указывал, что в 900-х годах «Шантарские острова служили местом незаконной добычи золота».[3] Имела ли в действительности там место добыча золота — достоверно не выяснено, но во всяком случае еще и в настоящее время сохранились на острове Б. Шантар следы производившихся там поисковых работ.

Из полезных ископаемых известны на острове Б. Шантар значительные залежи высококачественной разноцветной глины (в губе Якшина около устья реки Амука), из которой для нужд островного хозяйства выделывались кирпичи прекрасного качества. На острове Феклистов, по сообщению местных работников, есть громадные пласты аспида и выходящие на поверхность залежи «камчадала» (руды?).[4]

Следует также отметить наличие в губе Лебяжья жемчужных раковин. В период эксплоатации Шантарских островов Российско-Американской компанией[5] промышленники добывали раковины, содержащие до 5—12 жемчужин, некоторые из которых были величиною с горошину. Приводя это сообщение поручика Козьмина, тот же Прозоров указывает, что подобные раковины встречаются во

---

[1] См. журн. «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще», 1895, № 16, стр. 260, «Новости и известия».

[2] См. Анерт (№ 3), стр. 690.

[3] См. Прозоров (№ 129), стр 101; Унтербергер (№ 172), стр. 223.

[4] См. Закс (№ 61), стр. 28; Устюжанинов (рук. № 6); Шиганский (№ 182), стр. 45.

[5] См. ниже, стр. 241.

многих бухтах Охотского побережья, но что жемчужины их мелки, желтого цвета и ценности не имеют.[1]

При общей геологической неизученности Шантаров единственным известным энергетическим ресурсом является на островах древесное топливо (многочисленные торфяники также не исследованы). Тем большего внимания заслуживает возможность использования в качестве энергоресурса колоссальных запасов потенциальной энергии воды (рек и морских приливов). Гористый характер поверхности островов, быстрое течение, а следовательно и значительная сила падения рек, наличие многочисленных естественных спадов (водопадов) и расположение некоторых речных систем в удобных для эксплоатации пунктах делают очень благоприятными перспективы развития на островах гидроустановок. На морских побережьях вполне возможно и целесообразно использование силы морских приливов, уже осуществленное за границей, где соответственные установки достигают мощности 25 тыс. л. с. В губе Якшина, в частности, где расположен центр островного хозяйства и где приливно-отливная амплитуда достигает 6 м высоты, возможно, по указанию специалистов, устройство гидроустановки мощностью в 67 тыс. л. с.[2]

Подводя общие итоги описанию природных ресурсов Шантаров, следует отметить их богатство и разнообразие. Богатая орошенность островов пресными водами, плодородие почвы, наличие значительных по своим размерам луговых угодий и ягельников, большие запасы высококачественного леса, наличие промысловых рыб и наземных и морских млекопитающих обеспечивают развитие целого ряда отраслей островного хозяйства. Основной же природной ценностью островов является пушное животное — соболь, который и явился одно время главным объектом шантарского хозяйства.

Открытие и исследование островов

Открытие Шантарских островов приписывают обычно Василию Пояркову и относят его к 1645 г., хотя в донесениях Пояркова и не содержится упоминания об этих остро-

[1] См. Ал. Ск. (№ 1), стр. 34, 68; Анерт (№ 3), стр. 735; де Ливрон (№ 88), ч. III, стр. 111; Прозоров (№ 129), стр. 101 (прим. 2).

[2] См. Кравцов (№ 80), стр. 64—65.

вах. Во всяком случае русские завоеватели Дальнего Востока узнали о существовании Шантаров в период усиленного разведывания Амура и Амурского края.

Сведения о богатствах Приамурья, даурском земледелии и торговле быстро распространились по Сибири. Литературные источники середины XVIII столетия сообщали, что «Амур — неисчерпаемый богатств источник», что «страна по реке Амуру прослыла новым Ханааном и райскою по Сибири землею».[1]

Казак Иван Москвитин, первым дошедший в 1639 г. до Охотского моря в районе устья реки Улья, прибыл в следующем 1640 г. к устью реки Уда и обложил ясаком местных эвенков. Вернувшись в Якутск, он доставил известия об Амуре и, возможно, о лежащих в непосредственной близости от Уды Шантарах. Сведения о последних распространялись и из основанного около того же времени Удского острога.

В начале 40-х годов XVII столетия первый якутский воевода Головин отправляет уже две специальные партии казаков для разведывания Амура. Первая экспедиция, во главе с Бахтиаровым, вернулась из Витима безрезультатно. Во главе второй стоял письменный голова Василий Поярков, получивший следующую инструкцию: «Лета 7151 (1643. — *М. С.*) году июля в 15-й день, по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руссии указу, стольник и воевода Петр Петрович Головин велел итить из Якутского острогу письмянному голове Василию Даниловичу Пояркову на Зею и Шилку реку для государева и великого князя Михаила Федоровича всея Руссии ясачного сбору и приписку вновь неясачных людей и для серебряной и медной и свинцовой руды и хлеба».[2]

После невероятных трудностей Поярков достиг весною 1644 г. реки Зеи, спустился по ней к Амуру, поплыл вниз по течению последнего и после неоднократных боев добрался осенью того же года до устья Амура, где и устроил зимовье. Не желая повторять при возвращении в Якутск тяжелый и опасный путь и зная о существовании зимовья в устье Ульи, Поярков поплыл в 1645 г. обратно Охотским морем и добрался через три месяца до Ульи. Направляясь из устья Амура до реки Ульи вдоль

[1] См. Известия о странах (№ 65), стр. 102.
[2] См. Инструкция (№ 66).

Охотского побережья, Пояркoв не мог не увидеть большого Шантарского архипелага.

Следующие известия о Шантарских островах связаны с именем другого знаменитого землепроходца, Ерофея Павловича Хабарова, отправившегося в 1649 г. в поход в Даурию. Якутская администрация, не имея в течение двух лет никаких сведений о Хабарове, выслала ему в 1651 г. «для вспоможения» партию казаков «под смотрением Третьяка Ермолина, сына Чечигина». Достигнув Албазина и не найдя там Хабарова, Чечигин послал в 1652 г. «от себя наперед» казака Ивана Нагиба для сбора сведений о Хабарове. Нагиба подвергся нападению дауров, был отрезан от Чечигина, поплыл вниз по Амуру и достиг его устья, силою прокладывая себе путь. Захватив у разбитых им в бою нивухов запасы пищи, он, по примеру Пояркова, пустился в Охотское море, но потерпел кораблекрушение и после многочисленных бедствий достиг устья реки Учалда. Здесь он перезимовал, перебрался на реку Тугур, объясачил эвенков и вернулся в 1653 г. в Якутск. Бывший у него в отряде казак Иван Уваров поставил в устье Тугура ясашное зимовье, превратившееся впоследствии в Тугурский острог.[1]

Доставленные казаками Нагиба и Уваровым сведения о Шантарах заинтересовали Якутскую канцелярию и вызвали последующие отправки казаков уже непосредственно на острова.

Возникшие около 1639 г. Удский острог и в 1653 г. Тугурский острог явились ближайшими этапными пунктами для последующих посещений островов. Вначале эти остроги не имели большого значения и почти не развивались. Деятельность проживавших там казаков сводилась только к сбору ясака. Оживился этот район значительно позднее, в петровский период, когда Уда и Тугур приобрели значение разведочных баз для дальнейших открытий и местные казаки начали постоянно получать предписания собирать подробные сведения об обитающих к югу «инородцах» и отпускать с этой целью местных охотников на промысел с обязательством узнавать, какие народы живут на соседних островах и кому последние принадлежат.

---

[1] См. Известия о странах (№ 65), стр. 33—37; Андриевич (№ 2), ч. I, стр. 92; Слюнин (№ 153), т. I, стр. 14—15.

Последующий толчок к развитию Тугуро-Удского района произошел уже в конце XVIII столетия в связи с деятельностью Российско-Американской компании, начавшей эксплоатацию Шантарских островов и поиски в этом районе нового порта взамен Охотска.

В начале XVIII столетия те или иные посещения островов были связаны обычно с настойчивыми поисками со стороны России ближайшего пути в Японию.

Хотя в результате открытия Камчатки (1697) и экспедиций Анциферова и Козыревского (1711—1713) и стал известен путь в Японию через Курильскую гряду, но не остался без внимания и другой возможный путь — через тот западный угол Охотского моря, где впадают реки Амур, Тугур и Уда, и через лежащие против устьев этих рек острова (Шантары). Начавшиеся поиски шли в направлении западно-охотского побережья, в частности Шантарских островов, которые сами иногда принимались за часть Японских островов.

В 1709 г. якутский воевода послал в Удский острог «нарочитого приказчика» Ивана Сорокоумова с поручением «проведать» острова против удского побережья — «какие люди... под чьим владением... какой в том острове зверь и иное какое богатство». Сорокоумов ограничился расспросами служилых и ясачных людей Удского острога и сообщил, что возле устья Уды действительно лежат три острова, на которых много соболей, лисиц и всякого другого зверя. [1]

О другой такой попытке рассказывают записки ганноверского резидента (посланника) в России при Петре Великом — Вебера. Брюс, один из просвещеннейших людей петровской эпохи, передавал Веберу в 1716 г., что за два года до этого было отправлено из Нерчинска, по повелению Петра, два человека «к самым дальним границам России» для проведывания земель на море. Отправленные люди добрались до морского побережья (очевидно, в районе Амурского лимана) и, после нескольких недель плавания вдоль берега, увидели лежащий на расстоянии 2 миль от материка остров. Они побывали на этом острове, но на обратном пути погибли во время бури. Брюс, убежденный

---

[1] См. Памятники (№ 114), кн. 2, № 118.

в непосредственной близости Японии к русским владениям, считал острова, о которых шла речь, за часть Японии.[1]

Другая попытка разведывания Шантаров имела место по инициативе сибирского губернатора Гагарина. Последний предписал в 1710 г. удскому приказчику Василию Игнатьеву построить на месте лодии[2] и отправить казаков для осмотра Шантарских островов. Экспедиция эта состоялась лишь в 1712 г. На реке Уда были построены «две лодки набойные», и десять казаков под начальством Быкова отправились вниз по течению. Выйдя в Охотское море, они поплыли вдоль берега в поисках того пункта, который наиболее близок к островам. «Шли по морю подле матерые земли от Тугура реки семь недель». В Тугуре казакам «за беспромыслицею рыбных кормов» пришлось остановиться. Тут они запаслись юколой, построили шитик, но, «опоздав за бескормицей», зазимовали и отправились дальше только весною 1713 г. После месячного плавания вдоль побережья они «с мысу» (очевидно, или мыса Отвесный, или мыса Сенека на полуострове Тугурский) увидели острова и «перегребли на первый остров часа в три». На этом острове (Беличий или М. Шантар) они провели сутки и не видели ничего, кроме медведей. Затем шли полдня на второй остров и там тоже увидели только медведей и отправились на третий, «большой» остров (Б. Шантар). Там они нашли много соболей, лисиц, волков и медведей. Часть казаков отправилась в Тугур за продовольствием и не вернулась обратно, а остальные зазимовали на острове, а летом 1714 г. поплыли прямо к «матерой Удской земле». Они «бежали по морю парусом и на гребах к Уди всего дней десять» и осенью того же года вернулись в Якутск, где сообщили обо всем виденном на островах, в частности о том, что острова эти посещаются нивухами-зверопромышленниками.[3]

Сообщения этой партии казаков ясно указывали, что Шантары не являлись японскими островами и что в отличие от Курильских они не лежали в непосредственной близости к Японии.

Не сообщил никаких новых сведений об островах и

---

[1] См. Weber (№ 22), Bd. I, S. 220.

[2] Лодия — вид карбаса с одной мачтой.

[3] См. Памятники (№ 114), кн. 2, № 123; Словцов (№ 152), кн. I, стр. 435—436; Маныкин-Невструев (№ 94), стр. 496.

приказчик Удского острога Карпов, зимовавший на острове Б. Шантар в 1717 г.

Полученные в результате описанных разведок сведения не могли удовлетворить сибирскую администрацию, в частности Гагарина, который настойчиво стремился «завести торг» с Японией и домогался поэтому более достоверных и подробных известий о сопредельных с нею землях и народах. В 1716 г. он вновь приказывает произвести тщательный осмотр Шантарских островов. Якутский воевода Яков Елчин поручает исполнение этого распоряжения прибывшему в 1719 г. в Удский острог в связи с подготовкой к «Большому Камчатскому Наряду» (первой экспедиции Беринга 1725—1730 гг.) боярскому сыну Филькееву. Филькеев на построенной в Удском остроге лодии отправился на Шантары вместе с мореходом Татариновым, но по дороге высадился в Тугурской губе. Татаринов перезимовал на первом острове и летом следующего 1720 г. отправился обратно. Большая часть этой партии, включая и Татаринова, была убита в бою с нивухами между устьем Амура и Тугурской губой.[1]

Следующее посещение Шантаров связано с известной карательной экспедицией якутского казачьего головы Афанасия Шестакова, отправленной для усмирения непокорных нымылланов и лураветланов (1727—1730). К двум судам, выстроенным в Охотске, был присоединен бот «Гавриил», возвратившийся из первой экспедиции Беринга. Ему было поручено пойти вдоль западного побережья Охотского моря от Охотска к югу до Удской губы и описать последовательно все острова, реки, народы, леса, зверей и пр., осмотреть острова против устья реки Уда и пройти вдоль Курильской гряды до Камчатки. Начальником экспедиции был назначен племянник Афанасия Иван Шестаков; участвовали в ней штурман Генс и мореход Мошков. Экспедиция, вышедшая осенью 1729 г., вынуждена была в силу неблагоприятной погоды отправиться прямо на Камчатку. Весной следующего 1730 г. Иван Шестаков ходил к устью Уды и приказал построить здесь судно для описи близлежащих берегов и островов. Ника-

---

[1] См. Словцов (№ 152), кн. I, стр. 436—437; Маныкин-Невструев (№ 94), стр. 497—498.

ких сведений об этой экспедиции и результатах ее не сохранилось.[1]

Участник второй камчатской экспедиции (1733—1742), мичман Шельтинг, описал в 1741 г. устье реки Уда и Шантарские острова.[2]

Первое описание отдельных Шантарских островов — Феклистов, Беличий, Шантар (очевидно, Большой), Худой Шантар (видимо, Малый) и Голый (видимо, Кусова), принадлежит участнику той же второй беринговой экспедиции С. Крашенинникову, давшему о них самые общие географические сведения.[3]

К началу XIX столетия Шантарские острова оставались, в сущности, столь же неизвестными, как и во время их предполагаемого открытия. Так, известный мореплаватель Крузенштерн, говоря о них в начале 800-х годов, указывал, что «не взирая на близость к ним сей гавани (Удского порта. — *М. С.*), неизвестно и поныне основательно ни число, ни положение оных».[4]

В начале этого столетия производство описи Шантаров поручалось нескольким кругосветным экспедициям, но ни разу не было выполнено. Так, первой из таких экспедиций под начальством того же Крузенштерна (1803—1806) было повелено описать берега Восточного океана, Сахалин, устье Амура и Шантарские острова. Крузенштерн, побывавший в районе Шантаров в августе 1805 г., не выполнил этого поручения.[5] Также не было выполнено «точнейшее описание лежащих напротив Удинского порта островов Шантарских», порученное известному капитану Головнину во время его первого кругосветного плавания (1807—1812).[6] Инструкция, данная Государственным адмиралтейским департаментом начальнику одной из следующих экспедиций, капитану Литке (1826—1829), также предписывала описать в числе других земель и «Шантарские острова, которые нам хотя известны, но недостаточно описаны», и подтверждала, что эти острова «следует описать

---

[1] См. Словцов (№ 152), кн. I, стр. 447; Слюнин (№ 153), т. I, стр. 43; Маргаритов (№ 95), стр. 42.

[2] См. Ал. Ск. (№ 1), стр. 8—9; Берх (№ 14), ч. 3, стр. 18—19; Жданко (№ 59), стр. 5.

[3] См. Крашенинников (№ 81), т. I, стр. 98—100.

[4] См. Крузенштерн (№ 82), ч. 2, стр. 204—205.

[5] Там же.

[6] См. Головнин (№ 32), т. I, стр. 271—272.

с большой тщательностью вместе с Тугурским заливом». И это поручение оказалось невыполненным.[1]

В 1806 г. предпринял плавание на Шантары начальник Охотского порта Бухарин. Самому ему, вследствие кораблекрушения, не удалось попасть на острова, но другие участники экспедиции побывали там и произвели опись острова Феклистов, до нас не дошедшую.

Первое исследование Шантарских островов состоялось только в конце 20-х гг. XIX столетия (1828—1831) и принадлежит поручику Козьмину, бывшему в свое время участником экспедиций Головнина и Врангеля.

Российско-Американская компания возобновила в это время усиленные поиски нового порта, предназначенного заменить Охотск, отличавшийся большими неудобствами и опасностями для судов. Отыскание нового порта в районе между устьями рек Уда и Тугур было поручено Козьмину, причем он должен был обратить особое внимание на бухту острова Феклистов (губа Лебяжья). Козьмин в течение 1830—1831 гг. произвел подробную опись и съемку Шантарских островов. Результатом этих работ Козьмина было открытие некоторых новых островов Шантарской группы (Рогатка, Кусова, Прокофьева), подробное описание берегов острова Б. Шантар и Феклистов и губы Якшина и Лебяжья, получение сведений о других островах, прекрасная карта архипелага и первое общегеографическое описание острозов.[2] Следующий исследователь Шантаров, акад. Миддендорф, справедливо отмечает, что «только с Козьмина — бывшего спутника Врангеля в его разъездах по льду устья Колымы — только с этого заслуженного офицера штурманского корпуса начинается собственно настоящее знание, т. е. точные и отчетливые сведения о Шантарах».[3]

После Козьмина Шантары оставались забытыми до исследования их упомянутым уже известным акад. В. Ф. Миддендорфом, посетившим их во время своего путешествия по северу и востоку Сибири (1842—1845). Летом 1844 г. Миддендорф побывал на острове Медвежий с близлежащими «Сивучьими камнями» (15—18 июля),[4] а за-

[1] См. Литке (№ 91), ч. I, стр. 2—4.
[2] См. Ал. Ск. (№ 1).
[3] См. Миддендорф (№ 100), стр. 104.
[4] Миддендорф причислял эти острова к Шантарскому архипелагу, см. выше, стр. 197—198.

тем на двух Шантарских островах — Птичий (Мутихангда, или Эге, или М. Эге) и Б. Шантар (30 июля — 13 августа). На Б. Шантаре Миддендорф был главным образом в губе Якшина и в бассейнах рек Б. и М. Анаур. Топограф Ваганов, сопровождавший академика, сделал съемку южной части Б. Шантара. Работами Миддендорфа было положено начало действительно научному изучению Шантарских островов. Помимо всестороннего исследования природы островов по всем отраслям естественно-исторического цикла знаний, результатом которого явилось подробное физико-географическое описание архипелага,[1] им собран в якутском и удском архивах и обработан уникальный архивный материал по истории островов и их картографии. Ботаническая коллекция, собранная Миддендорфом (около 130 видов), являлась до самого последнего времени единственной по своей полноте. Собранные им наземные растения были обработаны впоследствии Мейером и Траутфеттером, а водоросли — Рупрехтом.[2]

Весь научный материал, имевшийся о Шантарских островах до революции, является по существу наследием одного только Миддендорфа. Исследования последнего, насчитывающие давность около ста лет, не устарели и до настоящего времени и служат основой для изучения островов. Работами Миддендорфа заканчивается по существу научное исследование Шантаров в XIX столетии.

Из отдельных посещений островов в том же столетии следует отметить плавание в шантарских водах в 1855 г. американского военного судна «Джон Ханкон», участвовавшего в большой экспедиции в Китайское, Японское и Охотское моря, организованной правительством США (1853—1857). В результате пребывания участников этой экспедиции на острове Феклистов появилось общее географическое описание островов, содержавшее, в частности, указание на исключительное богатство островов строевым лесом.[3]

В 70-х годах начинаются затянувшиеся до самой советизации Дальнего Востока гидрографические работы в Охотском и, в частности, в Шантарском море.

---

[1] См. Миддендорф (№ 100), стр. 95—112, также №№ 101—102.

[2] См. Trautvetter et Meyer (№ 171) Ruprecht (№ 138).

[3] Heine (№ 180), B. III. S. 145—155.

В 1874—1877 гг. лейтенантом Онацевичем были определены астрономические пункты в губе Лебяжья. В 1885 г. клипер «Абрек» под командованием Энéгельма произвел большие работы на Шантарах: съемку, промеры и опись губы Лебяжья и Абрек. Одним из участников этого плавания была опубликована работа, содержащая общее описание островов и китобойного промысла в Шантарском море.[1] В конце 80-х годов военным судном «Соболь» была произведена опись островов Феклистов и М. Шантар.

Образованная в 1880 г. и продолжавшая свою деятельность до 1897 г. «Отдельная съемка Восточного океана» в Охотском море не работала, а с 1897 г. работала там, но не регулярно, с большими перерывами, Гидрографическая экспедиция Восточного океана. Систематические работы последней развернулись только с 1909 г. и дали ценные результаты. Помимо главных гидрографических работ, давших необходимый картографический материал (триангуляции, съемки, промеры, определения астропунктов, нивелировки, магнитные наблюдения и пр.), был выполнен ряд дополнительных работ для общего изучения водных бассейнов (исследование течений, распределения температур и удельного веса морской воды, сборы коллекций по флоре и фауне, изучение метеорологической обстановки и пр.). В частности, в отношении Охотского моря за период 1909—1918 гг. была закончена опись всех его побережий, островов и Амурского лимана. Итогом этих работ явились новые генеральные карты Охотского моря масштаба 10 миль в 1 дюйме и обширная лоция, составленная Б. В. Давыдовым и уделившая много внимания Шантарским островáм.[2]

Что касается исследований другого характера, то следует отмéтить большие ихтиологические изыскания, произведенные известным И. К. Бражниковым совместно с Н. Я. Домашевым (шхуна «Сторож», 1899—1902) и проф. В. К. Солдатовым, М. Н. Павленко, А. И. Черским и др. (1907 и последующие годы).[3]

В 1910 г. Шантарские острова посетил приамурский генерал-губернатор Унтербергер, оставивший общее описание хозяйственного положения островов,[4] а в 1911—

[1] См. В. (№ 21).
[2] См. Давыдов (№ 43).
[3] См. Бражников (№ 19); Солдатов (№ 159).
[4] См. Унтербергер (№ 172), стр. 223—224.

1912 г. там работала лесоустроительная экспедиция департамента земледелия во главе с О. В. Маркграфом.[1] Экспедицией этой были обследованы лесные и пушные богатства Шантаров, собраны ценные зоологические и почвенные коллекции и разработан план организации островного хозяйства, оставшийся не реализованным. Результаты работ экспедиции О. В. Маркграфа не опубликованы.

Всестороннее и систематическое изучение природных ресурсов Шантарского архипелага началось только после ликвидации интервенции на Дальнем Востоке и советизации островов.

С 1924 по 1926 г. на островах работала в течение двух лет большая научно-промысловая экспедиция Дальрыбы и Дальгосторга в составе охотоведа А. Д. Батурина, зоолога Г. Д. Дулькейт, И. М. Гончарова и др. В работах экспедиции принимали участие и промысловики-якуты и эвенки из Чумикана.[2] В задачи экспедиции входило всестороннее изучение природы островов и исследование предпосылок для организации там пушного хозяйства. Экспедиция исследовала четыре острова Шантарской группы — Б. и М. Шантар, Феклистов и Рогатка. Работами экспедиции охвачены пушные богатства островов и их кормовая база, произведены гидрометеорологические наблюдения и собрана большая зоологическая и ботаническая коллекции. Важнейшие труды участников экспедиции и специалистов, обрабатывавших коллекции, опубликованы.[3]

В 1927 г. на острове Б. Шантар работала гидробиологическая экспедиция Тихоокеанской научно-промысловой станции в составе Г. И. Закс, А. Г. Кузнецова и А. П. Введенского. Соответственно специальному назначению экспедиции, особое внимание было уделено исследованию бентоса прибрежной полосы острова. Помимо этого были произведены зоологические и ботанические сборы (в долине реки Якшина), собран гербарий водорослей и произ-

---

[1] О. В. Маркграф посетил район Шантарских островов еще в 1907—1908 гг., но результаты этого обследования не опубликованы.

[2] Чумикан — находящийся в устье реки Уда районный центр Тугуро-Чумиканского района Нижне-Амурской области.

[3] См. Батурин (№ 11); Дулькейт (№№ 50—53); Емельянов (№ 56); Зинова (№ 63); Линдберг и Дулькейт (№ 89); Огнев (№ 109); Савич (№ 139); Шишкин (№ 185).

ведены наблюдения над наземной фауной и морскими млекопитающими острова.[1]

В 1928 г. в районе Шантарского моря работала гидрологическая и гидробиологическая экспедиция Государственного гидрологического института, а в 1930 г. и 1931—1932 гг. экспедиции Акционерного Камчатского общества (АКО) и Амуррыбаксоюза (на острове Б. Шантар) по исследованию перспектив морского зверобойного промысла.

Подводя общие итоги исследованности Шантарских островов за 275 лет их дореволюционной истории и 15 лет советской, следует притти к выводу о крайней скудности научно-исследовательской работы до революции. За весь этот период единственным, по существу первым и последним, специально научным исследованием островов является исследование А. Ф. Миддендорфа. Уже в начале XIX столетия упомянутый нами крупный знаток Охотского края А. А. Прозоров отмечал крайне низкий уровень знаний о Шантарах, а в 1910 г. глава царской администрации Приамурья Унтербергер сетовал на то обстоятельство, что многолетние ходатайства местной администрации о производстве исследований (промысловых и геологических) на Шантарах остаются безрезультатными.[2]

Итоги дореволюционного и советского исследования островов становятся наиболее ясными при сопоставлении степени изученности островов по отдельным отраслям знания. В области изучения растительного мира островов все сведения ограничивались до последних лет Миддендорфом. Обработка коллекций последнего дала в итоге около 130 видов растительности трех островов (92 для острова Б. Шантар, 40 — для острова Птичий и 31 — для острова Медвежий), незначительно пополненных впоследствии (сборами М. П. Васильева в 80-х годах). В результате работ первых советских экспедиций 1924 — 1926 гг. и 1927 г. известно 195 видов для острова Б. Шантар, 38 видов для острова Феклистов и 40 видов для острова Птичий, т. е., как указывает обрабатывавший сборы этих экспедиций И. К. Шишкин, «грубо говоря, наши знания по этому вопросу были удвоены».[3]

В зоологическом отношении Шантарский архипелаг

---

[1] См. Закс. (№ 61).

[2] См. Прозоров (№ 129), стр. 100; Унтербергер (№ 172), стр. 223—224.

[3] См. Шишкин (№ 185), стр. 9.

был до советской эпохи почти не изучен. Из представителей фауны млекопитающих был описан А. Миддендорфом только один медведь; коллекций шантарской фауны не было даже в больших зоологических музеях. Сборы указанных двух экспедиций дали коллекции из 518 экземпляров млекопитающих (острова Б. Шантар) и 14 амфибий и рептилий (того же острова), в результате обработки которых появились первые специальные работы по животному миру Шантаров.[1]

В ихтиологическом отношении западный угол Охотского моря и расположенное здесь Шантарское море были изучены очень мало, несравненно меньше других районов Охотского моря. Первым исследователем рыб этого бассейна был тот же Миддендорф, сборы которого были обработаны проф. П. Ю. Шмидтом[2] и впоследствии дополнены работами Бражникова, Домашева и Солдатова с его сотрудниками. И тут главный и богатый материал по ихтиофауне и по промысловым перспективам Шантаров появился лишь в результате работ экспедиций 1924—1926 и 1927 гг., которыми, между прочим, был впервые установлен ряд новых видов ихтиофауны, неизвестных ранее для шантарского бассейна (кижуч, мальма, камбала, сельдь, налим, некоторые формы колюшки).[3]

Таким образом, уже работами первых трех лет советской эпохи были выяснены главные природные ресурсы островов и обеспечена прочная научная база для их хозяйственного развития.

Судьбы островов до революции

Были ли когда-нибудь заселены Шантарские острова — достоверно неизвестно, во всяком случае в то время, когда до русских дошли первые сведения об островах и когда там побывали первые «землепроходцы», они были необитаемы. Таковыми оставались Шантары, несмотря на свои исключительные природные условия, на протяжении всей своей многовековой дореволюционной истории. Это подтверждается всеми исследователями, интересовавшимися островами, и посещавшими их путешественниками. Крашенинников, Миддендорф и Шренк указывают, на основании личных исследований архивов с древнейшими изве-

[1] См. Огнев (№ 109); Емельянов (№ 56).
[2] См. Шмидт (№ 186).
[3] См. Линдберг и Дулькейт (№ 89).

стиями о Шантарах и рассказов казаков-старожилов Удского и Тугурского острогов, что острова не имели в XVII и XVIII столетиях постоянных жителей и лишь посещались населением ближайшего материкового побережья. О том же свидетельствуют и донесения казаков, побывавших на островах (Игнатьева «со товарищами» в 1713—1714 гг. и др.). В отношении позднейшего времени мы имеем свидетельство того же Миддендорфа (1844), Гейне (1855), Слюнина и Прозорова (конец XIX и начало XX столетий, Унтербергера (1910), Давыдова (1917—1918).[1]

Туземное население удско-тугурского побережья — эвенки, нивухи и якуты — посещали Шантарские острова задолго до прихода русских завоевателей. Старинные литературные источники отмечают, что еще до прихода Пояркова «гиляки владели и островами, находящимися на море», в частности лежащим перед устьем Амура «великим островом Шантаром».[2] Промысловики имели на островах в эпоху их завоевания охотничьи пристанища — зимовья, остатки которых видели в свое время и Козьмин, и Миддендорф. Это, видимо, вызвало предположение Слюнина о том, что на Шантарах жили когда-то оседлые нивухи.[3]

Со времени проникновения русских в Тугуро-Чумиканский район охотников привлекал на острова, конечно, соболь, необходимый им как для уплаты ясака, так и для обмена с русскими. Примерно с 1813 г. туземные охотники прекратили самостоятельные поездки на Шантары, будучи вытеснены оттуда казаками, которые быстро распространили слухи о пушных богатствах островов. Особенным изобилием соболя славился Б. Шантар. Уже на одной из первых карт Охотско-Камчатского края, составленной Штраленбергом в 1730 г., на острове Б. Шантар имеется надпись: «insula vasta, zobolis et aliis feris abundans».[4]

В тот период, как об этом свидетельствуют дошедшие до нас отписи казаков и промышленников, на островах

[1] См. Миддендорф (№ 100), стр. 96; Heine (№ 180), S. 145; Слюнин (№ 153), т. I, стр. 155; Прозоров (№ 129), стр. 100; Унтербергер (№ 172), стр. 223; Давыдов (№ 43), стр. 283 и 286.

[2] См. Известия о странах (№ 65), стр. 12; Исторические и статистические записки (№ 69), стр. 175—176.

[3] См. Слюнин (№ 153), т. I, стр. 423, также 355.

[4] «Остров пустынный, соболями и другими животными обильный». См. Миддендорф (№ 100), стр. 105, прим. 2.

были значительно больше распространены и другие ценные пушные животные — чернобурые лисицы.

Вслед за казаками нахлынули на Шантары и русские промышленники. Правительство, заинтересованное в пушнине, всячески поощряло снаряжение купцами и промышленниками экспедиций на острова. Будучи в течение продолжительного времени убеждено в обитаемости островов, оно рассчитывало на получение нового источника ясака. Указами 1728 и 1739 гг. был разрешен беспрепятственный допуск на Шантары всех желающих «ради обложения тамо неясашных народов к ясашному платежу и для (звероловному) промыслу».[1] Промышленники отправлялись в этот период на острова почти ежегодно. Но уже к середине XVIII столетия промыслы на Шантарах стали падать. Одною из причин этого явилась фискальная политика правительства, сначала поощрявшего свободные промыслы на островах, а затем непосильно обложившего промышленников. Введенная указом 1748 г. и подтвержденная в 1754 г. «правая пошлина» составляла треть всей добычи. С другой стороны, на посещаемости островов отразилось и значительное — в результате предшествующих промыслов — истощение запасов ценных пушных животных на островах. Особенному разгрому подверглись в этом отношении острова М. Шантар и Феклистов, расположенные в непосредственной близости от материка и потому легче доступные. Когда именно прекратились посещения островов промышленниками — неизвестно, но вызвано это было, видимо, лесными пожарами, имевшими место на островах в результате неосторожности охотников и уничтожившими часть леса и соболей. Это имело место, например, на Б. Шантаре в 1716 г. во время пребывания там партии Филькеева-Татаринова.[2] О таких пожарах говорили в свое время и Шренк и Крашенинников, сообщавший в 40-х годах XVIII столетия, что Худой Шантар уже выгорел «небрежением» охотников и что там остались «токмо голые горы, а звери все перевелися». Оскудел, видимо, пушными животными и остров Феклистов, где «прежде всего бывало зимовье промышленных».[3] Виновниками этих пожаров были, таким образом, не туземцы-охотники, а пришлые русские промышленники и казаки, хищнически

[1] См. Миддендорф (№ 100), стр. 98, прим.
[2] См. выше, стр. 230; также Müller (№ 104), S. 108.
[3] См. Крашенинников (№ 81), т. I, стр. 98–100.

истреблявшие на островах животных и пускавшие в результате неосторожного обращения с огнем громадные палы.

После некоторого перерыва промыслы на острове возобновились. Сначала правительство, видя падение поступлений пушнины, взяло промыслы в свои руки и производило их за счет казны (с 1754 г.), затем после неудачи этого опыта оно снова стало на путь поощрения частных промышленников и снизило указом 1764 г. «правую пошлину». Большую роль в усилении наплыва промышленников на Шантары сыграл также изданный Сенатом в 1761 г. указ о свободном плавании всех желающих на восточные острова.[1]

Во второй половине XVIII столетия на Шантарах уже постоянно зимуют большие артели промышленников. В конце 60-х годов того же столетия промыслы на островах перешли по договору с казною к одной предприимчивой купеческой компании (1768). С тех пор до самого конца XVIII столетия Шантарские острова были отданы на расхищение нескольким последовательно сменявшим друг друга купеческим предприятиям, истреблявшим пушные богатства островов и погубившим не мало промышленников. Акад. Миддендорф, давший в своей работе подробный обзор посещений Шантаров до конца XVIII столетия и ознакомившийся подробно в Удском архиве с деятельностью этих компаний, вынес ей следующую суровую оценку: «Во благо ли тем странам служила эта компания, — это, конечно, другой вопрос, на который не трудно отвечать, когда видишь, как компания обеспечила себя правом продавать водку и как под предлогом доставить инородцам возможность уплачивать недоимки ясака за себя и за своих умерших она делала их как бы своими крепостными работниками, а между тем, отправляя на пустынные острова без достаточного снабжения, морила их с голоду, тогда что оставшиеся в живых искали спасения в бегстве и только казаками были приводимы обратно».[2] В 1798 г. деятельность последней компании была прекращена и была запрещена дальнейшая отправка промышленников на Шантарские острова.

Пушные богатства островов оказались, видимо, сильно

---

[1] См. главу «Командорские острова», стр. 55.

[2] См. Миддендорф (№ 100), стр. 101—102 и 98—102 (прим.).

подорванными. В результате в первое десятилетие следующего XIX столетия Шантары посещались промышленниками очень редко. Тщательные изыскания Миддендорфа в архивах могли установить за период 1798—1830 гг. только один случай производства промыслов на Шантарах, относящийся к 1813 г.

Новое предприятие по эксплоатации пушных богатств Шантаров принадлежало Российско-Американской компании. В 1829 г. компания отправила из Якутска в Удский острог группу промышленников с семьями (всего 46 человек), которых хотела поселить постоянно на Шантарах. Весною эта группа переправилась на острова и в первую зиму промыслила 173 соболя и 15 лисиц (в том числе одну чернобурую). При Козьмине на побережье губы Якшина были построены жилые дома и склады, остатки которых видел Миддендорф в 1844 г. Промышленники прожили на островах два года (1830—1831) и оставили их в силу незначительности возможных там промыслов.

С этого времени, до приезда Миддендорфа в 1844 г., острова, по словам последнего, не посещались даже охотниками.[1] Запоздалые сведения о пушных богатствах островов проникли в Америку: известный Аарон Пальмер в 1848 г. писал, что Шантары «богаты ценным пушным зверем».[2]

Со времени Козьмина (1831) и Миддендорфа (1844) и до второго десятилетия XX столетия никаких сведений о положении Шантарских островов и их пушных промыслов и о посещаемости островов нет, за исключением случайных сообщений большей частью со стороны моряков, плававших в шантарских водах (Гейне, В. и др.). По циркулировавшим на охотском побережье слухам лесные пожары уничтожили будто бы на островах всех пушных животных.[3] Пожары эти, действительно имевшие место на Шантарах, явились уже результатом нового хищничества, жертвою которого стал Шантарский район, — китобойного промысла.

В круговороте, образуемом морскими течениями между Аяном, Шантарским архипелагом, Сахалином и островом Ионы, находится излюбленное местопребывание китов. Особенно богатым районом считались всегда Шантарское море и залив Тугурский.

---

[1] См. Тихменев (170), ч. I, стр. 289; Ал. Ск. (№ 1), стр. 33.
[2] См. Пальмер (№ 113), стр. 22.
[3] См. Прозоров (№ 129), стр. 100—101.

Хищнический промысел китов в Охотском море начался в 1847 г. и производился первое время американцами. В первые же годы он получил громадное развитие: ежегодно отправлялись из Нью-Бедфорта, Род-Эйланда, Бостона и других американских портов целые флотилии китобойных судов и хищнически выбивали китов. В 1849 и 1850 гг. в Охотском море промышляло не менее 250 специальных трехмачтовых судов, каждое не менее 500 т., и все они возвращались с большой добычей. Промысел этот имел громадное значение для Северной Америки. По сведениям американских арматоров за первые четырнадцать лет (1847—1861) только одними северо-американскими китобойцами было добыто в Охотском море китового уса и жира на сумму 130 млн. долл.[1]

По проторенной американцами дорожке устремились в Охотское море китобои всех национальностей — норвежские, шведские, английские, французские, японские, германские. Бывали годы, когда число промысловых судов доходило до 300 за сезон.

Район Шантарского моря, особенно обильный китами, стал «обетованной землей для американских гарпунеров»;[2] у Шантарских островов и в Тугурском заливе китобои скапливались в громадном количестве. Промышлявший в 50-х годах в этом районе пионер русского китоловства Линдгольм рассказывает, что в один день скапливалось в бухтах до 150 судов; как-то утром он насчитал 82 судна и 364 лодки — все они промышляли плававших здесь тысячами китов и добывали их до 50 экземпляров в один день. «Величайшая охота на китов, которую только видел свет, велась денно и нощно на таком ограниченном пространстве... Солнца не было видно от дыма береговых жиротопен».[3]

Писатель И. А. Гончаров, наблюдавший этот промысел в 1854 г. во время плавания своего на фрегате «Паллада» в Аян, писал, что китобои заходят в этот район «в числе 200 и более» и имеют здесь громадную добычу.[4] Плававший тут же в следующем году Гейне застал «целый флот американских китобоев»; он указывает, что в этом году

[1] См. Щеглов (№ 200), стр. 546—547.
[2] См. Збышевский (№ 62), стр. 231.
[3] См. Линдгольм (№ 90).
[4] См. Гончаров (№ 34), стр. 145.

всего было в Охотском море 400—500 американских китобоев.

Отечественный китобойный промысел не получил большого развития до революции. Российско-Американская компания, монополизировавшая эксплоатацию тихоокеанских владений России, упорно уклонялась от организации китоловства. Только в 1851 г., под давлением правительства и при его помощи (субсидиями и разными льготами) начала свою деятельность Российско-Финляндская китобойная компания, с участием Российско-Американской компании. Крымская война помешала работе последней, и в 1862 г. предприятие было ликвидировано.[1]

Пионерами отечественного китоловства явились крайне любопытные фигуры в истории российского предпринимательства: А. Нордман и Линдгольм, образовавшие в 1869 г. специальное общество для промысла в Охотском море.[2]

Предприятие Линдгольма развивалось с большим успехом и было связано в своих операциях с рынками Сандвичевых островов, Гонолулу, Сан-Франциско и Бремена. Ликвидировано оно было в 1891 г. Несколько последующих попыток организации отечественных китобойных предприятий на Охотском море закончились неудачей.[3]

Наплыв иностранных китобоев в Шантарские воды продолжался до конца 70-х годов XIX столетия, когда размеры промысла значительно уменьшились. Но американцы продолжали посещать эти воды и в начале XX столетия.

Русское правительство, отличавшееся исключительно индиферентным отношением к богатствам дальневосточных окраин, не боролось с иностранным хозяйничанием, хотя китобойцы промышляли главным образом во внутренних, т. е. запретных водах. В течение всего периода главного разгара иностранного китоловства (1847—1880) правительство ничем не реагировало на постоянные сообщения о хищничестве. Только летом 1885 г. был отправлен клипер «Абрек» «для охранения тамошнего китового промысла от хищничества иностранных китобоев. Это была первая

---

[1] См. Тихменев (№ 170), стр. 128—153.

[2] Артур Нордман, сын профессора зоологии, был студентом Гельсингфорского университета. Линдгольм — моряк, командовавший несколько лет судами Российско-Финляндской компании. Кроме них, в предприятии участвовали два финских моряка — Терквист и Форселес. См. Нордман (№ 107), стр. 119.

[3] См. Сергеев (№ 145), стр. 369.

посылка русского военного судна с сказанною целью в Охотское море». «Абрек» встретил в районе Шантаров несколько американских китобойцев. Командир одного из них Д. Гамильтон сообщил, что американцы десятки лет беспрепятственно бьют китов в этом районе и никак не предполагали, что промысел там запрещен. Встретил «Абрек» и арестованных другим русским судном японских хищников.[1] Случайные заходы русских сторожевых судов мало смущали хищников, которые обычно уходили, выжидали ухода этих судов и снова возвращались на промысел.

Уже к началу XX столетия выяснилось сильное падение промысла в результате многолетнего массового истребления китов. Последние стали появляться редко даже в самых богатых некогда ими водах — Шантарском море и Удской и Тугурской губах. Но все же и в XX столетии там продолжали ежегодно промысел несколько китобоев.[2]

Китобойцами был нанесен огромный ущерб Шантарским островам. Промысловые суда постоянно посещали все лучшие бухты островов, где укрывались от непогоды и запасались пресной водой и топливом. Команды китобойцев хищнически истребляли пушных животных — соболя и лисицу. Особенно большое значение имела для китобойцев бухта Абрек (М. Шантар), расположенная близко от входа в открытый северным ветрам залив Академии (у мыса Сенека на полуострове Тугурский), где водились самые крупные киты. Бухта Абрек, где течение не столь сильно, как в проливе Линдгольма, служила китобоям и прекрасной стоянкой, и источником топлива и пресной воды. В результате лес по берегам этой бухты оказался вырубленным и выжженным от постоянных палов; за топливом приходилось отправляться в последние годы уже вглубь острова. На острове Феклистов постоянной стоянкой китобоев была внутренняя бухта губы Лебяжья — Соболева. Здесь команды судов производили опустошительную рубку леса на дрова и на рангоутные деревья и ловили рыбу в многочисленных реках, впадающих в губу Лебяжья. То же самое имело место и в губе Якшина (Б. Шантар). Следами деятельности китобоев являются многочисленные гари, значительно уменьшившие лесные запасы островов. На острове Б. Шантар, например, левобережье реки

[1] См. В. (№ 21).

[2] См. де Ливрон (№ 88), ч. III, стр. 95, 147 (прим.); Давыдов (№ 43), стр. 284.

Б. Анаур и среднее течение реки М. Анаур представляют сплошную гарь. Остатки зимовий китобоев сохранились на всех островах и до настоящего времени.[1]

Начиная с последней четверти XIX столетия и почти до 1910 г. хищничали на Шантарах золотоискатели.[2] Некоторых из них постигла на острове действительно трагическая судьба. В начале 80-х годов на островах зимовала команда американской шхуны «Нелли», состоявшая из пяти человек и привлеченная сюда слухами о богатых месторождениях золота на мысе Сенека и на Шантарах. Все они погибли от цынги.[3]

Все это время (вторая половина XIX столетия), хотя и нерегулярно, производился на Шантарах и пушной промысел. Соболя выбивали и специальные охотники с материка, и посещавшие острова китобойцы, и золотоискатели. Местные промысловики, состоявшие главным образом из эвенков, относились к пушным животным очень бережно, что является характерной чертой всех северных народностей. Посетивший в 1896 г. Аян и Чумикан д-р Н. В. Слюнин сообщает, что туземцы промышляли на островах с перерывами в два-три года, чтобы дать расплодиться животным.[4] Совершенно иначе относились пришлые случайные охотники, беспощадно истреблявшие соболя.

В конце 90-х годов в результате имевших место на островах сильных пожаров и предшествовавшего хищничества, соболь, видимо, исчез там почти совершенно. Исчезновение его сказалось и на посещаемости островов. Прозоров указывает в начале текущего столетия, что население Уды не посещает Шантаров и даже мало знакомо с ними. Только по старой памяти, еще со времени Российско-Американской компании, не переводились слухи о том, что на Шантарах водятся пушные животные.[5]

После, примерно, десятилетнего перерыва в промысле запасы соболя сильно увеличились, и на островах возобновился на этот раз чисто хищнический промысел, не прекращавшийся уже до самой советизации Шантаров. Участник

---

[1] См. Гончаров (№ 33), стр. 29—30.
[2] См. выше, стр. 223—224.
[3] См. В. (№ 21), стр. 10—11; Унтербергер (№ 172), стр. 223; Гончаров (№ 33), стр. 29—30.
[4] См. Слюнин (№ 153), т. I, стр. 155, 584.
[5] См. Грум-Гржимайло (№ 40), стр. 295 (прим. 3); Прозоров (№ 129), стр. 100.

Амурской экспедиции В. И. Рубинский и упомянутый д-р Н. В. Слюнин в качестве «резкого примера» такого хищничества приводят следующий факт самовольной охоты на островах. В 1906 г. некий николаевский купец Кондинский подрядил десять охотников элкембейе (негидальцев) для промысла на Б. Шантаре. Эта партия нашла на острове обилие соболей и добыла за зиму 1906/1907 г. 800 (по другой версии 400) хвостов. Исходя из минимальной цены (100 руб.), эта добыча оценивалась в 40—80 тыс. руб. Половина ее пошла в пользу предпринимателя. После этого удачного налета снова начался наплыв на острова приезжих хищников. Унтербергер отмечал в 1910 г. «широкий хищнический промысел соболей в последние годы».[1]

Особенно сильно хищничали в XX столетии на островах японцы. Полная безнаказанность повела к исключительной наглости хищников, чувствовавших себя на островах хозяевами. Не помогали в этом отношении и редкие случаи поимки хищников. Весною 1907 г. зимовавшие на Б. Шантаре охотники Кондинского встретили на восточной стороне острова японцев, которые остались здесь на лето для охраны своего имущества и заготовки рыбы на следующий сезон. Остальная партия в 10 человек ушла на это время в Японию. По словам японцев добыча их составила 80 соболей, но, судя по добыче самого Кондинского, размеры эти сомнительны. Последующие годы показывают полную регулярность этого хищничества, возникшего, видимо, раньше 1906 г. Так, по сообщениям офицеров русских миноносок, ходивших к Шантарским островам, японцы построили на острове Б. Шантар в 1907 г. две фанзы. В 1908 г. русским промысловым надзором была сожжена на северном побережье того же острова хищническая японская шхуна.[2] Напоминанием о многолетнем, практиковавшемся до самой революции, хищничестве японцев осталось название речки, протекающей в очень удобной для высадки долине бухты Приглубая (на Б. Шантаре), «Японское зимовье» и находимые до сих пор на острове спрятанные остатки японского продовольствия и снаряжения и полуразрушенные шалаши.

К 1913 г. соболь оказался совершенно истребленным

[1] См. Рубинский (№ 136), стр. 46—47; Слюнин (№ 155), стр. 124; Унтербергер (№ 172), стр. 223.

[2] См. Рубинский (№ 136), стр. 46—47; Слюнин (№ 155), стр. 124; Унтербергер (№ 172), стр. 223.

на острове Феклистов; такая же участь грозила и Б. Шантару.

Громадные размеры хищничества и исключительная его дерзость, разорение островов от пожаров и истребления ценных пушных животных, неоднократные протесты общественного мнения и сигналы администрации Приамурья заставили, наконец, правительство вспомнить о принадлежавших России и совершенно беспризорных Шантарских островах и послать туда экспедицию во главе с О. В. Маркграфом. Экспедиция эта разработала, на основании детального исследования, подробный, не потерявший своего значения и до настоящего времени, план организации островного хозяйства. Но и этот план не был осуществлен, и острова остались в прежнем положении до 1924 г.

Особенному разгрому подверглись Шантарские острова, как и все тихоокеанские владения России, во время гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (1917—1922). Сыграли роль в этом разорении и японцы, и местные чумиканские хищники-скупщики пушнины, и полиция. Обычно туземцы Тугуро-Чумиканского района (эвенки, нивухи и якуты) промышляли на островах через три года в четвертый и таким образом сберегали основные запасы зверя. Полное расстройство снабжения и начавшиеся в годы разрухи голодовки вынудили охотников лойти в кабалу к местным торговцам. Последние снабжали их продовольствием и необходимым снаряжением и отправляли «для отработки» на Шантары. Вечная нужда и кабальная зависимость от скупщиков заставляли охотников чрезмерно выбивать соболя. Характерно, что и в этот период старики туземцы, не промышлявшие сами в виду старости, требовали от уезжавших охотников, чтобы они оставляли «в каждой речке пару соболей». В 1920 г. большую партию охотников (28 человек) отправил на Б. Шантар купец Кондратьев, финансировавшийся японским торговым домом Нихон-Мохи. Эта партия зимовала на острове в 1920.1921 г. и добыла 450 (по официальным данным 372) соболей. Японцы хищничали на островах до 1924 г. Охотники оставили «на развод» только несколько десятков животных.

Деятельное участие в хищничестве принимала, по рассказам старожил, и чумиканская полиция. Местный урядник систематически посылал охотников на Шантары и отбирал у них добытых соболей.

Хищническое истребление соболей продолжалось до самой советизации островов. Последнюю партию нелегально промышлявших охотников сняла с острова Б. Шантар экспедиция 1924 г.[1] Расхищались в это время и другие богатства Шантаров. Помимо постоянного истребления леса, беспощадно выбивались и морские млекопитающие. Так, уже в 1925 г. одной частной шхуной было выбито на острове Рогатка за одну высадку 120 голов.[2]

Подводя общие итоги дореволюционным судьбам Шантарских островов, следует отметить, что последние, в силу своей большой близости к материку и необитаемости, оказались в еще более худшем состоянии, чем Командорские и Карагинские острова. Отношение царского правительства к этому забытому куску российской земли не может быть охарактеризовано иначе, как полным пренебрежением со стороны дурного хозяина к своему имуществу. Правительство это, представленное носителями полицейской власти в самых глухих и отдаленных уголках Севера, создавшее, например, на Командорах целую уездную администрацию при населении в 300 человек, а на Карагинском острове — «заведующего полицейской частью острова», — совершенно обошло своим вниманием Шантары. Такое отношение объясняется отсутствием на островах постоянного населения, т. е. охотников-налогоплательщиков.

Никакие призывы общественности, постоянно отмечавшей усиливавшееся разорение островов, этих ценных природных заповедников бореальной природы, никакие обращения местной администрации, неоднократно поднимавшей вопрос о запрете на островах охоты на соболя, о необходимости организации там соболеразведения и передачи охраны Шантаров Управлению государственных имуществ, — не встречали ответа.[3]

Не получило осуществления, как и проект Маркграфа, и другое ценное начинание, относившееся к 1912 г. Администрация Приамурского края, учитывая сохранившееся еще относительное обилие китов в Шантарском море, опасность для них от продолжающегося там иностранного промысла и полное отсутствие отечественного промысла, предлагала Главному управлению земледелия и землеустрой-

---

[1] См. Батурин (№ 11), стр. 341—343; Дулькейт (№ 50), стр. 12; Гончаров (№ 33), стр. 29—30.

[2] См. Дулькейт (№ 52), стр. 39.

[3] См. газету «Дальний Восток», 1908, № 262.

О. Б. Шантар. Вывозка леса

О. Б. Шантар. Река Митина

О. Б. Шантар. Ферма уссурийских енотовидных собак

ства выделить этот район в своеобразный китовый заповедник.[1]

Также преступно небрежно относилось правительство и к вопросу об использовании ценных лесных богатств островов. Русский Дальний Восток обстраивался за счет ввозного, в частности, корабельного леса, а на островах гибли тысячи гектар прекрасного строевого материала. Иностранцы, посещавшие острова, скорбели о пропадавших втуне богатствах. Участник американской экспедиции Гейне, описывая исключительные лесные ресурсы островов, в частности громадные запасы высококачественных ели и лиственницы, писал в свое время: «редко встречалось нам кривое дерево, все были так прямоствольны, что удовлетворили бы самого требовательного кораблестроителя». Иронически отмечая, что леса эти, «вероятно будут оценены по достоинству, когда их собственник-царь соблаговолит заинтересоваться их неисчерпаемыми ресурсами», автор мечтал о том, что сделали бы на островах предприимчивые янки, и указывал на громадные цены, существовавшие на аналогичные материалы на рынках Гонконга, Шанхая, Маниллы.[2]

Индиферентность правительства лучше всего характеризуется позицией, занятой им по вопросу об иностранном китобойном хищничестве во внутренних шантарских водах. Китобои считали открытыми водами весь район между материком и архипелагом и между самыми островами и усиленно промышляли в нем. На протяжении почти семидесяти лет правительство не удосужилось проверить это утверждение путем производства самых элементарных гидрографических работ. Только в 1911 г., по настоянию приамурской администрации, была определена ширина проливов, и тогда выяснилось неожиданно, что Шантарская губа с заливами Тугурским и Ульбанским — закрытые территориальные воды, куда недопустим заход иностранных судов.[3]

Естественно, что в результате такого отношения власти к национальному достоянию, Шантарские острова оказались к началу революции в таком же разоренном состоянии, как и другие острова Тихого океана.

---

[1] См. Гапанович (№ 28), стр. 337—338.
[2] См. Heine (№ 180), B. III, S. 149.
[3] См. Жданко (№ 58), стр. 8; Унтербергер (№ 172), стр. 224.

Социалистическое хозяйство островов

Начало организации шантарского островного хозяйства было положено в 1924—1926 гг. двухлетней работой научно-промысловой экспедиции Дальрыбы и Дальгосторга. Экспедиция эта выяснила основные перспективы хозяйственного развития островов, завезла на последние необходимые материалы и инвентарь (до домашнего скота и северных оленей включительно), осуществила первоначальное строительство и доставила первый состав сотрудников нового хозяйства.

В 1926 г. было оформлено островное хозяйство, находившееся последовательно в системах Дальгосторга (с 1926 г.), АКО (с 1928 г.), Дальзверкомбината Союзпушнины (с 1932 г.) и Аяно-Охотского рыбного треста Наркомпищепрома.

За период 1924—1932 гг. на островах закончено большое — по местным условиям — строительство. Помимо постройки нового поселка в центре островного хозяйства (на острове Б. Шантар) [1] произведено необходимое производственно-промысловое строительство, как для главной, так и для второстепенных подсобных отраслей хозяйства. Выстроено несколько звероводческих ферм-питомников для пушных животных с клетками и изоляторами, лесопильный и жиротопенный заводы, сельскохозяйственные постройки (животноводческие фермы, конюшни и пр.), склады, ледники и другие хозяйственные постройки, метеорологическая станция и радиостанция, фактория, промысловые зимовья для охотников. На острове Феклистов было также произведено за эти годы жилищное и промысловое строительство.

В области развития главной отрасли хозяйства островов — пушного звероводства — этот первый период работы (1925—1930) был явно неудовлетворителен по своим результатам. Объясняется это многочисленными ошибками — неудачными опытами как в выборе самой формы, так и объектов звероводства. Вольная форма соболеводства (разведение на воле) свелась по существу — при полном отсутствии какого-либо вмешательства в жизнь соболя и каких-либо рационализаторских мер — к беспризорному состоянию животных. Помимо этого, неправильное исчисление

---

[1] См. ниже, стр. 258.

запасов соболя вызвало чрезмерную добычу, что отразилось неминуемо на размерах всего поголовья. Планы, сначала Госторга, а затем АКО, оказались совершенно нереальными не только в отношении соболя, но и второстепенных объектов хозяйства — белки, горностая и новых завезенных на острова пушных животных — голубого песца, серебристо-черной лисицы, енотовидной собаки. Попытка акклиматизации последних на Шантарах не удалась из-за отсутствия предварительной исследовательской работы, необходимой для выяснения степени пригодности природных условий островов для обитания животных, обеспеченности их кормовой базой и пр.

Новым объектом вольного звероводства были выбраны голубые песцы. Завезенные в 1925 г. с острова Медный и выпущенные на острове Б. Шантар 10 пар животных все погибли в первую же зиму. Столь же неудачен был и следующий завоз 8 пар с острова Беринга в 1927 г. Часть из них (11 экземпляров) была выпущена на волю, а часть (5) помещена в питомник. Из выпущенных на волю животных трех видели в последний раз в 1929—1930 гг., и с этих пор никаких признаков песцов на острове не обнаружено. Помещенные в клетках песцы частью погибли (3 экземпляра), а одна пара вместе со своим потомством явно выродилась; все уцелевшие животные (8) были в 1932 г., в виду полной непригодности их как производителей, забиты. Между тем по планам АКО поголовье песцов должно было возрасти к 1930 г., при регулярной добыче, до 1255 голов.[2]

Неудача опыта с командорскими песцами объясняется тем, что условия природы и хозяйства островов неблагоприятны для их разведения. Климатическая обстановка Шантаров оказалась слишком суровой для живущих в гораздо более мягком климате командорских песцов. Кормовые угодья, прибрежная полоса (лайда) бедны ресурсами питания. При этих условиях необходимо громадное количество подкормки, которое сделало бы хозяйство нерентабельным. Помимо всех этих причин, налицо полная возможность ухода животных на материк,[3] что, видимо, и имело место.

---

[1] См. ниже, стр. 257.

[2] См. Батурин (№ 11), стр. 376—377; Петряев (№ 122), стр. 47; Устюжанинов (рук. № 6).

[3] См. главу «Карагинские острова», стр. 184.

Центр тяжести всего пушного хозяйства с 1929 г. был перенесен на клеточное разведение новых пушных животных. В 1929 г. была завезена на остров Б. Шантар первая партия уссурийских енотовидных собак, в количестве 30 экземпляров, которые предполагалось акклиматизировать на одном из островов. Полная неизученность условий акклиматизации вынудила администрацию островов оставить уцелевших 13 животных (17 погибло) в клетках. В 1931 г. было доставлено для выпуска на М. Шантар еще 65 экземпляров, которые по тем же мотивам были помещены в питомниках. Природные условия островов, как выяснилось, оказались тоже неблагоприятными для разведения енотовидных собак. Кроме того, налицо был сильный конкурент их — соболь — и имелась такая же возможность ухода с островов. Это было подтверждено произведенным опытом выпуска на волю 5 пар животных. Последние дошли до крайнего истощения и стали пожирать друг друга. Содержание значительного поголовья животных сделало бы нерентабельным их разведение. Необходимы были специальные помещения и значительные запасы корма (главным образом мясного), а это не предполагалось при вольном разведении. Поэтому енотовидные собаки были тоже забиты.

Аналогично обстояло дело и с другим новым объектом клеточного хозяйства — серебристо-черной лисицей. В 1930 г. было привезено 25 пар канадских лисиц, которые впоследствии вместе с приплодом (всего 157 экземпляров) были вывезены с островов, оказавшихся неподходящими для их разведения.

С 1929 г. в корне изменяется самое направление хозяйства Шантарских островов. Ведущей отраслью всего хозяйства становится лесная и лесообрабатывающая промышленность. В первые годы освоения островов лесозаготовки производились в ограниченных размерах только для нужд местного строительства. В этом году лесная промышленность становится самостоятельной и самодовлеющей; АКО организует на островах леспромхоз с лесопильным заводом на одну раму. Промышленная рубка леса, предусматривающая не только вывоз лесоматериалов, но и экспорт, и производящаяся в бассейнах рек Амука и Б. Анаур, в период 1929—1931 гг. достигает нескольких тысяч кубометров. При этом совершенно не учитывалась возможность самого вывоза леса с острова. При отрезанности послед-

него в течение 10 месяцев от материка и неорганизованности вывоза, вся заготовленная продукция осталась нереализованной и не была вывезена с острова.

Выбор ведущей отрасли хозяйства был в этот период явно ошибочен. Медленность лесовозобновления на островах и сравнительно небольшие — в краевых и лесопромышленных масштабах — размеры лесных площадей делают совершенно нецелесообразной промышленную эксплоатацию лесов. Независимо от этого, последняя находится в явном противоречии с интересами вольного соболеводства, которое призвано стать на островах — по их природному комплексу — главной отраслью хозяйства и должно освоить основную ценность Шантаров — соболя.

Все эти годы (1929—1931) хозяйство островов находилось в совершенно неудовлетворительном состоянии. Носившие несомненно вредительский характер безобразные «опыты» с клеточным звероводством и акклиматизацией ценных, частично импортных пушных животных, наряду с полным пренебрежением к главной отрасли островного хозяйства — соболеводству — стабилизировали развитие этого хозяйства и сопровождались большими убытками. Еще большие убытки и дезорганизацию островного хозяйства принесла вредительская организация самодовлеющего леспромхоза, вызвавшая большое капитальное строительство, завоз значительного количества рабочей силы (до 200 человек) и омертвление капиталовложений.

Совершенно очевидно, что причинами всего этого неблагополучия в шантарском хозяйстве, представляющего точную копию аналогичного состояния Карагинского острова, являлись вредительское руководство АКО, ныне разоблаченное органами НКВД, безобразная работа островной администрации и неудовлетворительное состояние партийной организации островов. Бывший на островах в эти годы партийный работник тов. Шиганский указывал в свое время (1932 г.), что партийное руководство носило явно оппортунистический характер, массовая работа на островах совершенно отсутствовала, социалистические методы труда были в полном загоне. Поселковый совет совершенно не вмешивался в хозяйственную жизнь и ограничивался чисто техническими функциями. В результате совершенно отсутствовала трудовая дисциплина, царили среди рабочих рваческие настроения, наблюдалось значительное «обратничество». Причиною такого состояния партийной организации

и работы были несомненно проникшие на острова и замаскировавшиеся партийными билетами враги народа, троцкистско-бухаринские агенты японского шпионажа. Итогом всего этого был систематический срыв планов во всех отраслях хозяйства.[1]

Положение в корне изменяется в 1931—1932 г. в связи с переходом Шантаров из АКО в ведение Союзпушнины и с назначением на острова специального уполномоченного Далькрайисполкома и Далькрайкома ВКП(б), при полной перемене руководящего состава островного хозяйства и посылке на острова группы крепких партийных работников. Старой бесплановости и бесхозяйственности в работе был быстро положен конец. Леспромхоз ликвидировался. Направление островного хозяйства определилось как звероводческое, главным объектом которого является соболь, разводимый на воле. И уже к 1935 г. соболиное хозяйство островов становится по своему характеру и по своим размерам единственным в СССР, а стало быть и во всем мире.

Восстановление соболиного стада Шантаров было достигнуто с помощью объявленного в 1929 г. и впоследствии продленного пятилетнего запрета промысла, в течение которого хозяйство велось только как опытное и было значительно рационализировано.

В последующие годы были тщательно изучены места обитания соболя, кормовые ресурсы и сезонный кормовой режим этого животного. Основное местообитание соболей — остров Б. Шантар — весь районирован соответственно местам обитания животных, причем составлена карта соболиных угодий. Произведены многочисленные биологические наблюдения и уточнены важнейшие жизненные циклы (гон, лжегон, беременность) и навыки соболя. Значительно улучшена методика и организация учета запасов животного. Путем применения ряда взаимопроверяющих друг друга методов подсчета (по следам, сплошного биологического и выборочного подсчета) определены с известной достоверностью запасы, проверены коэфициенты плодовитости и прироста стада.

Исключительным достижением Шантарского соболиного хозяйства является впервые примененная и давшая прекрас-

[1] См. Шиганский (№ 182), стр. 43 и сл.

ные результаты подкормка животных. Последняя, как уже указывалось, облегчает определение полово-возрастного состава стада, его количественный и качественный учет и разрешает ряд других важнейших задач хозяйственного порядка (индивидуальное ознакомление с животным, подбор производителей, рациональный его отлов и др.).[1] Возможность приучить соболя приходить на подкормочную площадку и тем более входить в ловушку-кормушку возбуждала у многих большие сомнения в виду крайней дикости и сторожкости животного. Предложение применить в соболином хозяйстве наиболее рациональные и оправданные опытом методы подкормки песца исходило впервые от Г. Д. Дулькейт,[2] реализация же этого предложения, вносящая целый переворот в соболеводство, принадлежит В. П. Сторчак, опытному звероводу-практику, работавшему в песцовых хозяйствах островов Командорских и Ольского, а впоследствии и на Шантарах (остров Феклистов).

Впервые система подкормки была применена В. П. Сторчак в 1929 г. к соболям, выпущенным на остров Феклистов. Затем на протяжении 1932—1933 гг. была проведена в этом направлении большая опытная работа, давшая очень интересные результаты громадного практического значения. Благодаря систематически производившимся с особой вышки наблюдениям, удалось установить регулярную посещаемость подкормочной площадки и ловушек-кормушек соболями, выбор ими тех или иных кормов, различные навыки животных и пр.

Дальнейшее применение и расширение системы подкормки с охватом всех промысловых угодий островов даст возможность дальнейшей рационализации соболиного хозяйства (применения осмотров животных, оценки их качеств как производителей, учета, выбраковки, мечения и пр.).

Итогом упорной работы над восстановлением истощенных до революции запасов соболя явился значительный рост поголовья, размеры которого увеличились с 150—175 голов в 1926 г. до 600 в 1933 г. и 1000 голов в 1934 г.[3]

---

[1] См. главу «Командорские острова», стр. 117 и сл.

[2] См. Дулькейт (№ 50), стр. 81.

[3] Эти и нижеследующие показатели см. Устюжанинов (рук. № 6); Гончаров (№ 33); Петряев (№ 122); Дулькейт (№ 50); Батурин (№ 11).

К 1936 г. соболиное стадо островов должно было достигнуть 1500—1600 голов, при каковых размерах считается возможным без ущерба для основного стада ежегодный отбой в 500 хвостов.

Восстановлен соболь и на других Шантарских островах, где он был истреблен в дореволюционное время. На остров Феклистов было пересажено с Б. Шантара в 1927 и 1929 гг. 27 экземпляров; все стадо острова составляло в 1933 г. 70 голов. На остров М. Шантар было выпущено в 1931 г. 13 экземпляров.

Приплод шантарского соболя составляет в среднем 2,5 щенка, наиболее частый приплод 2—3 щенка, в отдельных случаях он поднимается до 5 и падает до 1 щенка. В результате довольно высокого процента гибели молодняка (до 25% родившихся), ежегодный прирост стада составляет 43%.

Наряду с вольным разведением на острове Б. Шантар организован питомник для разведения соболей в неволе. Работы питомника носят пока опытный характер и состоят главным образом в изучении биологии животных, в производстве опытного скрещивания и т. п.

Вторым объектом шантарского вольного звероводства служит выдра. В 1928 г. на последнюю объявлен запуск, и размеры поголовья возросли с 50 экземпляров в 1925 г. до 75—100 в 1934 г. К 1936—1937 гг. стадо должно было составить 200 голов, и в этом году предполагалось начать промысел.

Что касается остальных пушных животных островов, то часть из них усиленно промышляется, а часть находится под запретом. К первым принадлежат конкуренты главного хозяйственного объекта — соболя — медведь, горностай, лисица. Добыча медведя на островах Б. Шантар и Феклистов производится по ежегодно устанавливаемым планам и достигает в среднем 20 голов. Лисица и горностай, как наиболее сильные конкуренты, истребляются интенсивнее медведя. Поголовье белки на всех островах достигало 5—6 тыс. голов. В качестве одного из основных объектов питания соболя белка находится под запретом и промысел на нее не производится.

Общие размеры добычи пушнины на Шантарах в первые годы видны из следующих данных (в хвостах):

О. Феклистов. Подкормочная площадка для соболя. На снегу — ловушки-кормушки

О. Б. Шантар. Школа I ступени

О. Феклистов. Тайга зимою

Объекты промысла	Годы				
	1924/1925	1925/1926	1926/1927	1927/1928	1928/1929
Соболь	37	3	17	8	163
Выдра	3	—	—	—	1
Белка	2120	20	20	—	—
Горностай	3	142	—	—	—
Лисица	1	6	13	—	3
Медведь	11	9	—	8	4

Соболи промысла 1925—1928 гг. были добыты живыми и сначала поступили в питомник, а потом были выпущены на других Шантарских островах. Выдра и белка находятся в состоянии запуска, горностай в последующие (с 1929) годы добывается в среднем в размере 100 хвостов в год, а медведь — в количестве 20 экземпляров.

Получили некоторое развитие на Шантарах и другие подсобные отрасли хозяйства.

Регулярно производится рыбный промысел, продукция которого поступает на питание населения и, кроме того, является важной частью подкормки пушных животных.

Добыча морского (зверобойного) промысла составляет в среднем 100 голов (нерпы и лахтака) в год. Первичная обработка продукции состоит в засоле шкур и вытопке жира. Значительным достижением в хозяйстве явилось использование мяса морских животных на корм пушного зверя. Это снизило себестоимость корма с 30 до 6 руб. в месяц.

В прекрасном состоянии находится существующее на острове с 1925 г. оленеводство. В 1925—1928 гг. было завезено на Б. Шантар из Аянского и Чумиканского районов 69 производителей. Завезенные олени прекрасно акклиматизировались и дали высокий приплод. Все условия острова — отсутствие эпизоотий, значительные запасы ягельных пастбищ зимой, богатые растительные корма летом и пр. — очень благоприятны для увеличения стада. В результате поголовье оленей, несмотря на регулярный отбой, увеличилось с 65 голов в 1928 г. до 266 — в 1934 г. За период 1930—1933 гг. совершенно не было случая падежа взрослых оленей и гибели молодняка, столь частого в камчатско-охотском оленеводстве. Олени обслуживают

промысловый транспорт, а продукция убоя поступает для питания населения и на корм пушным животным.

Успешно, хотя и в незначительных размерах, определяемых местными потребностями, развивается животноводство. Домашние животные представлены на островах крупным рогатым скотом, свиньями, лошадьми и курами. Местные условия очень благоприятны для животноводства: удойность коров достигает 18 литров, немногочисленное пока стадо свиней (8 свиноматок и два производителя) дает мясной продукции в количестве 3,5—4 тыс. кг. Хорошие качества сенокосных угодий позволили применить сенокосилки без всяких предварительных очисток. Домашняя птица имеется не только на ферме зверосовхоза, но и почти у всех его рабочих и служащих.

С 1932 г. начинает развиваться на Б. Шантаре и огородничество. Опыт нескольких лет показал полную возможность созревания и хорошую урожайность ряда столовых овощей и кормовых корнеплодов (картофель, репа, морковь, капуста, редиска, салат, щавель, кормовая свекла, турнепс). Овес и ячмень сеются пока только на «зеленку».

Лесозаготовительная и лесообрабатывающая промышленность работают только в пределах местных потребностей.

Нельзя не отметить значительных успехов островного хозяйства, достигнутых в выполнении ответственной задачи мобилизации внутренних ресурсов. Развитие рыбного и морского промыслов, оленеводства и животноводства обеспечило полностью как потребности населения, так и пушного хозяйства островов. В результате полностью ликвидирован ежегодный завоз на острова убойного скота. Так же обстоит дело и с основным строительным материалом. Не говоря уже о лесоматериалах, острова на базе использования местного сырья обеспечены и другими строительными материалами — кирпичами.

Развернуто за последние двенадцать лет и большое общее культурно-бытовое и культурно-социальное строительство. Необитаемые на протяжении веков Шантары стали уже давно одним из самых культурных районов юго-западной части Охотско-Камчатского края. На основе большого жилищного и коммунального строительства (хлебопекарня, клуб, общественная столовая, больница, радиостанция) выросли новые населенные пункты. Центр островного хозяйства находится в поселке, расположенном в самой вершине губы Якшина, в устье реки Амука. На

правом берегу реки Якшина находятся звероводческие фермы, на левом берегу той же реки лесопильный завод, жиротопка и хозяйственные склады. Поселок острова Феклистов, выстроенный в 1929—1932 гг., лежит в устье реки Лебяжья, у вершины бухты Россета.

Основное население островов состоит из эвенков и якутов, переселившихся с Охотского побережья, унанганов, работавших ранее на Ольском острове, камчадалов и немногочисленных русских, осевших на островах. Остальная часть населения — служащие по срочным договорам — временная и меняющаяся. В 1926 г. «в государственном хозяйстве» по островному шантарскому совету числилось 9 хозяйств с 20 работниками.[1] В 1932 г. количество населения доходило до 300 человек, а после отъезда с островов многочисленных строительных и лесных рабочих оно составляет около 50 человек. Промысловики и другие новопоселенцы — служащие и рабочие — в материально-бытовом отношении обеспечены вполне удовлетворительно и крепко осели на островах.

На островах организован поселковый совет, работают партийная, комсомольская и профессиональная организации, построен клуб, больница, ясли. Поселок на Б. Шантаре электрифицирован, в губе Якшина оборудована аэростанция, являющаяся важным этапным пунктом на трассе Хабаровск — Петропавловск на Камчатке. С материком и между собою острова соединены радиосвязью; почтовая связь осуществляется в навигационный период рейсами шантарских катеров в Николаевск на Амуре.

Значительный перелом в работе всех островных организаций и во всей общественной жизни островов наступил в 1931 г. в связи с посылкою на Шантары уполномоченного краевых партийных и советских организаций, укреплением партийной организации островов и пр. Произошла смена партийного, советского и профсоюзного руководства. В результате значительно окреп очищенный от оппортунистических элементов поселковый совет. Активизировалась работа трех его секций — административно-правовой, производственной и культурно-социальной. Организованный культсовет объединил и работу и средства общественных и хозяйственных организаций. Значительно улучшилось санитарное состояние поселка.

---

[1] См. Список (№ 160), стр. 191.

Широко проводится массовая политическая и культурная работа. Зимою работают партийные школы (2 начальные и 1 повышенного типа), охватывающие учебой всю партийную организацию островов. В клубе работают кружки по политграмоте, курсы по повышению квалификации, ликбезы. Постоянно устраиваются концерты, спектакли, киносеансы и лекции.

Общий подъем в работе сказался и на положении островного хозяйства. Ударничество и соцсоревнование охватило 100% работников островов. Хозяйственные планы из года в год перевыполняются.

За истекшие годы создались на Шантарах крепкие национальные кадры. Свыше 50% представителей северных народностей являются уже квалифицированными специалистами. В качестве егерей-наблюдателей и промысловых старшин, мотористов и радистов работают якуты, эвенки и унанганы. Секретарем островной партийной организации был несколько лет один из местных промышленников унангалов. Активно участвуют национальные меньшинства и в работе местного совета.[1]

Проведены за истекшие годы и большие научно-исследовательские работы, общим итогом которых явилось комплексное описание архипелага и первые, недавно изданные, карты островов.[2]

Таким образом и затерянный в водах сурового Охотского моря Шантарский архипелаг, этот уникальный соболиный заповедник паркового типа, полностью включен в социалистическое строительство Союза и приобщен к советской культуре.

---

[1] См. Шиганский (№ 182), стр. 43—45.

[2] См. Устюжанинов (рук. № 6). Монография того же автора «Шантарские острова» выходит в свет в издании Академии наук СССР.

ОБЩИЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ ОСТРОВНОГО ХОЗЯЙСТВА И ЗАДАЧИ ЕГО В ТРЕТЬЕМ ПЯТИЛЕТИИ

За истекшие со времени советизации годы (1923—1936) выполнена грандиозная работа по организации тихоокеанского островного хозяйства. Работа эта протекала в несравненно более тяжелых условиях, чем освоение самых глухих «медвежьих» углов царской России — Чукотки, Камчатки и Колымы на востоке, Мурмана и Печоры на западе, Нарыма и Туруханского края — в средней Сибири. Все эти районы были, без сомнения, несравненно менее отсталыми, чем пустынные, лишенные связи с материком, острова Тихого океана.

Тяжелые условия освоения островов осложнялись той обстановкой вредительства, которая систематически разрушала островное хозяйство, направляла его по ложному пути, вызывала омертвление капиталовложений, гибель основного душного капитала и пр. Подрывная работа врагов народа в АКО была вскрыта только в 1937 г.

Тем значительнее выступают перед нами общие результаты работ по строительству тихоокеанского островного хозяйства, в итоге которых восстановлено разрушенное хозяйство Командор, заново организовано хозяйство на острове Карагинский и освоены ранее необитаемые, веками пустовавшие территории Шантаров.[1]

Капиталовложения в островное хозяйство рассмотренных нами островов превысили за первое пятилетие 2 млн. руб. В результате осуществлено огромное — в местных масштабах — строительство, значительно умно-

[1] Напомним, что настоящая работа охватила далеко не все освоенные в советскую эпоху острова Дальнего Востока. Так, мы совершенно не коснулись южных островов (Рикорда, Попова, Аскольд, Сидими, Фуругельм и др.), островов Охотского моря — Птичий (под 58° сев. шир., у мыса Хайриузова западного побережья Камчатки), где с 1930 г. работает крабоконсервный завод, и Ольский (Завьялова) у восточной части входа в Тауйскую губу, где одно время существовало песцовое хозяйство, не говоря уже о всемирно известном острове Врангеля.

жены наличные запасы пушных животных, в том числе и находившихся на грани полного исчезновения котиков и камчатских бобров, созданы ценнейшие кадры новых специалистов — островных работников.

Острова эти представляют в настоящее время огромную и уникальную ценность. Командоры — единственный в СССР питомник драгоценных голубых песцов, морских котов и выдры. Шантары — тоже единственный в СССР по своим масштабам и характеру парковый питомник соболя, остров Карагинский — единственный природный питомник черносеребристой лисицы. Реализована, таким образом, в советских условиях мечта О. Ф. Маркграфа, этого первого энтузиаста в деле организации заповедников — памятников природы, бесплодно на протяжении доброго десятка лет пытавшегося пробить стену равнодушия царского чиновничества.[1] Значительные запасы ценных пушных животных являются в настоящее время тем основным капиталом, на котором в значительной мере строится дальнейшее развитие пушного звероводства всего Союза. Тихоокеанские острова давно уже являются рассадниками племенного материала и снабжают последним другие питомники СССР. Опыт тихоокеанского островного хозяйства показал, что пушное звероводство является наиболее целесообразной и рентабельной формой освоения пустынных островов Дальнего Востока.

Освоение островов разрешило одну из ответственнейших задач социалистического строительства — всесторонний подъем отсталых национальных районов Союза. Ликвидирована вековая отрезанность островов от материка, и на них созданы населенные культурные центры. Индустриализация островов и громадное социально-культурное строительство вывели эти острова и населяющие их северные народности из вековой отсталости. Громадные культурно-политические сдвиги среди населения вовлекли отсталых унанганов, нымылланов и эвенков в активное социалистическое строительство и сделали из этих людей, бывших в прошлом объектами жестокой колониальной эксплоатации, сознательных участников этого строительства и мужественных защитников своего социалистического отечества.

Обогатило освоение тихоокеанских островов и нашу советскую науку. В сущности говоря, все настоящие зна-

[1] См. Маркграф (№ 96).

ния обо всех этих островах, за исключением Командор, получены только после революции, когда наука была поставлена на службу социализму.

Путем разрешения текущих задач хозяйственного и национального строительства тихоокеанское островное хозяйство осуществляет еще и миссию огромного политического значения: освоением «необжитых» пустынных на протяжении веков земель укрепляется советская государственность и ее границы на далеком северо-востоке. Многочисленные острова тихоокеанских вод не пользовались до революции ни вниманием, ни защитой правительства. Они никогда не охранялись и «опромышлялись» преимущественно иностранными хищниками. Подобно тому, как на материке Охотско-Камчатского побережья хищнически расхищались иностранцами основные богатства — рыба, пушнина и золото, так на Командорских, Карагинских и Шантарских островах и в омывающих их водах истреблялись все ценные природные ресурсы — пушные животные, киты, леса. Даже «осваивавшиеся» капиталистическим хозяйством на протяжении почти двухсот лет Командорские острова были по существу беспризорным имуществом. Теперь все эти острова превратились в форпосты социализма на крайнем востоке. Империалистические соседи забытого прежде края научились уважать государственные границы СССР. Впервые за всю историю российского севера там непоколебимо утвержден суверенитет советской государственности.

Организация островного хозяйства — дело совершенно новое, сложное и очень своеобразное. Имеющийся уже большой опыт советской работы дает возможность сделать некоторые выводы общего характера о задачах дальнейшего, в третьем пятилетии, развития островного хозяйства.

Главными задачами островных звероводческих хозяйств является и в этом периоде создание высококачественного материала для снабжения других питомников СССР, а также товарный выход пушной продукции. Создание рационально организованного и рентабельного звероводства требует, в первую очередь, широкой и всесторонней научно-исследовательской работы. На островах, как и во всех отдаленных и малоизвестных районах Севера, исследовательская работа должна предшествовать самой организации хозяйства. Только при этом условии может быть достигнута эффективность капиталовложений и хозяйство избавится от тех ошибок и убытков, которые возможны при

организации его без достаточно обоснованных наукою данных (вслепую).

Даже рассмотренные в настоящей работе группы островов изучены в этом отношении далеко не в полной мере. На Командорских островах совершенно не исследованы, в сущности говоря, морская флора и фауна, играющие громадную роль в хозяйстве островов, не изучена биология одного из главных объектов звероводства — морского бобра и др. Карагинские острова не исследованы совсем в геологическом отношении, не изучены незначительные по размерам, но чрезвычайно ценные в промысловом отношении лесные участки Б. Карагинского острова и т. п. Из еще менее исследованных Шантарских островов более изучены, но и то далеко не полностью, лишь два самых крупных из них — Б. Шантар и Феклистов. Необходимо поэтому провести в ближайшие годы комплексную исследовательскую работу на островах Беличий, Прокофьева и Сахарная голова, которые, еще по мнению О. Ф. Маркграфа, представляются наиболее интересными для освоения. Далее необходимо охватить исследованиями и все остальные острова архипелага и изучить его полностью в геологическом отношении. Задачею ближайшего времени является также исследование морской ихтиофауны всех трех групп островов. Сравнительно — и то не на всех островах — исследованы в этом отношении внутренние воды и частично береговая полоса островов. Морские воды в большинстве случаев совершенно не изучены в отношении рыбных запасов, а между тем рыбное хозяйство играет и должно играть громадную роль во всех приморских районах Камчатско-Охотского края.

Совершенно очевидно, что в еще большей степени необходимы научные исследования тех дальневосточных островов, которые только еще становятся в ближайшем будущем объектом хозяйства.[1] Все неосвоенные еще острова Чукотского, Берингова и Охотского морей в настоящее время не исследованы совершенно, отсутствуют даже карты этих островов.[2] Научно-исследовательская работа должна в первую очередь, помочь разрешению чрезвычайно важного вопроса о направлении того или иного островного хозяйства, т. е. в первую очередь о выборе ведущей его отрасли.

---

[1] См. ниже, стр. 270.

[2] Первая съемка Командорских островов имела место в 1924—1925 гг., а Шантаров — в 1931—1933 гг. Карты Карагинских островов до сих пор не существует.

В тех случаях, а их будет, очевидно, подавляющее большинство, когда главною отраслью островного хозяйства будет избрано звероводство, исследовательская работа должна пойти глубже и выяснить направление уже самого звероводства, т. е. определить наиболее целесообразный в данных условиях выбор тех или иных объектов звероводства — песца, лисицы, соболя и др.

Следующий круг вопросов относится к обогащению тех или иных островов новыми видами пушных животных, к пересадкам последних в новые естественные обиталища, к их акклиматизации и реакклиматизации. Особенно большое значение имеют предварительные исследовательские работы, как это показывает неудачный опыт АКО на острове Карагинский (с песцом и с ондатрой) и на Шантарах (с песцом, лисицей и енотовидной собакой) при разрешении вопроса об акклиматизации новых видов. Вообще говоря, акклиматизация животных на островах должна преследовать цель либо освоения новых ценных видов пушных животных, либо расширения и улучшения кормовой базы наличных видов, либо увеличения сырьевой и в том числе продовольственной базы островного хозяйства. В этом отношении следовало бы исследовать возможности пересадки на тихоокеанские острова как некоторых грызунов (зайца-беляка, белки, тарбагана, евражки), так и парнокопытных (дикого северного оленя, снежного барана, лося, мускусного быка) и пушных животных (морского бобра, соболя и пр.).

Непосредственно в области звероводства надлежит прежде всего выяснить места обитания различных объектов хозяйства, произвести районирование промысловых угодий и составить промысловые карты. Следующий цикл вопросов относится к разработке методов учета запасов пушных животных и к систематическим биологическим наблюдениям над ними.

Одною из важнейших задач рационализации звероводческого хозяйства является также реконструкция естественной кормовой базы пушных животных. Увеличение и улучшение этой базы может быть достигнуто путем увеличения запасов тех наличных видов фауны, которые служат кормом объектам хозяйства, путем вселения новых таких видов и путем внесения необходимых изменений в растительный покров островов. Чрезвычайно важно также выяснение возможности и целесообразности сосуществования на островах тех или иных видов животных, определение,

в частности, подлежащих истреблению врагов и конкурентов (данных хозяйственных объектов).[1]

Важнейшими задачами постоянных научно-промысловых станций, которые должны быть организованы на всех осваиваемых островах, являются: качественное улучшение объектов хозяйства, повышение их плодовитости и породы на основе широко применяемого отбора производителей и селекции, получение новых видов путем метизации и пр.

Помимо цикла работ, непосредственно относящихся к звероводству, необходимо также (особенно в отношении неосвоенных еще островов) как общее физикогеографическое изучение, так и проведение специальных метеорологических, гидрологических, гидробиологических и других работ. Важной задачей научного исследования является также выяснение наиболее полного и целесообразного в данных условиях использования всех остальных природных ресурсов островов. Главной хозяйственной задачей является в третьем пятилетии комплексность в развитии островного хозяйства. В основу построения хозяйственных планов островов должно быть положено всестороннее использование всех их природных ресурсов и развитие на базе последних всех возможных отраслей хозяйства.

Промышленное звероводство, судя по всем данным, останется основной, ведущей отраслью хозяйства. Комплексное развитие других, второстепенных и служебных, отраслей не только разрешит общую задачу социалистического хозяйствования — максимальное развитие всех производительных сил каждого района страны, но и ряд других, важных в народно-хозяйственном отношении задач, а именно: максимальное самоснабжение островов внутренними ресурсами, сокращение морских перевозок, поднятие доходности островного хозяйства и материально-культурного уровня населения и др. Все отрасли островного хозяйства должны быть увязаны между собою, сбалансированы и

[1] Необходимость выяснения специалистом целесообразности существования на островах того или иного представителя фауны может быть иллюстрирована следующим характерным случаем. В течение многих лет на Командорах истреблялась (даже с выплатою премии) белая сова, как хищник, истребляющий полевок (основной корм песцов) и тем приносящий вред песцовому хозяйству. Между тем проф. Иогансен выяснил, что этим истреблением полевок сова выполняет крайне полезную роль, так как полевки являются промежуточными хозяевами глистов, приносящих огромный вред песцовому поголовью (см. главу «Командорские острова», стр. 122).

объединены в едином плане данного хозяйства, построенного на принципах строгого хозяйственного расчета.

В первую очередь нужно отметить необходимость развития на островах энергетической промышленности (на базе всевозможных местных источников энергии — торфа, синего и белого угля) и основных северных промыслов — оленеводства, рыбного, морского (зверобойного) промысла и охоты.

Оленеводство существует и в настоящее время на рассмотренных нами островах, но размеры его очень незначительны и далеко не исчерпывают оленеемкости островных пастбищ. Между тем оленеводство призвано сыграть значительную роль в хозяйстве островов как источник транспортных средств и ценных ресурсов питания и промышленного сырья (шкуры, кожа). Имеющийся уже опыт показывает, что островное оленеводство находится в исключительно здоровом состоянии, далеко не свойственном еще до сих пор материковому и полуостровному камчатско-охотскому оленеводству. Наличие достигающих значительных размеров девственных пастбищ, отсутствие эпизоотий, лучшее обслуживание и достаточно большое внимание, уделяемое оленеводству в общей системе островного хозяйства, несравненно гораздо более сильное культурное влияние, испытываемое оленеводами в общей островной обстановке, доступная и близкая ветеринарно-зоотехническая помощь — все это должно будет способствовать прекрасному состоянию и значительному росту поголовья. Это последнее заставляет расширить первоначальное назначение оленеводства на островах — развитие последнего должно, помимо своей непосредственной задачи (транспортного обслуживания и поставки оленеводческой продукции), преследовать еще и цель снабжения доброкачественным племенным материалом соседних материковых районов края.

Ничтожные в настоящее время размеры зверобойного промысла должны быть значительно увеличены. На Командорах, в частности, необходимо опромышление касатки, источника ценного и разнообразного промышленного сырья (в том числе и корма для пушных животных) и одновременно опасного хищника, истребителя котика и, возможно, морского бобра.

Чрезвычайно актуально развитие на островах сельского хозяйства — огородничества и животноводства, которые, как это видно из опыта шантарского хозяйства, могут

полностью обеспечить население островов основными овощными и мясомолочными продуктами.

Развитие перечисленных отраслей хозяйства (оленеводства, рыбного и морского промыслов) значительно укрепит основной фундамент местной островной экономики — звероводство. Но ограничиваться только этими отраслями не следует. Необходимо развитие и всех других, возможных на островах, второстепенных промыслов и кустарных занятий. К ним принадлежит охота на морскую и наземную птицу и на наземных млекопитающих, сбор яиц, пуха и пера морских птиц, ягод и грибов, добыча полезных водорослей и других так называемых второстепенных продуктов моря (крабов, моллюсков, голотурий и пр.). Крайне важно также развитие на островах самых разнообразных ремесел: столярного, слесарного, пошивочного, сапожного, производства изделий из кости и др.

Особенное внимание должно быть уделено в островном хозяйстве использованию торфа и морских водорослей, значительные запасы которых имеются на всех рассмотренных нами группах островов.

Залежи торфа, одного из важнейших и менее всего использованных на севере сырьевых ресурсов, найдут себе самое разнообразное применение в островном хозяйстве не только в качестве энергоресурса, но и в животноводстве и в огородничестве (в качестве подстилки для скота, удобрения и так называемых вегетационных горшков), в промышленном и бытовом строительстве (теплая фанера, изоплиты), в санитарном деле и пр.

Не менее разнообразно могут быть использованы и исключительно богатые запасы ценных, особенно иодосодержащих водорослей. Помимо того что они являются сырьевой базой для самостоятельной отрасли промышленности (химической, в частности иодовой, и производства агар-агара), они могут найти себе применение в качестве удобрения, корма для домашнего скота и пушных животных и одного из подсобных ресурсов питания для населения островов. Особенно большое значение могут получить водоросли в развитии островного животноводства. Животноводство северной Норвегии в известной степени существует на кормовой базе водорослей; аналогичное использование водорослей наблюдается со времени мировой войны во Франции и Германии. Унанганы Командорских островов

давно уже откармливают водорослями (фукусами) своих свиней, особенно отощавших.[1]

Все эти подсобные, второстепенные, как и основные отрасли островного хозяйства, отнюдь не должны быть замкнутыми и носить чисто потребительский характер. При достаточности сырьевой базы продукция их должна составлять предмет вывоза с островов. Этим будут достигнуты как общее оживление хозяйственной жизни островов, так и повышение рентабельности всего островного хозяйства, значительное улучшение материально-культурного положения населения, несравненно более легкое и дешевое снабжение необходимой продукцией соседних, мало развитых в хозяйственном отношении районов Камчатско-Охотского края и пр.

Лимитировать комплексное развитие островного хозяйства может только возможная вредоносность тех или иных предприятий или промыслов для ведущей отрасли хозяйства — пушного звероводства. С этой точки зрения совершенно правильным является, например, отказ от разработок незначительных месторождений меди на острове Медный, которые пришлось бы производить в непосредственном соседстве с местом выхода морского бобра. По этой же причине вполне целесообразна произведенная Союзпушниной, после перехода в ее ведение островов, ликвидация тресколовной базы на Командорских и леспромхоза на Шантарских островах.

Отдельно надо остановиться в нескольких словах на собаководстве. Последнее недопустимо, например, на тех островах, где ведется песцовое хозяйство. Являясь и врагом, и конкурентом песца по кормам, собаки опасны еще и в том отношении, что заносят на острова эпизоотии и глистные заболевания.

Комплексное—в указанных пределах — развитие островного хозяйства значительно ускорит разрешение сложной задачи снабжения островов. Крайняя дороговизна завоза снабжения с материка и тяжелые транспортные условия являются несомненными препятствиями в развитии островного хозяйства. Использование всех внутриостровных ресурсов сильно сократит и облегчит транспортно-снабженческую работу.

---

[1] См. Гайл (№ 27), стр. 119.

Эти соображения общего характера должны, по нашему мнению, лечь в основу как третьего пятилетнего плана для уже существующего на Тихом океане островного хозяйства, так и освоения других, еще не вовлеченных в строительство островов. Из последних следует, в первую очередь, обратить внимание на остров Спафарьева (Коровий), лежащий при входе в Тауйскую губу, острова Ямские (у восточного побережья полуострова Пьягин в Пенжинском заливе) и на пограничный с США остров Б. Диомид (Ратманова), расположенный в Беринговом проливе и населенный небольшой группой айванат (эскимосов). Необходимость организации на этом острове хотя бы небольшого по своим размерам советского хозяйства совершенно очевидна.

Сталинская конституция застает тихоокеанские острова Союза, эти исключительно разоренные в прошлом колонии царской России, в состоянии исключительного подъема. Уже в настоящее время островное хозяйство Тихого океана является по своему масштабу, методам хозяйствования и политическому значению единственным не только в СССР, но и в мире.

В период осуществления третьего пятилетнего плана великой социалистической стройки, — на основе нового материального и культурно-политического подъема всего населения, широкого развития стахановского движения и беспощадной борьбы с притаившимися на дальневосточных окраинах врагами народа — троцкистскими, зиновьевскими, бухаринскими, японскими шпионами, агентами фашизма, — советские тихоокеанские острова без сомнения испытают новый расцвет своего хозяйства, поднимут на новую высоту свою обороноспособность и окончательно утвердятся как недоступные для нападения форпосты социализма на далеком Востоке.

Литература[1]

1. Ал. Ск. (Соколов). Опись Удского берега и Шантарских островов поручика Козьмина в 1829—1831 гг., Записки Гидрографического департамента, ч. IV, Спб., 1846.
2. Андриевич В. К. История Сибири, ч. 1—2, Спб., 1889.
3. Анерт Э. Э., Богатство недр Дальнего Востока, Книжное дело. Хабаровск — Владивосток, 1928.
4. Арсеньев В. К., Командорские острова в 1923 г., Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока, Изд. Научного промбюро Дальрыбохоты, Госкнига, Владивосток, 1923.
5. Асланбегов, контр-адмирал, Сведения о разных местах, посещенных контр-адмиралом Асланбеговым: Петропавловск — цены разных продуктов; проект новой администрации Камчатки; Командорские острова и промыслы на них, «Морской сборник», т. CLXXXVII, № 12, Морская хроника, Спб., 1881.
6. Бабиков С. С., Командорские острова, журнал «Северная Азия», 1926, № 2.
7. Барабаш И. И., Командорские острова, журнал «Советский Север», 1934, № 4.
8. Барабаш-Никифоров И. И., В стране ветров и туманов (два года на Командорах), с предисловием проф. Н. А. Никифорова, Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, М. — Л., 1934.
9. Его же, Калан или морская выдра (морской бобр), Биологический очерк. Пушная секция общества изучения советской Азии, Управление производственно-технической пропаганды Союза пушников, изд. Сов. Азия, М., 1933.
10. Barret-Hamiltone G. E. H. and Jones H. O., A visite to Karaginski Island, Kamchatka. The Geographical Journal. 1898, XII, sept., London.
11. Батурин А. Д., Островное хозяйство ДВК, Производительные силы Дальнего Востока. Первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока, вып. 4, Книжное дело, Хабаровск — Владивосток, 1927.
12. Беклемишев. О Командорских островах и котиковом промысле, Спб., 1884.
13. Берг Л. С., Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742, изд. Главсевморпути, Л., 1935.

13а. Bericht von einer im Jahr 1772 angetretenen vierjährigen Seereise zu den zwischen Kamtschatka und Amerika gelegenen Inseln unter Anführung des Peredoffschik's Dmitrii Bragin. Neue Nordische Beiträge, Bd. II, S.-Petersburg und Leipzig, 1781.

[1] Приводимый список содержит только ту литературу, на которую имеются ссылки в тексте работы. Основная, рекомендуемая литература, отмечена знаком *.

14. Берх В., Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота, ч. 1—4, Спб., 1831—1836.
15. Его же, Морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой, и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана I ранга Витуса Беринга, Спб., 1823.
16. * Его же. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле, Спб., 1823.
17. Бианки В. Л., Краткий обзор авиофауны Командорских островов, Ежегодник Зоологического музея Академии наук, т. XIV, Спб., 1909.
18. Его же, Отчет о командировке в Камчатку в 1908 г., Известия Академии наук, VI серия, т. III, Спб., 1909, № 1.
19. Бражников В. К., Материалы по фауне русских восточных морей, собранные шхуною «Сторож» в 1899—1902 гг., Записки Академии наук по физ.-мат. отдел., т. XX, № 6, Спб., 1907.
20. Бутурлин С. А., Птицы острова Медного, журнал «Птицеведение и птицеводство», год IV, вып. 2.
21. В., Крейсерство клипера «Абрек» в Охотском море в 1885 г., «Морской сборник», № 4, Спб., 1888.
22. Weber, Das veränderte Russland, Frankfurt und Leipzig, 1738.
23. * Вениаминов И., Записки об островах Уналакшинского отдела, ч. I—III, Спб., 1840.
24. Винтер Г., Командоры, газета «Тихоокеанская Звезда», 1933, 14 октября, № 223.
25. Волошинов, Морские котики, Спб., 1889.
26. Его же, Отчет по командировке на Командорские острова в 1884—1885 гг., Типография штаба Приамурского военного округа, Хабаровск, 1886.
27. Гайл Г. И., Морская растительность как компонент кормовой базы животноводства и звероводства в ДВК, журнал «Рыбное хозяйство Дальнего Востока», вып. XIII, 1 кварт., 1935, Дальгиз, Хабаровск, 1935.
28. Гапанович И. И., Промысел китообразных и ластоногих на Дальнем Востоке, Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока, Изд. Научного промбюро Дальрыбохоты, Госкнига, Владивосток, 1923.
29. Гартвиг, Природа и человек на Крайнем Севере, М., 1886.
30. Герасимов А. П., Командорские острова и котиковый промысел на них, Известия Восточносибирского отдела Русского географического о-ва, т. XXVIII, 1897, № 2.
31. Гидрографический обзор русских берегов Восточного океана, Командорские острова, Главное гидрографическое управление морского министерства, Спб., 1888.
32. Головнин В., Сочинения и переводы тт. I—V, Спб., 1864.
33. Гончаров И., На Шантарских островах, журнал «Охотник», 1927, № 11.
34. Гончаров И. А., Фрегат Паллада, Очерки путешествия в двух томах, т. II, Полн. собр. сочин. И. А. Гончарова в 12 т., изд. Маркса, т. VII, Спб., 1899.
35. Гребницкий Н. А., Записка о Командорских островах, Сборник главн. офиц. докум. по управл. Восточной Сибирью, т. III, вып. 2, Иркутск, 1882.

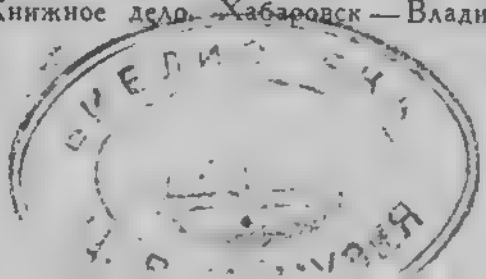
36. * Его же, Командорские острова (очерк), изд. Деп. земл. М. з. и г. им., Спб., 1902.
37. Его же, Новейшие данные о жизни и промысле котов и бобров, журнал «Вестник Рыбопромышленности», т. XVII, № 5, 1902.
38. Его же, О современном положении бобрового промысла, журнал «Вестник Рыбопромышленности», 1894, № 4.
39. Его же, Список рыб, водящихся у Командорских островов и полуострова Камчатки, журнал «Вестник Рыбопромышленности», 1897, № 6—7.
40. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области, под ред. П. П. Семенова, Спб., 1894.
41 * Гулишамбаров С., I., Торговля, промышленность и пути сообщения в Сибири, Спб., 1893.
42. * Гурьянова Е. Ф., Командоры (очерк), сборник «За индустриализацию Советского Востока», 1933, № 2.
43. * Давыдов Б. В., Лоция побережий РСФСР Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно, Управление по обеспечению безопасности кораблевождения ДВ, Владивосток, 1923.
44. Дитмар К., Поездки и пребывание в Камчатке, ч. I. Исторический отчет по путевым дневникам, Академия наук, Спб., 1901.
45. Ditmar K., Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855, II Teil., Allgemeines über Kamtschatka, St-Petersbourg, 1900.
46. Добровольский И. Д., Котиковое хозяйство Командорских островов, журнал «Рыбное хозяйство Дальнего Востока», 1930, № 3—4.
47. Его же, Побольше внимания морскому бобру, журнал «Рыбное хозяйство Дальнего Востока», 1929, № 1.
48. Доклад Комитета об устройстве русско-американских колоний, Спб., 1863.
49. Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири, Записки Военно-топографического депо, ч. X, отд. I, гл. 2, приб. 2-е, Спб., 1847.
50. Дулькейт Г. Д., Материалы по изучению биологии соболя и соболиного хозяйства острова Большой Шантар, Известия Тихоокеанской научно-промысловой станции, т. III, вып. 3, Владивосток, 1929.
51. Его же. Заметка о промысловых животных Чумиканского района, журнал «Охотник», 1927, № 6.
52. Его же, О морском зверином промысле в Тугуро-Чумиканском районе, журнал «Охотник», 1928, № 1.
53. Его же, Промысловые животные Тугуро-Чумиканского района, журнал «Охотник», 1927, № 1.
54. *Дыбовский Б. И.*, О Командорских островах в экономическом и статистическом отношениях, Известия Русского географического о-ва, т. XX, Спб., 1884.
55. Dybowski B. I., Wyspy Komandorskie. Оттиск из журнала «Cosmos», Lwów, 1885.
56. Емельянов А. А., К герпетофауне Шантарских островов, «Вестник Дальневосточного филиала Академии наук СССР», 1932, № 3—4.
57. Емельянов К. А., Охотничий фонд Охотско-Камчатского края и меры к его сохранению. Производительные силы Дальнего Во-

стока, Первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока, вып. 4, Книжное дело. Хабаровск—Владивосток, 1927.
58. Жданко М. Е., Гидрографические работы в Тихом океане, отд. отт. из № 1769—1770 газеты «Далекая Окраина», Владивосток, 1913.
59. Его же, Работы русских моряков в Охотском море, отд. отт. из Записок по гидрографии, т. XL, вып. 5, II, 1916. (То же: Работы русских моряков по описи Охотского моря и лимана реки Амура, отд. отт. из Известий Русского географического о-ва, т. LII, вып. X, 1916).
60. Жуков М. Д., В Тихом океане на охране котиков и бобров, изд. состоящей при Гл. морск. штабе постоянной комиссии для употребления процентов с капитала, пожертвованного гр. Строгановым, Спб., 1912.
61. Закс И. Г., К познанию донных сообществ Шантарского моря. Известия Тихоокеанской научно-пром. станции, т. III, вып. 2, Владивосток, 1929.
62. Збышевский В., Замечания о китобойном промысле в Охотском море, «Морской сборник», Спб., 1863, № 4.
63. Зинова Е. С., Водоросли Охотского моря с побережья Большого Шантарского острова, Труды Ленингр. о-ва естествоиспытателей, т. LV, вып. 3. Л., 1930.
64. Знаменский С., В поисках Японии, Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане, Книжное дело, Благовещенск, 1929.
65. Известия о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением, журнал «Ежемес. сочин. к пользе и увеселению служащие», Академия наук, Спб., июль — август, 1757.
66. Инструкция письменному голове Пояркову, Из Якутского областного архива, сообщ. корреспондент М. Шестаков, Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1861, январь — март, кн. 1, М., 1861.
67. Иогансен Г. Х., проф., Птицы Командорских островов, отд. отт из «Трудов Томского гос. университета», т. 85, Томск, 1934.
68. Iochelson Waldemar, Archaeologikal investigation in the Aleutian Islands: Carnegie Institution of Washington Publication N. 361. Washington, 1925.
69. Исторические и статистические записки о местах, лежащих при реке Амуре, «Сибирский Вестник», ч. I, 1824.
70. Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927), Дальневосточный краевой статистический отдел., Благовещенск, 1929.
71. Камчатка в 1923 году (обзор Камчатской губернии, по данным Камчатского губ. ревкома) под ред. М. М. Целищева, Прилож. к отчету Дальэкосо Эконом. совещ. РСФСР.
72. Карелин, П. На Шантарских островах, Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 11 сентября, 1933, № 225.
73. Кириллов А., Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран, Благовещенск, 1894.
74. Колтоновский П. П., Доклад о командорском звероводном хо-

зяйстве на совещании по звероводству при Пушногосторге, М., 1929.
75. Его же, Доклад о песцовом хозяйстве на Командорских островах в заседании СОК, М., 1929.
76. Его же, Котиковый промысел на Командорских островах в период 1920—1930 гг., Всесоюзная академия с/х наук им. Ленина, Научно-исследовательский институт пушного хозяйства, Материалы, вып. 7, М. (б. г.).
77. Комаров В. Л., акад., Библиография к флоре и описанию растительности Дальнего Востока, Записки Южно-уссурийского отдела Русского географического о-ва, вып. 2, Владивосток, 1928.
78. Его же, Ботаника, Сборник «Тихий океан», изд. Академии наук, Л., 1926.
79. Его же, Флора полуострова Камчатки, т. I—III, изд. Академии наук СССР, Л., 1927—1930.
80. Кравцов В. А., Энергоресурсы Дальневосточного края, Дальневосточный географический институт, Дальгиз, Хабаровск, 1933.
81. Крашенинников С., Описание земли Камчатки, тт. I—II, Академия наук, Спб., 1755; изд. 2, Академия наук, Спб., 1786; изд. 3 в серии Полн. собр. ученых путешествий по России, Академия наук, Спб., 1818—1819.
82. Крузенштерн И., Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг., т. I—III, Спб., 1809—1812.
83. Кулагин, Алеуты, журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1927, № 6—7.
84. Его же, Звероводство на Командорских островах, журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1927, № 8.
85. Кулагина Л. И., Остров Беринга (из отчета), Записки Владивостокского отдела Госуд. русского географического о-ва (О-во изучения Амурского края), т. I (XVIII), Владивосток, 1928.
86. Лессепс, Путешествие по Камчатке и по южной окраине Сибири, пер. с фр., ч. I—III, М., 1801.
87. Лех С., Некоторые наблюдения о морском бобре, водящемся у острова Медного Командорских островов, Записки О-ва изучения Амурского края, X, 1907.
88. де Ливрон С. и Клыков М., Лоция северо-западной части Восточного океана, ч. III и IV (Берингово море и пролив Беринга), изд. Главного гидрографического управления морского министерства, Спб., 1909.
89. Линдберг Г. У. и Дулькейт Г. Д., Материалы по рыбам Шантарского моря, Известия Тихоокеанской научно-промысловой станции, т. III, вып. I, Владивосток, 1929.
90. Линдгольм, О китобойстве в Охотском море, журнал «Русское судоходство», 1888, № 33—5.
91. * Литке Федор, Путешествие вокруг света, совершенное... на военном шлюпе «Сенявине» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах, ч. I—III, Спб., 1834—1836.
92. Lutke F., Voyage autour du monde exécuté... sur la corvette le Seniavine dans les années 1826, 1827, 1828 et 1829, partie historique, v. I, Paris, 1835.
93. Маак Р., Путешествие на Амур, Спб., 1859.
94. Маныкин-Невструев А. И., Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки, журнал «Русский Вестник», т. 164, апрель 1883.

95. Маргаритов В., Камчатка и ее обитатели. Записки Приамурского отдела Русского географического общества, т. V, вып. I, Хабаровск, 1899.
96. Маркграф О. В., вице-инспектор корпуса лесничих, Русский зоопромышленный парк, из доклада Мин. земл. и гос. имущ., Спб., 18 января, 1903 г.
97. Мартыщенко. Остров Карагинский, газета «Камчатская Правда», 23 июля, 1936, № 168.
98. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, вып. 1—4, Прилож. к «Морскому сборнику», Спб., 1861.
99. Bemerkungen über die Floren der Karagins-Inseln und eines Teils des Landes an der Behrings-Strasse, aus den Briefen des Dr. Mertens an die Herren Fischer und Trinius (Anmerkungen von Chamisso). Linnaea, V Band, 1830. Berlin, 1830.
100. Миддендорф А., Путешествие на север и восток Сибири. В 2 частях. Спб., 1860.
101. Middendorff A. Th., Bericht über die Beendigung der Expedition nach Udskoy Ostrog, auf die Schantaren und durch das östliche Grenzgebirge. Bull. phys.-math. de l'Acad. des sc. de St. Petersb., Bd. IV, 1845.
102. Его же, Voyage à Oudskoï Lettre à M. Fuss. Bull. phys.-math. de l'Acad. des sc. de St. Petersb., v. IV, 1845.
103. Миллер Г., Описание морских путешествий по Ледовитому Восточному морю, с российской стороны учиненных, пер. И. Голубцова, Спб., 1758.
104. Müller, G., Sammlung russischer Geschichte, Bd. III, 1758.
105. Морозевич И., Месторождение самородной меди на Командорских островах, Труды Геологического комитета, вып. 72, Спб., 1912.
106. Morozewicz I, Komandory. Studium geograficzno-pszyrodnicze. Warszawa, 1925.
107. Нордман Ф., Известие о результатах китобойства у Шантарских островов и прибрежья Охотского моря (из переписки вице-адмирала Нордмана I, составившего настоящую записку с китобоем Отто Линдхольмом), «Морской сборник», XCVI, 1868, № 5, Морская хроника. (То же: «Морской сборник», CLI, 1875, № 11, неоф. отд.)
108. Оглоблин Н., Две «сказки» Вл. Атасова об открытии Камчатки, Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 3, отд. I, М., 1891.
109. Огнев С. И., Млекопитающие Шантарских островов, Известия Тихоокеанской научно-промысловой станции, т. 2, вып. 5, Владивосток, 1929.
110. Отчет Камчатского окружного революционного комитета Первому камчатскому съезду советов. К.О.Р.К., Петропавловск-на-Камчатке, 1928.
111. Павленко М. Н., Материалы по исследованию восточной сельди, Научно-промысловые исследования вод Дальнего Востока, Материалы к познанию русского рыболовства, т. III, вып. 10, 1914.
112. Паллас П., О российских открытиях на морях между Азией и Америкой (из Месяцеслова на 1781 г.), Собрание сочинений,

выбранных из Месяцесловов на разные годы. ч. IV, Академия наук, Спб., 1790.
113. Пальмер А., Записка о Сибири, Манчжурии и об островах северной части Тихого океана, Спб., типография Стасюлевича, 1906. (То же: исторический сборник «Старина и Новизна», кн. II, Спб., 1906.)
114. Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I—II, Спб., 1882—1885.
115. Патканов, С., О приросте инородческого населения Сибири, Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен, изд. Академии наук, Спб., 1911.
116. Пекарский П., Архивные изыскания об изображении несуществующего ныне животного Rhytina Borealis, Прил. № 1 к XV т. Записок Академии наук, Спб., 1869.
117. Его же, Собственноручные письма Ломоносова, Записки Академии наук, т. X, ч. 2, Спб., 1867.
118. Первый камчатский областной съезд, Протоколы съезда 20 VII—9 VIII 1917 г., Петропавловск-на-Камчатке, 1917.
119. Первый чрезвычайный Петропавловский-на-Камчатке уездный съезд 12 III—7 IV 1920 г., т. I, Протоколы и журналы съезда, доклады и материалы комиссий, т. II, Петропавловск-на-Камчатке, 1920.
120. Перечень путешествия, предпринятого к островам между Азией и Америкой, находящимся на судне «св. Михаила» (из Месяцеслова на 1783 г.), Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. ч. V, Академия наук, Спб., 1790.
121. Перечень путешествия штурмана Зайкова к островам между Азией и Америкой, находящимся на боте «св. Владимира» (из Месяцеслова на 1782 г.), Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы, ч. V, Академия наук. Спб., 1790.
122. *Петряев П. А., Островное разведение голубых песцов, Всесоюзное пушно-меховое объединение Союзпушнина, Научно-популярная библиотека, изд. Сов. Азия, М., 1932.
123. Позднеев Д., Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России, т. I, Иокохама, 1909, т. II, Токио, 1909.
124. Полезные ископаемые Дальнего Востока. Материалы по геологии и полезным ископаемым Дальнего Востока, № 27, изд. Геологического комитета ДВ, Владивосток, 1923.
125. Поселенные итоги туземной переписи 1926 г., Камчатский революционный окружной комитет, Владивосток, 1928.
126. Постельс А., Геогностические замечания, гл. 5 — «остров Карагинский»; см. Литке (№ 91), ч. III, стр. 69—71.
127. Потапов Н., На Командорских островах, Ц. О. «Правда» 1937, 9 мая, № 126.
128. Приложения к Докладу Комитета об устройстве Русско-американских колоний, Спб., 1863.
129. *Прозоров А. А., Экономический обзор Охотско-Камчатского края, Спб., 1902.
130. Производительные силы Дальнего Востока, Первая конферен-
131. ция по изучению производительных сил Дальнего Востока, вып. 3—5, Книжное дело, Хабаровск — Владивосток, 1927.



132. * Разумовский В. И., Карагинский остров в качестве натурального зверового рассадника, журнал «Рыбное хозяйство Дальнего Востока», 1930, № 3—4.
133. * Редько Б. А., Алеуты Командорских островов, Производительные силы Дальнего Востока, Первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока, вып. 5, Книжное дело. Хабаровск—Владивосток, 1927.
134. Его же. Перевозка голубых песцов на Шантарские острова, журнал «Охотник» 1926, № 6.
135. * Розанов М. П. и Розанова-Кошелева Г. И., Пушное хозяйство на острове Карагинском (Камчатка), журнал «Союзпушнина», 1932, № 17—18.
136. Рубинский В. И., Соболиный промысел на Дальнем Востоке, Труды Амурской экспедиции, вып. XIII, прил. II., Спб., 1911.
137. Руднев В., Из воспоминаний о плавании на крейсере «Африка», журнал «Русская старина», 1908, май, ноябрь и 1909, февраль, март, апрель, май.
138. Ruprecht F. J., Tange des Ochotskischen Meeres. Middendorff A., Sibirische Reise, Bd. I, Teil 2, 1851.
139. Савич В. П. Несколько лишайников с Шантарских островов, Труды Ботанического института Академии наук, сер. II, вып. I, Л., 1933.
140. Савич К., Отчет по командировке в 1893 г. на Командорские острова, Мин. фин., Спб.
141. Сарычев Г., Путешествие флота капитана Сарычева, ч. I—II, Спб., 1811.
142. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью, изд. по распор. генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина, т. III, Камчатка и Командорские острова, вып. I—IV, Иркутск, 1884.
143. Сведения о китовом промысле в Охотском море, в Удской губе и Тугурском заливе в 1862 г., «Морской сборник», 1863, № 2, оф. отд. 75—76.
144. Сергеев М. А., Корякский национальный округ, Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР, Труды по экономике, т. I, Л., 1934.
145. Его же, Народное хозяйство Камчатского края; Академия наук СССР, Сопс, М.—Л., 1936.
146. Его же, Советская Камчатка, Соцэкгиз, М.—Л., 1932.
147. Его же, Корякский национальный округ, журнал «Советское Строительство», 1933, № 12.
148. * Его же, Пушное звероводство и островное хозяйство Дальневосточного севера. Очерки по охотничьему хозяйству и звероводству Крайнего Севера, Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, Известия, вып. 6, Л., 1936.
149. Сибирь и великая сибирская железная дорога, Всемирная Колумбова выставка в Чикаго, Изд. Мин. фин., Спб., 1893.
150. Сильницкий А., 14 месяцев службы на Камчатке, журнал «Исторический Вестник», т. CXVIII, 1909, № 11.
151. Снмаков С. А., Командорские острова и их пушное хозяйство, журнал «Советская Арктика», 1936, № 11.

152. Словцов П., Историческое обозрение Сибири, кн. 1—2, М. 1838—1844.
153. Слюнин Н. В., Охотско-Камчатский край, Естественно-историческое описание, т. I—II, изд. Мин. фин., Спб., 1900.
154. * Его же, Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. Отчет за 1892—1893 гг., изд. Мин. земл. и гос. им., Спб., 1895.
155. Его же, Современное положение нашего Дальнего Востока. Спб., 1908.
156. Его же, Экономическое положение инородцев северо-восточной Сибири, Известия Русского географического о-ва, т. XXXI, Спб., 1895.
157. Сноу, Курильская гряда, Перевод с англ., Записки Общества изучения Амурского края, т. VIII, вып. I. Владивосток, 1902.
158. Соколов Ал., Северная экспедиция 1733—1743 гг., Записки Гидрографического департамента, ч. IX, Спб., 1851.
159. Солдатов В. К. Список морских станций 1911 г., сделанных на крейсере «Лейтенант Дыдымов» в восточных морях, Ежегодник Зоологического музея Академии наук, т. XVIII, Спб., 1913.
160. Список населенных мест Дальневосточного края по материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года и Приполярной переписи 1926—1927 года, Дальневосточный краевой статистический отдел, Хабаровск—Благовещенск, 1929.
161. Старк, Заметки о Шантарах, газета «Тихоокеанская Звезда», 1933 г., 9 сентября, № 200.
162. * Суворов Е. К., Из поездки на Командорские острова, Известия Русского географического о-ва, т. XLVII, вып. 6, Спб., 1911.
163. * Его же, Командорские острова и пушной промысел на них, Гл. упр. землеустр. и землед., Департ. землед., Спб., 1912.
164. Его же, О пушном хозяйстве на Командорских островах, сборник в честь проф. Н. М. Книповича, Л., 1927.
165. Его же, Очередные задачи на Командорских островах, журнал «Вестник Рыбопромышленности», 1916 г., № 9.
166. Его же, Рыболовство, Азиатская Россия, Переселенческое управление Гл. упр. землед. и землеустр., т. II, Спб., 1914.
167. Сулковский П. Г., Записка о Камчатке, Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью, т. III, вып. 1—2, Иркутск, 1882.
168. Тихенко С. А., Отчет о поездке на Командорские острова летом 1912 г., Материалы к познанию русского рыболовства, т. III, 1914.
169. Тихий океан, Русские научные исследования, изд. Академии наук, Л., 1926.
170. Тихменев П., Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. I—II, Спб., 1861—1863.
171. Trautvetter E. R. et Meyer C. A., Florula Ochotensis phaenogama; Middendorff A., Sibirische Reise, Bd. I, Teil 2, 1856.
172. Унтербергер П. Ф., Приамурский край 1906—1910 гг., Записки Русского географического о-ва по отд. стат., т. XIII, Спб., 1912.
173. Его же, Приморская область 1856—1898 гг., Записки Русского географического о-ва по отд. стат., т. VIII, вып. 2. Спб., 1900.

174. Fedtschenko Boris, Flore des îles du Commandeur, Crakovie, 1906, Edition de l'Academie des Sciences.
175. Филатов Д. П., Отчет о поездке летом 1913 г. на Командорские острова, Материалы к познанию русского рыболовства, т. III, 1914.
176. Фрейберг Е. Н., Голубой песец на Командорских островах, журнал «Охотник», 1926, № 9.
177. Фридрихсон В. Н., Плавание на крейсере «Африка» под флагом контр-адмирала Асланбегова, журнал «Русский Вестник», 1883, т. 164, апрель.
178. Хабаров В. П., Командорские острова, Сборник «Тайга и тундра» Л., 1931, № 3.
179. Хабаров, Школа на Командорских островах. Сборник «Тайга и тундра» Л., 1931, № 3.
180. Die Expedition in die Seen von China, Japan und Ochotsk unter Kommando von Commodore Calw. Ringgold und Commodore John Rodgers und die Erforschung des Amurgebietes durch Dr. P. Collins im Auftrage der Regierung der Vereinigten Staaten, unternommen in den Jahren 1853 bis 1857. Deutsche Original-Ausgabe von W. Heine, Dritter oder Supplementband, Leipzig, 1858.
181. Черский А. И., Командорский песец, Материалы по изучению рыболовного и пушного промысла на Дальнем Востоке, вып. I, Токио, 1919.
182. Шиганский В., Год на Шантарских островах, журнал «Дальневосточный партработник», 1932, № 9.
183. Шильдкнехт Е., Плавание у берегов Татарского пролива, Охотского и Берингова морей, прил. к 41 т., «Записки по гидрографии», II, 1917.
184. Шишкин И. К., Материалы к флоре Карагинского острова. Вместо предисловия, Н. Е. Кабанов, Вестник Дальневосточного филиала Академии наук СССР, 1936, № 20, Дальгиз, Владивосток, 1936.
185. Его же, Материалы по растительному покрову Шантарских островов, Известия Тихоокеанской Научно-промысловой станции, т. II, вып. 4, Владивосток, 1928.
186. Штидт П. Ю., Рыбы восточных морей, Спб., 1904.
187. Schrenk L. Reisen und Forschungen im Amur-Lande, B. I, 1858.
188. Stejneger L., Additional notes on the plants of the Commander Islands. Procced of the Un. St. Nation Museum, vol. VII, 1884, Washington, 1885.
189. Его же, Contributions to the history of the Commander Islands. Proceed of the U. S. National Museum, vol. VI, 1883.
190. Его же, Georg Wilhelm Steller the pioneer of Alaskan natural history. Cambridge Massachusetts Harward University Press, 1936.
191. Его же, Results of ornithological exploration in the Commander Islands and in Kamtchatka. Bulletin of the United States National Museum, N 29, CCIII, 1885.
192. Его же, Ueberblick über meine Reise nach Kamtschatka und den Commander Inseln (1882 und 1883). Deutsche Geographische Blätter, herausg. von der Geogr. Gesellsch. in Bremen. Bd. VII, 1884.
193. Steineger L. and Lucas F. A., Contribution to the history of Pallas-cormorant (Proceedings U. S. Nat. Mus., vol. XII, 1889).

194. Steller G. W. Ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meerthieren. Halle, 1753.
195. Его же, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Namen, Lebensart und verschiedene Gewohnheiten, herausgegeben von J. B. S. Frankfurt und Leipzig bei Johann Georg Fleischer, 1774.
196. Его же, De bestiis marinis. Novi Comment. Acad. Petropol. II (1749). Petrop, 1751.
197. Его же, Tagebuch seiner Seereise aus dem Petripaul's Hafen in Kamtschatka bis an die Westlichen Küsten von Amerika und seiner Begebenheiten auf der Rückreise. Neue Nordische Beiträge, Bd. V. St.-Petersb. und Leipzig, 1793.
198. Его же, Fortsetzung von Reise nach Amerika. Neue Nordische Beiträge, Bd. VI. 1793 (отд. изд. Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Kommandeur-Capitän Bering, St. Petersbourg, 1793).
199. Его же, Topografische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt, Neue Nordische Beiträge, II, 1781.
200. Щеглов И. В., Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг., изд. Восточно-сибирского отдела Русского географического о-ва, под ред. В. И. Вагина. Иркутск, 1883.
201. Jakowlef P., Kurze Beschreibung der sogenannten Kupferinsel (Mednoi ostrof) im Kamtschatkischen Meere, Neue Nordische Beiträge, Bd. II, St. Petersbourg, 1781.

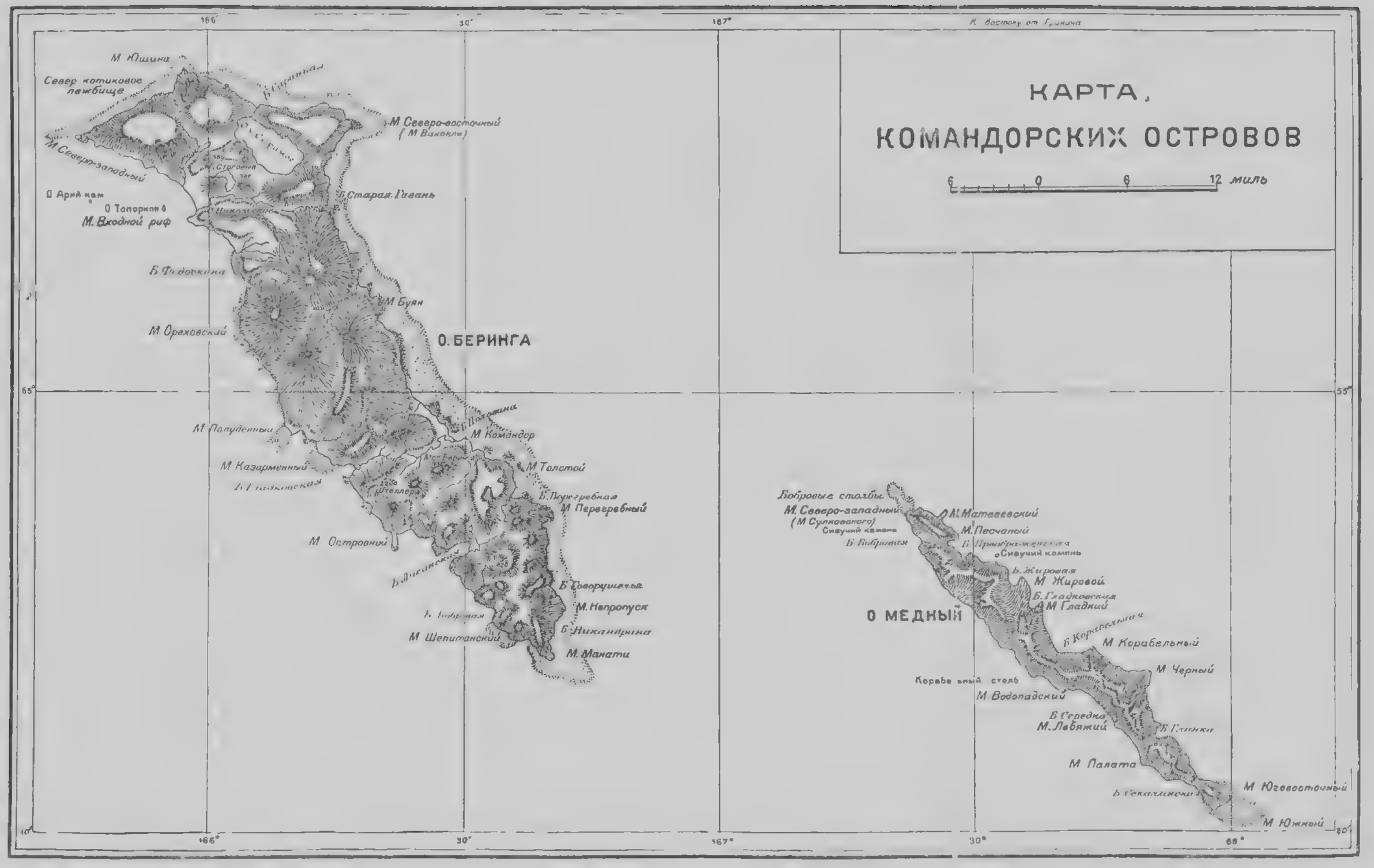
Рукописи

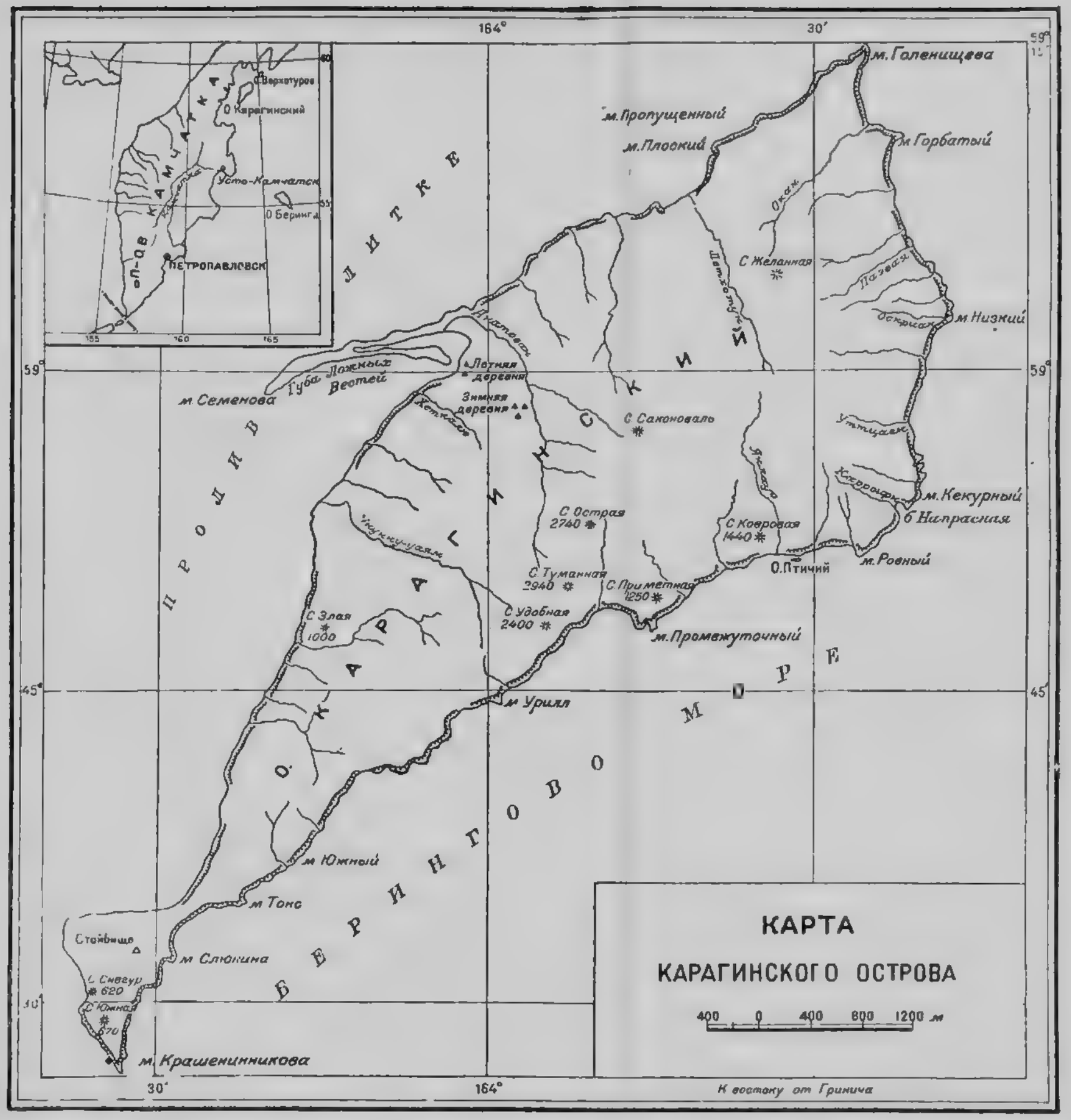
1. Дело Главного управления земледелия и землеустройства о заключении с Японией соглашения об охране котиков, Ленингр. отд. Центрархива, 1908, № 11, ч. III.
2. Иогансен Г. Х., проф., Доклад о Командорских островах, Владивосток, 1931.
3. Мартыщенко, Остров Карагинский, Петропавловск Камчатский, 1936.
4. Паспорт Зверосовхоза острова Беринга системы Дальзверкомбината на 1/II — 1934 г.
5. Розанов М. П., Отчет обследования ондатрового хозяйства и отношения ондатры к нерестилищам лососевых на острове Карагинском (С.-В. Камчатка), Лето 1931 г.
6. Устюжанинов И., Шантарское островное хозяйство.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
Пушное звероводство и островное хозяйство	6
Командорские острова	14
Природные условия и естественные ресурсы	—
Открытие и исследование островов	37
Судьбы островов до революции	52
Население островов до революции	88
Социалистическое хозяйство островов	111
Воскреснувшая народность	125
Карагинские острова	139
Природные условия и естественные ресурсы	—
История исследований	153
Судьбы островов до революции	160
Социалистическое освоение	172
Перспективы развития	189
Остров Верхотуров (Малый Карагинский)	194
Шантарские острова	197
Шантарское море	—
Природные условия и естественные ресурсы Шантарских островов	201
Открытие и исследование островов	225
Судьбы островов до революции	237
Социалистическое хозяйство островов	250
Общие итоги развития островного хозяйства и задачи его в третьем пятилетии	261
Литература	271

Ответственный редактор проф. С. Н. Недрипайлов. Технический редактор П. Смирнов. Художник А. Ушин. Книга сдана в набор 17 сентября 1937 г. Подписана к печати 15 февраля 1938 г. Соцэгиз № 1674. Тираж 10 000 экз. Леноблгорлит № 431. Заказ № 186. Формат бумаги 84×108 см. Уч.-авт. л. 16,31 + 1,55 вклеек. Печ. л. 17½ + 4 л. вклеек. Бум. л. 5¼. Тип. знак. в 1 бум. л. 149.000. Цена книги 3 р. 60 к. Переплет 1 р. 25 к. 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.


КАРТА,
КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ
6 0 6 12 миль
К востоку от Гринича
166°
30'
167°
30°
68°
55°
М Юшина
Север котиковое лежбище
М Северо-восточный
(М Ваковля)
М Северо-западный
О Арий кам
О Топорков
М. Входной риф
Б Старая Гавань
Б Федоркина
М Буян
М Ореховский
О. БЕРИНГА
М Полуденный
М Командор
М Казарменный
М Толстой
Б Перегребная
М Перегребный
М Островной
Б Говорушелья
М. Непропуск
Б Никандрина
М Шепитанский
М. Манати
Бобровые столбы
М. Северо-западный
(М Сулковского)
Сивучий камень
Б Бобровая
М. Матвеевский
М. Песчаный
Сивучий камень
Б. Жировая
М Жировой
Б. Гладковская
М Гладкий
О МЕДНЫЙ
М Корабельный
М Черный
Корабельный столб
М Водопадский
Б Середка
М. Лебяжий
М Палата
М Юговосточный
М Южный



Сергеев — 1803

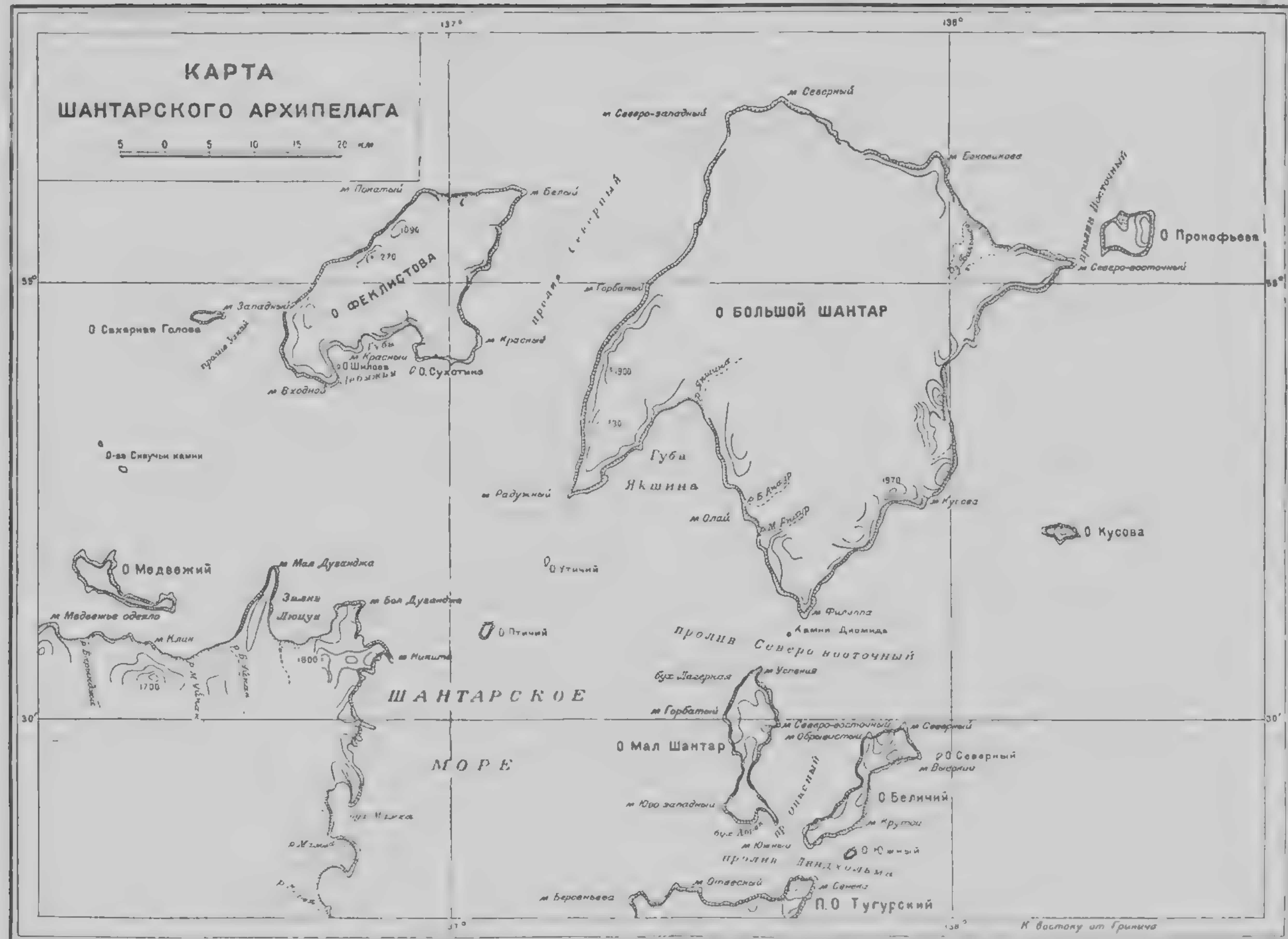
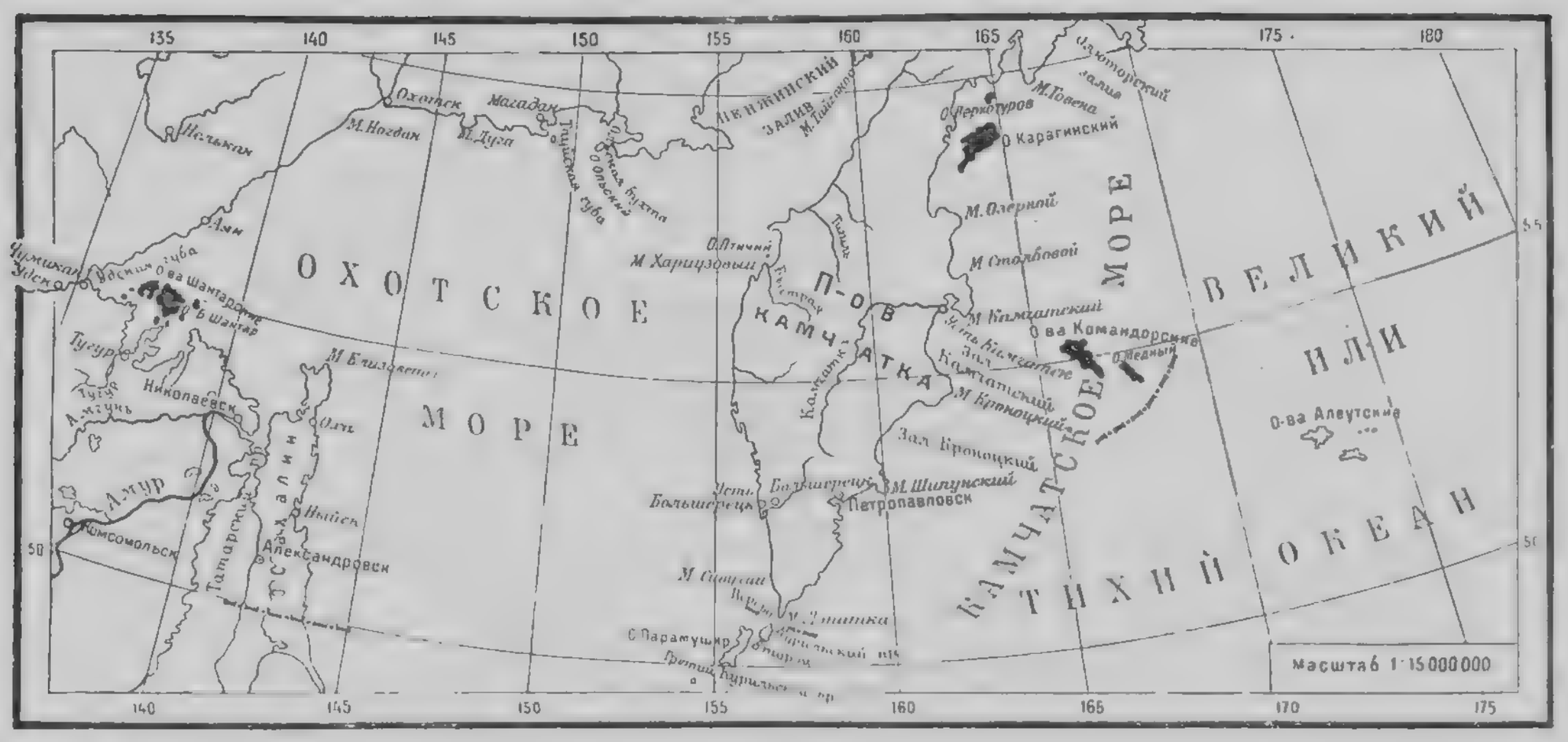

КАРТА
ШАНТАРСКОГО АРХИПЕЛАГА
5 0 5 10 15 20 км
137°
138°
55°
30′
м Северный
м Северо-западный
м Баковикова
м Покатый
м Белый
1090
270
О ФЕКЛИСТОВА
пролив Северный
О Прокофьева
м Северо-восточный
м Горбатый
м Западный
О Сахарная Голова
пролив Узкий
О БОЛЬШОЙ ШАНТАР
Губа
м Красный
О Шилова
О.Сухотина
м Красный
м Входной
1900
130
О-ва Сивучьи камни
Губа
Якшина
1970
м Кусова
м Радужный
м Олай
О Кусова
О Медвежий
м Мал Дуванджа
О Утичий
Люцук
м Бол Дуванджа
м Медвежье одеяло
О Птичий
м Филиппа
Камни Диомида
м Клин
пролив Северо восточный
1600
м Никита
1700
бух Лагерная
м Успения
ШАНТАРСКОЕ
м Горбатый
м Северо-восточный
м Северный
О Мал Шантар
О Северный
МОРЕ
О Беличий
м Юго западный
м Крутой
м Южный
О Южный
м Отвесный
м Берсеньева
П.О Тугурский
К востоку от Гринича

СХЕМА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ АЗИИ



Сергеев — 1803

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
7	1 снизу	стр. 249	стр. 252
52	14—15 сверху	Кулатин	Кулагин
132	22 сверху	Еще в 1935 г.	Еще в 1925 г.
149	1 снизу	(см. стр. 172).	(см. стр. 166).
278	14 сверху	Амунской	Амурской
280	11 сверху	Хабаров В. П.	Хабарова В. П.
282	6 снизу	Тираж 10000 экз.	Тираж 5000 экз.

М. Сергеев. Советские острова Тихого океана — 1803

Ар.85к.